Прилож. къ Учен. Зап. Каз. Унив. за 1900 годъ. Ноябрь.

ЦЕРКОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

ВЪ ПЕРІОДЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ

(ACCUSATIO)

И ВЛІЯНІЕ НА НЕГО РИМСКО-ВИЗАНТІЙСКАГО ПРОЦЕССУАЛЬНАГО ПРАВА.

П. Прокошевъ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Памяти матери († 20 окт. 1899 года)
авторъ посвящаетъ свой трудъ.

Введеніе.

Наша каноническая литература по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей правительственныхъ мѣропріятій, предпринимавшихся съ цѣлію улучшенія церковно-судебныхъ порядковъ.

Сопоставленіе свѣтскаго преобразованнаго суда—скораго праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ,—построеннаго на совершенно новыхъ началахъ, съ судомъ духовнымъ слишкомъ ярко оттѣнило недостатки послѣдняго [1]), и побудило Св. Синодъ принять мѣры, чтобы сдѣлать духовные суды „столько же способными къ раскрытію истины, къ установленію правды, какъ и суды свѣтскіе государственные“ [2]).

Вслѣдъ за первымъ Комитетомъ, работавшимъ съ 1865—1868 г., подъ предсѣдательствомъ Филоѳея, архіепископа Тверскаго [3]), учреждается при Св. Сунодѣ въ концѣ 1869 г. второй Комитетъ изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго Макарія. Задачею этого Комитета, какъ гласитъ о томъ Высочайшее повелѣніе, было „составить основныя положенія преобрззованія судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на которыхъ совершенно преобразованіе судоустройства и судо-

---

[1]) Эти недостатки обрисованы широкою, хотя по мѣстамъ и довольно свободною, кистію проф. Соколова. Пр. Обозр. 1870. I 823—853 и 973—1010 стр.

[2]) Предполагаемая реформа церк. суда. I вып. 90 стр. СПБ 1873.

[3]) См. Руновскій. Церковно-гражданскія законоположенія относительно прав. духовенства въ царствованіе имп. Александра II. 185—187 стр. Казань 1898 г

производства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по примѣненію этихъ началъ, насколько окажется полезнымъ и возможнымъ, къ свойству, цѣлямъ и потретностямъ суда духовнаго“ [1]).

Одновременно съ оффиціальными работами по составленію проекта церковно-судебной реформы, обсужденіемъ этого вопроса занялась текущая духовная и свѣтская литература, при чемъ первая разработывала главнымъ образомъ, вопросъ о тѣхъ началахъ, на которыхъ покоился церковный судъ въ первые три вѣка христіанства и въ эпоху вселенскихъ соборовъ и тѣхъ органахъ, которые въ этотъ періодъ отправляли церковную юрисдикцію, вторая же трудилась надъ вопросомъ о компетенціи церковнаго суда [2]).

Однако ни оффиціальныя работы Комитета, ни горячія обсужденія вопроса публицистами на страницахъ періодической печати не дали никакихъ положительныхъ *практическихъ результатовъ*. Причина этого кроется въ томъ объстоятельствѣ, что члены Комитета, оффиціально призванные выработать проэктъ духовно-судебной реформы, были лица разныхъ школъ—юридической и богословской и разныхъ церковно-политическихъ направленій—бюрократическаго и іерократическаго [3]).

---

[1]) Предпол. реформа церк. суда вып. I стр. I.

[2]) Подробное указаніе свѣтской и духовной литературы можно найти въ сочиненіи «предполагаемая реформа церк. суда II вып. съ 93—292 стр. Ср. соч. Руновскаго. 233—286 стр.

[3]) Кромѣ предсѣдателя, въ составъ Комитета вошли слѣдующія лица: 1) бывшій главный священникъ арміи и флота, докторъ богословія, протоіерей М. И. Богословскій; 2) членъ Кіевской Дух. Консисторіи, каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ; 3) членъ Кіевской Дух. Консисторіи и ординарный проф. Университета св. Владиміра, докторъ богословія, прот. Н А. Ѳаворовъ; 4) членъ Московской Дух. Консисторіи, прот. І. Н. Рождественскій; 5) членъ С-Петербургской Дух. Консисторіи, прот. Н П. Содальскій; 6) старшій предсѣдатель С.-Петербургской Судебной палаты. сенаторъ т. с. А. С. Любимовъ; 7) старшій чиновникъ 2-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, т. с. Ѳ. М Маркусъ; 8) ордин. проф. С.-Петербургскаго Университета, докторъ юридическихъ наукъ д. с. с. С. В. Пахманъ; 9) ордин. проф. того же Университета, докторъ уголовнаге права с.с. Н. П. Чебышевъ—Дмитріевъ; 10) бывшій товарищъ предсѣдателя С.-Петер-

Представители бюрократическаго направленія—чиновники отъ государства,—увлекаясь новыми юридическими началами. выработанными наукой и положенными въ основу судебныхъ учрежденій по гражданскому вѣдомству, желали на этихъ же самыхъ устояхъ утвердить и церковный судъ: съ особеннымъ усиліемъ они проводили принципъ отдѣленія суда отъ администраціи, въ видахъ ограниченія того іерократическаго абсолютизма, который усматривали въ лицѣ епархіальнаго архіерея. Представители іерократическаго направленія (церковные іерархи и теологіи—канонисты) находили совершенно невозможнымъ реформировать церковный судъ по началамъ свѣтскаго суда, видя противорѣчіе этихъ началъ откровенному христіанскому ученію и основнымъ каноническимъ нормамъ, и энергично отстаивали status quo въ положеніи церковно-судебной власти [1]). Оффиціальныя работы Комитета давали тонъ публицистическимъ статьямъ періодической прессы: послѣднія были только какъ бы эхомъ, отголоскомъ воззрѣній членовъ Комитета, раздѣлившихся на двѣ неравныя партіи, а потому, естественно, и журнальныя статьи характеризуются тою же борьбою двухъ указанныхъ выше направленій, тѣмъ болѣе что многія изъ этихъ статей (если не большинство) принадлежатъ перу самихъ же членовъ Комитета [2]) Отсутствіе солидарности въ воззрѣніяхъ членовъ Комитета по вопросу о

бургскаго Окружнаго суда (членъ Консультаціи Министерства Юстиціи д. с. с. И. А Сабуровъ 11) членъ Консультаціи Министерства Юстиціи, д. с. с. А, С. Бурлаковъ; 12) бывшій прокуроръ С.-Петербургскаго Окружнаго суда (юрисконсультъ при шефѣ жандармовъ) с. с. М. Н. Баженовъ; 13) бывшій предсѣдатель С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда (старшій юрисконсультъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи) надв. сов. Н. А Неклюдовъ; 14) экстраорд. проф. Московской Дух. Академіи, А. Ѳ. Лавровъ; 15) экстраорд. проф С.-Петербургской Дух Академіи, Т. В. Барсовъ; и 16) юрисконсультъ при Оберъ-Прокурорѣ Св. Сунода, д. с. с. В А. Степановъ См. «о работахъ по преобразованію духовно-судебной части». Христ. чтеніе 1873. II 618—619 стр.

[1]) Это направленіе рѣзко выразилось въ мнѣніяхъ Духовныхъ Консисторій и епархіальныхъ архіереевъ относительно проэкта преобразованій духовно судебной части. См. статьи проф. Горчакова въ Сборн. Госуд. знаній II т. 1—24 стр. (библіографія).

[2]) См. «Предполагаемая реформа» .. вып. II 143—189 стр.

церковно-судебной реформѣ и было главною причиною того, что ни проэкты Комитета, ни проэкты частныхъ лицъ не получили Высочайшаго утвержденія, а слѣдовательно и практическаго приложенія [1]).

Каковы же, спрашивается *научные результаты* всей этой обширной журнальной литературы? Что можетъ дать она въ частности по интересующему насъ вопросу о церковномъ судопроизводствѣ періода вселенскихъ соборовъ?

Оставляя въ сторонѣ мелкія статьи, разбросанныя въ разныхъ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ не имѣющія научнаго значенія, обратимся прямо къ болѣе или менѣе обширнымъ журнальнымъ статьямъ, принадлежащимъ перу тогдашнихъ представителей нашей канонической науки профессоровъ церковнаго права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Соколова, Барсова и Лаврова). Въ своихъ статьяхъ названные канонисты только *отчасти* касаются самаго судопроизводства въ эпоху вселенскихъ соборовъ, занимаясь главнымъ образомъ, путемъ подробнаго анализа даннымъ церковнаго законодательства и церковно-судебной практики, установленіемъ принципіальныхъ положеній по вопросу объ организаціи церковно судебной власти,—въ цѣляхъ прочнаго обоснованія начертанныхъ ими проэктовъ преобразованія духовнаго суда. Такъ, проф. Соколовъ прямо заявляетъ, что рядъ статей предпринятъ имъ „не для рабскаго подраженія древнимъ формамъ церковнаго устройства.... а для выясненія основаній, на которыхъ должны утверждаться современныя преобразованія“ [2]). Такимъ же замѣчаніемъ предваряетъ свои статьи и проф. Барсовъ: „Историко-каноническое изслѣдованіе того, на какихъ именно началахъ развивался и въ какихъ именно формахъ существовалъ и дѣйствовалъ духовный судъ въ древней вселенской и нашей русской церкви, пишетъ онъ, откроетъ намъ твердыя каноническія и историческія данныя къ тому, чтобы высказать болѣе вѣрныя и удовлетворительныя

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе этихъ мыслей—см. въ статьѣ «Научная постановка церковносуднаго права». Сборн. Госуд. знаній II. 223—270 стр. См нашу книгу: «Каноническіе труды Іоанна, епископа Смоленскаго» Казань 1895 г. 380—384 стр.

[2]) Прав Обозр. 1871 II. 506 стр.

собственныя соображенія о желательныхъ началахъ и формахъ духовнаго суда, примѣнительно къ потребностямъ жизни и исторіи“ [1]) Таже цѣль преслѣдовалась и сочиненіемъ проф. Лаврова: „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ [2]).

Само собою разумѣется, что каждый изъ канонистовъ былъ живо заинтересованъ въ судьбѣ предлагаемаго имъ проэкта· каждому желательно было провести свой проэктъ, а для этого необходимо было доказать полную, такъ сказать, каноничность собственнаго проэкта и неканоничность проэктовъ своихъ противниковъ [3]). Возникла полемика, во время которой спорящія стороны, увлекшись полемическимъ пыломъ, утратили душевное равновѣсіе спокойствіе и самообладаніе, столь необходимыя качества для объективнаго изслѣдованія спорнаго вопроса, смѣнились раздраженіемъ другъ противъ друга, которое, какъ извѣстно, туманитъ ясность умственнаго взгляда. Прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ этого была тенденціозность произведеній, принадлежащихъ перу названныхъ канонистовъ. Каждый изъ нихъ смотритъ на церковное судопроизводство эпохи вселенскихъ соборовъ съ точки зрѣнія защищаемаго имъ основнаго принципа и въ то время какъ проф. Соколовъ, защитникъ бюрократическаго направленія, видитъ вліяніе стороннихъ факторовъ въ такихъ моментахъ церковно-судебнаго процесса, которые были опредѣлены самою церковію, проф. Лавровъ, горячій сторонникъ направленія іерократическаго, отрицаетъ это вліяніе и тамъ, гдѣ оно не подлежитъ никакому сомнѣнію [4]).

---

[1]) Христ Чтеніе 1870 II. 479—480 Ср. 1871. II 243—246.

[2]) См. предисловіе къ I и II вв

[3]) Проэктъ проф. Соколова изложенъ въ Прав Обоз 1871 I. 321—673; проф Лаврова—Предп. реф II в 304—363 стр. и проф. Барсова Хр Чт. 1873 I 455—489 стр

[4]) Проф Барсовъ въ своихъ сужденіяхъ о желательныхъ улучшеніяхъ въ организаціи духовнаго суда въ значительной степени примыкаетъ къ воззрѣніямъ проф Соколова Предоставляя епископу только административное право налагать на виновныхъ взысканія, вытекающее изъ лежащей на немъ обязанности надзирать ἐπισκοπεῖν за соблюденіемъ уставовъ и правилъ въ подчиненномъ ему предѣлѣ (Хр. Чтеніе 1873 г I. 457—458 466.), проф. Барсовъ, подобно проф Соколову, судъ въ собственномъ смыслѣ считаетъ необходимымъ поставить «внѣ стѣснительныхъ вліяній епископа, дабы

Конечно, въ статьяхъ почтенныхъ канонистовъ и по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ не мало дано историко-каноническаго матеріала, не мало высказано цѣнныхъ соображеній (особенно талантливымъ проф. Соколовымъ); но эти статьи, вызванныя практическими потребностями того времени и имѣющія въ виду—познакомить читающую публику съ реформаторскими предначертаніями ихъ авторовъ,—и не претендуютъ на научное изслѣдованіе вопроса—ни о церковномъ судѣ вообще, ни тѣмъ болѣе, о церковномъ судопроизводствѣ въ частности, а потому этими статьями нисколько не устраняется необходимость изслѣдованія, съ большею широтою и подробностію захватывающаго послѣдній вопросъ [1]).

Не устраняется необходимость такого изслѣдованія и спеціальнымъ трудомъ о церковномъ судѣ г. Заозерскаго „Церковный судъ въ первые вѣка христіанства“, появившимся въ свѣтъ вслѣдъ за журнальной полемикой по поводу церковно-судебной реформы, хотя этотъ трудъ и претендуетъ на полное и точное изображеніе церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства. Мотивируя появленіе своего труда „интересами теоретическими, научными“ и опредѣляя отношеніе его къ предшествовавшей журнальной литературѣ по этому вопросу, г. Заозерскій пишетъ: „полно ли наше представленіе о цер-

---

судъ, со свойственною ему свободою, изслѣдовалъ дѣйствительность совершеннаго преступленія, самостоятельно опредѣлялъ его тяжесть и полагалъ виновному соотвѣтственное наказаніе. Допустивъ такую постановку отношеній между архіереемъ и судомъ, реформа поступитъ, какъ намъ кажется, не только согласно съ канонами, но и въ видахъ обезпеченія правосудія; ибо вмѣшательство въ судъ административной власти, наблюдающей свои спеціальные интересы, необходимо разстраиваетъ отправленія правосудія, стѣсняетъ свободу подсудимыхъ, для которыхъ защита предъ начальствомъ становится дѣломъ затруднительнымъ» Хр Чтеніе 1873 г I 462—463 стр Ср. разсужденія проф. Секолова Пр. Обоз. 1871 I 330—340. 673; 1870. I. 825—826. 979—981; 1871. II. 486—680.

[1]) Послѣ всѣхъ толковъ о преобразованіи у насъ церковнаго суда, говоритъ авторъ статьи. «искусственные пріемы въ наукѣ каноническаго права» вопросъ этотъ не только не исчерпанъ и не разрѣшенъ, но совершенно запутанъ и оставленъ безъ всякаго движенія. Прав. Обозр. 1878 III 300. Такой же отзывъ обо всей этой журнальной литературѣ даетъ и проф. Горчаковъ Сборник госуд. заній II. 225 стр ср VII 5—6. стр. (библіографія)

ковномъ судѣ первыхъ вѣковъ христіанства, какое дала намъ литература наша по этой части? Что оно не полно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія уже потому одному, что нашимъ изслѣдователямъ и не представлялось никакихъ понужденій подробно разсматривать этотъ судъ: для нихъ достаточно было указать въ немъ только на то, что имѣло какое либо отношеніе къ спорнымъ и занимавшимъ ихъ вопросамъ. Далѣе, вѣрно ли наше представленіе и о дѣйствительно изслѣдованныхъ сторонахъ древняго церковнаго суда? И этотъ вопросъ наша литература не разрѣшаетъ окончательно, ибо споривше между собою изслѣдователи разошлись съ противоположными воззрѣніями на этотъ предметъ: одни нашли древній судъ церкви нисколько не противорѣчащимъ съ выработаннымъ проэктомъ реформы нашего церковнаго суда, другіе, напротивъ, нашли ихъ не согласующимися между собою“ [1]). Но насколько „полно и точно“ изображеніе церковнаго суда, данное г. Заозерскимъ? Достаточно поверхностнаго знакомства съ его трудомъ, дабы убѣдиться, что трудъ этотъ написалъ въ томъ же іерократическомъ направленіи, въ какомъ написаны и произведенія проф. Лаврова и представляетъ ничто иное, какъ замаскированную апологію воззрѣній послѣдняго. Это и было подмѣчено современной канонической критикой. „При чтеніи книги г. Заозерскаго, пишетъ проф. Горчаковъ, замѣтно стараніе—въ виду споровъ о церковномъ судѣ, бывшихъ по поводу проэкта духовно-судебной реформы,—„окончательно“ и „полно“ представить въ смыслѣ одной изъ спорящихъ сторонъ тѣ стороны древняго церковнаго суда, которыя составляли предметъ споровъ... что его книга по своему направленію примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ литературы, которыя явились со стороны іерократическаго направленія въ разрѣшеніи вопросовъ о церковномъ судѣ и что она какъ бы и написана для поддержанія этого направленія“ [2]). Такое же впечатлѣніе произвелъ трудъ г. Заозерскаго и на автора статьи „искусственные пріемы“... Напрасно г. Заозерскій, замѣчаетъ онъ, старается представить, что его изслѣдованіе не имѣетъ никакого отношенія къ партіямъ и спорамъ, высказавшимся у

---

[1]) См. предисловіе II—III стр

[2]) Сборн. Госуд знаній VII 9 и 12 стр. (библіографія).

насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этому вопросу, и что онъ задается лишь чисто научными цѣлями. Едва ли кто-нибудь, читая его книгу, можетъ остаться въ недоразумѣніи относительно того, что наука имѣетъ здѣсь не самостоятельное, а служебное значеніе, и что изслѣдованіе предпринято и написано съ тою цѣлію, чтобы практикою древней церкви и свидѣтельствами древнихъ памятниковъ доказать правильность „*извѣстныхъ*“ представленій о церковномъ судѣ, тѣхъ именно, какія выставлены были *одною* изъ партій, полемизировавшихъ по вопросу о нашей духовно-судебной реформѣ. Тема изслѣдованія здѣсь была намѣчена заранѣе и заключительные выводы готовы были прежде самаго изслѣдованія: изслѣдователю оставалось только подобрать подъ эти выводы возможно болѣе ученыхъ аргументовъ, что онъ и исполнилъ весьма точно. Зачѣмъ было автору говорить объ „отрѣшенности отъ всякихъ практическихъ задачъ настоящаго времени, о полнотѣ и точности изслѣдованія? Почему бы ему не высказать прямо, что его изслѣдованіе находится въ тѣсной связи со взглядами одной изъ партій, высказавшихся по вопросу о церковномъ судѣ, и имѣетъ въ виду научное обоснованіе и оправданіе этихъ взглядовъ? И тѣ выводы, которые авторъ высказываетъ въ концѣ книги, какъ заключеніе къ изслѣдованію, почему бы не поставить ему въ самомъ началѣ, какъ исходные пункты для изслѣдованія или лучше сказать для подтвержденія? Въ такомъ случаѣ если бы въ изслѣдованіи автора было и не болѣе научности, по крайней мѣрѣ, болѣе было бы прямоты [1]).

Мы позволили себѣ сдѣлать эту длинную выписку на томъ основаніи, что и сами всецѣло раздѣляемъ содержащійся въ ней отрывъ о характерѣ труда г. Заозерскаго.

Однимъ словомъ, современная каноническая критика нашла трудъ г. Заозерскаго тенденціознымъ, исполненнымъ неточностей и противорѣчій [2]) и не свободнымъ отъ подтасовки источниковъ [3]). Въ частности, по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ г Заозерскій, въ прямой ущербъ истинѣ,

---

[1]) Прав. Обоз 1878. III. 307—308 стр

[2]) Сборн. Госуд. знаній VII 10—11 стр

[3]) Прав Обозр. 1878. III. 671 стр

силится доказать, что тѣ процессуальныя формальности, которыя усматриваются въ судопроизводствѣ эпохи вселенскихъ соборовъ, суть плодъ самобытнаго творчества церкви и что вліяніе римскаго процесса на процессъ каноническій ограничилось заимствованіемъ только нѣкоторыхъ подробностей и мелочей (нотаріи, протоколъ и обвинительный актъ), при чемъ и это заимствованіе „было вполнѣ приспособлено и согласовано съ общими требованіями церковнаго судопроизводства и существенныхъ измѣненій въ немъ не произвело“ [1]).

Главное побужденіе, которое руководило авторомъ при выборѣ предмета для настоящей работы,—чисто субъективнаго свойства: ему желательно было видѣть въ этой работѣ какъ бы нѣкоторое дополненіе къ диссертаціи „Каноническіе труды Іоанна, епископа Смоленскаго“, въ которой интересный вопросъ о взаимоотношеніи римскаго и каноническаго процессовъ затронутъ только мимоходомъ [2]).

Такимъ образомъ, задачу настоящаго изслѣдованія составляетъ объективное, чуждое всякаго пристрастія, всякихъ личныхъ симпатій, и подробно еизложеніе церковнаго судопроизводства эпохи вселенскихъ соборовъ на основаніи изученія церковнаго законодательства, данныхъ церковно-судебной практики и римскаго процесса.

Само собою разумѣется, что исходнымъ пунктомъ для нашихъ разсужденій по вопросу о церковномъ процессѣ эпохи вселенскихъ соборовъ должно служить состояніе этого процесса въ первые три вѣка христіанства, дабы путемъ сравненія перваго съ послѣднимъ, читатель могъ легко опредѣлить, что̀ именно въ церковномъ судопроизводствѣ вселенскаго періода явилось результатомъ самобытной творческой дѣятельности церкви и что̀ должно быть отнесено на долю вліянія сторонніхъ факторовъ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду только, такъ сказать, церковно-уголовный (по терминологіи нѣкоторыхъ канонистовъ—дисциплинарный) процессъ, возникавшій по обвиненіямъ кого либо въ преступленіяхъ и про-

---

[1]) Церковный судъ въ первые вѣка христіанства 346—348 стр. На эту сторону дѣла было указано г. Заозерскому проф Павловымъ на его магистерскомъ диспутѣ. Пр Обозр. 1878. III. 671—672 стр.

[2]) См. 291—298 стр.

ступкахъ обще-церковнаго характера (accusatio). Что церковь съ древнѣйшихъ временъ осуществляла судебную власть въ такихъ дѣлахъ, объ этомъ учитъ каждая страница исторіи и этого никто не будетъ отрицать, если не желаетъ уничтожить самое бытіе церкви, какъ особаго духовнаго и вмѣстѣ правоваго института [1])

Что касается остальныхъ формъ процесса, окончательно выработавшихся въ западно-церковномъ процессуальномъ правѣ послѣ отдѣленія Западной церкви отъ Восточной (суммарная accusatio или denuntiatio judicialis, purgatio canonica, inquisitio и др.), то разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія, хотя первоначальные слѣды этихъ формъ (напр., denuntiatio judicialis и purgatio canonica) и можно находить въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода.

[1]) Gross Die Beweistheorie im canonischen Process.... Wien. 1867 s. 8.

Глава первая.

Приступая къ изложенію церковнаго судопроизводства въ первые три вѣка христіанства, мы, естественно, должны прежде всего обратиться къ тому мѣсту въ Евангеліи, которое содержитъ въ себѣ непосредственное распоряженіе Господа о церковномъ судѣ и которое считается классическимъ мѣстомъ (locus classicus) для доказательства карательной власти церкви [1]). Спаситель говоритъ: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ: аще тебе послушаетъ: пріобрѣлъ еси брата твоего. Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два: да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви: аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко же язычникъ и мытарь. Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли будутъ разрѣшена на небесѣхъ“ [2]).

Какія данныя касательно церковнаго судопроизводства можетъ доставить намъ анализъ приведенныхъ словъ Спасителя?

1. Прежде всего въ этихъ словахъ Спасителя, даже и въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать ихъ отдѣльно, а не въ контекстѣ, не въ связи съ общимъ содержаніемъ XVIII главы, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что открытому церковному суду должно предшествовать братское увѣщаніе склонить согрѣшившаго къ раскаянію и само-

---

[1]) Kellner.—Das Buss—und strafverfahren gegen Kleriker.. s. 5—6. Trier. 1863.

[2]) Мѳ. XVIII. 15—18; ср. XVI. 19

осужденію и тѣмъ самымъ возстановить нарушенную имъ гармонію въ отношеніяхъ членовъ церкви. Необходимость такого отношенія къ согрѣшившему брату вытекаетъ изъ самаго существа христіанской религіи, задача которой привести всѣхъ вѣрующихъ къ братскому единенію во Христѣ („да вси едино будутъ"—Іоан. XVII. 21) и потому нужно не столько отлучать заблудшихъ овецъ стада Христова отъ церкви, сколько возвращать ихъ въ лоно ея, подобно тому доброму пастырю, который, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, оставляетъ девяносто девять и идетъ разыскивать потерянную (Мѳ. XVIII. 12—13) [1]). Такимъ образомъ, приведенными словами Спаситель, установляя судъ церковный, заповѣдуетъ, чтобы духъ всепрощающей Евангельской любви, оживотворяющій всѣ жизненныя отношенія послѣдователей Христа [2]), проникалъ собою и церковный судъ: сначала необходимо, въ извѣстной разумной послѣдовательности, употребить всѣ возможныя мѣры нравственнаго воздѣйствія на согрѣшившаго брата въ цѣляхъ спасенія его души („пріобрѣсти брата") и только тогда, когда эти мѣры окажутся безплодными, передать дѣло суду церкви.

2. Церковное судопроизводство, стало быть, открывалось по жалобѣ одного изъ членовъ церкви и совершалось въ присутствіи всей церкви — публично, открыто („повѣждь церкви").

3. Справедливость обвиненія должна быть доказана, по крайней мѣрѣ, двумя или тремя свидѣтельскими показаніями: „да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ". Это опредѣленіе заимствовано изъ Еврейскаго права (Второз. XIX. 15), въ которомъ такое именно количество свидѣтелей требовалось въ дѣлахъ уголовнаго характера, особенно когда поднимался вопросъ о жизни или смерти подсудимаго; при чемъ выраженіе „два или три свидѣтеля" понималось въ томъ смыслѣ, что если одинъ свидѣтель, видѣвшій

---

[1]) Прекрасное разъясненіе мысли о томъ, что задача церкви—собирать, а не расточать стадо Христово, находится въ Постановленіяхъ Апостольскихъ II кн 55—56 гл., русск. перев. Казань 1864 г.

[2]) О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Іоан XIII. 35

совершеніе преступнаго дѣянія, былъ въ тоже время и обвинителемъ, то кромѣ него необходима была наличность еще двухъ свидѣтелей [1]); если же, кромѣ обвинителя, будетъ только одинъ свидѣтель, то обвиняемый, самъ не признавшійся въ преступленіи, долженъ остаться безнаказаннымъ [2]). Въ духѣ Моисеева законодательства говоритъ о свидѣтеляхъ и Спаситель [3]).

4. Въ анализируемыхъ словахъ Спасителя указываютъ, далѣе, всѣ существенныя принадлежности обыкновеннаго судебнаго разбирательства: habes hic omnia, quae sunt exterioris judicii propria-accusatorem, reum, judicem, causae cognitionem, sententiam, coërcitionem [4]).

---

[1]) Michaelis Mosaisches Recht. Frankfurt 1775. Th. VI. s 126.

[2]) Числъ XXXV 30, Второзак. XVIII 6

[3]) Въ указанномъ опредѣленіи Еврейскаго права Молиторъ полагаетъ источникъ не только каноническаго, но и римскаго закона (L. 8. c. de testibus. IV 20) касательно роли свидѣтельскихъ показаній въ судебномъ процессѣ—Ueber kanonisches. Gerichtsverfahren gegen Kleriker s. 10 Mainz. 1856.

Авторъ цитованной статьи «искусственные пріемы въ наукѣ каноническаго права» видитъ въ словахъ Спасителя не формальныхъ свидѣтелей, а простыхъ только посредниковъ при братскомъ примиреніи обиженнаго съ обидѣвшимъ «Изъ словъ Спасителя вовсе не видно, чтобы «единъ или два», которые приглашаются быть посредниками для примиренія обиженнаго съ обидѣвшимъ путемъ братскаго увѣщанія, непремѣнно являлись въ качествѣ формальныхъ свидѣтелей противъ непримиряющагося обидчика на формальный судъ. Понятіе посредника въ цѣляхъ примиренія и понятіе свидѣтеля въ юридическомъ смыслѣ этого слова—два различныя понятія Не всякій посредникъ захочетъ и не всякій можетъ быть формальнымъ свидѣтелемъ на судѣ; посредникомъ можетъ быть и такое лицо, которое не было непосредственнымъ свидѣтелемъ самаго факта нанесенія обиды, и потому не можетъ свидѣтельствовать о немъ на судѣ Въ Евангельскомъ изреченіи понятіе посредника, имѣющее мѣсто при братскомъ примиреніи обиженнаго съ обидѣвшимъ, только сопоставляется, а не отождествляется съ понятіемъ свидѣтеля, примѣняемымъ закономъ Моисеевымъ къ формальному суду Прав. Обозр. 1878 г. III. 573—574 стр. Такому объясненію противорѣчитъ положительный, категорическій тонъ рѣчи Спасителя, чуждый всякихъ условностей и оговорокъ. вынуждающій признать, что Спаситель говоритъ о свидѣтеляхъ въ томъ же смыслѣ и значеніи, въ какомъ трактуется и въ приведенномъ Имъ опредѣленіи Моисеева законодательства.

[4]) Devoti.—Institution. canon. lib. III tit. 1. § 7.

5. Наконецъ, послѣдствіемъ церковнаго суда должно быть или примиреніе согрѣшившаго брата съ церковію или полное разобщеніе въ случаѣ упорной нераскаянности: „буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“.

Такимъ образомъ, въ словахъ Спасителя указывается только сущность, цѣль и послѣдствія церковнаго суда, но не содержится никакихъ формальныхъ предписаній касательно того, какъ долженъ производиться этотъ судъ: самой судебной процедуры здѣсь нѣтъ. Здѣсь ничего не говорится относительно вызова обвиняемаго въ судъ, положенія сторонъ на судѣ, допроса свидѣтелей, способа доказыванія и пр.—словомъ, не указывается никакихъ процессуальныхъ формальностей, которыя въ цѣломъ составляютъ то, что мы обыкновенно называемъ судопроизводствомъ. Совершенно справедливо и очень мѣтко выражается авторъ статьи „искусственные пріемы“..., что „повинный суду здѣсь, такъ сказать, доводится только до воротъ суда (и скажи церкви) и потомъ опять является уже по произнесеніи надъ нимъ приговора (аще же и церковь преслушаетъ), а какъ производится или долженъ производиться судъ надъ нимъ, объ этомъ ничего не говорится“ [1]). Да и можно ли допустить, чтобы Божественный Учитель обставилъ строгими формальными предписаніями такія стороны въ жизни своихъ послѣдователей, которыя должны подлежать свободному, естественному развитію въ прямой зависимости отъ такихъ или иныхъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, условій и обстоятельствъ земнаго существованія церкви?! Если-бы это было такъ, то въ какомъ бы положеніи очутилась церковь Христова въ эпоху гоненій, будучи связана строгими формальными предписаніями своего Основателя касательно разныхъ процессуальныхъ обрядностей и не будучи въ тоже время въ состояніи, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, выполнить ихъ?

Въ посланіяхъ Апостольскихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько мѣстъ, трактующихъ о церковномъ судѣ (1 Тим. V. 19—20; I. 20. 1 Кор. V. 1—5, 13; VI. 1—8). Но всѣ эти мѣста,—предлагая неопровержимыя доказательства въ пользу того, что церковный судъ дѣйствовалъ въ Апостольское время внутри

[1]) Прав. Обозр. 1878 г III. 322. I примѣч.

церковнаго общества, какъ судъ самостоятельный, не только по дѣламъ, касающимся внутреннихъ церковныхъ отношеній и слѣдовательно, подлежащимъ компетенціи церкви, но даже, въ силу исключительныхъ условій церковной жизни того времени, по дѣламъ и отношеніямъ не церковнымъ,—не прибавляютъ ничего новаго по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ. Въ то время какъ въ однихъ изъ приведенныхъ мѣстъ указывается только начальный моментъ церковно-суднаго процесса: принятіе обвиненія со свидѣтелями (1 тим. V. 19—20), въ другихъ—моментъ заключительный: произнесеніе надъ подсудимымъ судебнаго приговора (1 тим. I 20; 1 Кор. V. 1—5). Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ подсудимаго только въ два момента: вошедшимъ въ ворота суда, гдѣ приносится на него обвиненіе, подтвержденное узаконеннымъ числомъ свидѣтельскихъ показаній и вышедшимъ оттуда уже послѣ произнесенія надъ нимъ судебнаго приговора; цѣльной юридической картины судопроизводства нѣтъ въ посланіяхъ Апостольскихъ, да и не могло быть въ это время. Было бы ошибочно думать, справедливо пишетъ Молиторъ, будто уже во времена апостольскія церковное судопроизводство практиковалось въ такихъ же процессуальныхъ формахъ, какія появились лишь въ среднія вѣка, потомъ подвергались теоретической обработкѣ и практическимъ видоизмѣненіямъ. Какъ въ притчѣ Спасителя горчичное зерно постепенно превращается въ большое дерево, такъ и начала церковной жизни и церковной власти растутъ и развиваются только со временемъ. Сущность вещи положена въ зернѣ, а развитіе—дѣло будущаго. Подобно тому какъ разнообразныя учрежденія человѣческаго общества, между прочимъ и правильное судопроизводство, слѣдуетъ искать не у патріарховъ, но у позднѣйшихъ поколѣній, когда жизнь сдѣлалась сложнѣй, разнообразнѣй и запутаннѣй, такъ точно и въ церкви, царство которой не отъ міра сего, но которая тѣмъ не менѣе на этой землѣ пребудетъ до скончанія вѣка въ качествѣ церкви воинствующей и которая идетъ путями человѣческаго общества тамъ, гдѣ они не противорѣчатъ ея высшимъ цѣлямъ [1]).

[1]) Molitor.—Ueber kanonisches Gerichtsverfahren... s. 9

Духъ любви и кротости въ отношеніи къ подсудимому, публичность и простота, выражающаяся въ полномъ отсутствіи всякихъ юридическихъ формальностей—вотъ тѣ начала, которыя характеризуютъ судебный процессъ въ вѣкъ Апостольскій. Онъ походилъ на открытую исповѣдь подсудимаго, когда послѣдній въ присутствіи всего общества и его представителей, или самъ сознавался въ грѣхѣ или былъ обличаемъ другими, причемъ онъ или просилъ себѣ мира и снисхожденія у общества и получалъ примиреніе или отвергался имъ отъ братскаго общенія и выслушивалъ приговоръ осужденія. Такой характеръ церковнаго процесса въ Апостольское время объясняется самымъ строемъ церковной жизни этого времени, исключавшимъ всякую необходимость въ какой либо строго опредѣленной судебной процедурѣ. Каждая церковная община представляла изъ себя въ собственномъ смыслѣ семью, въ которой епископъ былъ отцемъ, а остальные—дѣтьми, въ которой всѣ, подъ руководствомъ своего предстоятеля, считали себя обязанными принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ церкви; между христіанами, какъ братьями одной церковной семьи, царилъ духъ полнѣйшаго и тѣснѣйшаго единенія, существовали самыя простыя отношенія, чуждыя всякаго формализма.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ и каноническихъ данныхъ о церковномъ судопроизводствѣ во времена послѣ—Апостольскія.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что свѣдѣнія по занимающему насъ вопросу, относящіяся ко II и III в в. крайне скудны. Это объясняется, съ одной стороны, указаннымъ характеромъ отношеній первенствующихъ христіанъ между собою.

Первенствующіе христіане, согласно ученію своего Божественнаго Законоположника (Лук. VI. 27 – 31), видѣли въ жалобѣ своего рода мщеніе и потому находили ее противною духу христіанской кротости, считая за лучшее терпѣть обиду, чѣмъ заводить распрю. „Когда васъ обижаютъ, предписываютъ христіанамъ Постановленія Апостольскія, вы не обижайте взаимно, но терпите, потому что Писаніе говоритъ: „не рцы: отмщу врагу за то, что обидѣлъ меня, но потерпи, да (Притч. XX. 22) отмститъ за тебя Господь и наведетъ отмщеніе на обижающаго тебя. И опять въ Евангеліи говоритъ оно: „любите враги ваша, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитеся за тво-

рящихъ вамъ напасть и изгонящыя, и будьте сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя (Мѳ. V. 44. 45). Будемъ, возлюбленные, внимать этимъ заповѣдямъ, чтобы чрезъ исполненіе ихъ оказаться намъ сынами свѣта. Итакъ сносите, рабы и сыны Божіи, другъ друга" [1]). Съ особенною настойчивостію внушалъ христіанамъ такія воззрѣнія св. Климентъ Александрійскій: обвинять кого-либо предъ судомъ, говоритъ онъ въ своихъ Строматахъ, значитъ платить за несправедливость несправедливостію, такъ что самъ истецъ, если онъ приноситъ жалобу христіанскому судьѣ, отступаетъ отъ закона, который повелѣваетъ любить враговъ своихъ и кротко переносить несправедливость" [2]).

Нѣкоторые христіане настолько глубоко прониклись такими воззрѣніями, что по свидѣтельству апологетовъ Аѳинагора и Мелитона, терпѣливо переносили всякаго рода потери и лишенія, даже хищенія всего своего имущества, не подавая на это жалобъ [3]). Въ силу этого случаи судебнаго разбирательства были сравнительно очень рѣдки.

Другая и главнѣйшая причина скудости свѣдѣній касательно церковно-судебной практики II и III в.в. заключается въ самыхъ условіяхъ жизни Церкви Христовой за это время, Это была эпоха жестокихъ преслѣдованій и мученичества. Среди языческаго міра церковь Христова представляла чуждое, необъяснимое явленіе. Характерно въ этомъ отношеніи письмо къ имп. Траяну Плинія, проконсула Виѳиніи, испытавшаго всѣ средства къ тому, чтобы постигнуть тайны новаго христіанскаго ученія [4]). Результатомъ усиленныхъ исканій. Плинія было признаніе, что вся вина христіанъ заключалась въ

---

[1]) Постановл. Апост. I кн. 2 г. 4 стр.; ср. III кн. 12 гл. 113 стр.; II кн. 45 и 46 гл: 76—78 стр.

[2]) Clem. Al. Strom. lib. VII. p. 750 Edit. 1641 an.—Binterim. Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten. B. V. Th. II. S. 176. примѣч. Mainz. 1829.

[3]) Ibidem. S. 177. прим:

[4]) Латинскій подлинникъ этого письма—Ф. и С. Терновскіе—«Три первые вѣка христіанства». Кіевъ 1878. 95—96 стр.; русскій переводъ—въ приложеніи къ соч. Ф. Терновскаго «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ». Кіевъ. 1883 г. 531—532 стр.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

томъ, что „въ опредѣленный день—день солнца предъ разсвѣтомъ они собирались вмѣстѣ, пѣли гимны Христу, какъ Богу, а равно и обязывались таинствомъ не на какое-нибудь преступленіе, но чтобы не совершать воровства, разбоя, прелюбодѣянія, лжесвидѣтельства, утайки заклада; послѣ сего они обыкновенно расходились и опять собирались для принятія пищи простой и безвредной (агапы) но эти вечернія собранія оставлены были послѣ указа императорскаго о тайныхъ обществахъ". Языческій міръ, не понявъ христіанства, увидѣвъ въ христіанскихъ священнодѣйствіяхъ грубое, неумѣренное суевѣріе и вредное сумасбродство (nihil aliud inveni, quam supertitionem pravam et immodicam) всталъ въ открытую, смертельную вражду къ христіанамъ, заявивъ, въ оправданіе такого отношенія, устами Плинія слѣдующее: „что бы такое ни было, что христіане исповѣдуютъ—во всякомъ случаѣ одно упрямство и непоколебимая твердость заслуживаютъ казни" (qualecunque esset, quod faterentur, pertinatiam certe et inflexibilem obstniationem debere puniri).—Языческое государство лишило христіанъ всякой правоспособности, объявило церковь совершенно безправной [1]).

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ пастыри церкви не имѣли никакой возможности заниматься благоустройствомъ разныхъ внѣшнихъ сторонъ церковной жизни, а должны были обратить вниманіе на разъясненіе нравственно-догматическаго ученія христіанской религіи и апологію ея предъ язычниками и іудеями. Поэтому-то въ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ отъ этой отдаленной эпохи, мы не находимъ подробныхъ свѣдѣній по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ.

Всѣ источники, относящіеся ко II и III вв., для удобства изложенія, можно раздѣлить на три группы: а) сочиненія отцевъ и учителей церкви съ нравственно-практическимъ и

---

[1]) Propositum est edictum, говоритъ Лактанцій объ указѣ имп. Діоклетіана, quo cauebatur, ut religionis illius homines carerent omni honore ac dignitate, tormentis subjecti essent, ex quocunque ordine aut gradu essent; adversus eos omnis actio valeret; ipsi non de injuria, non de adulterio, non de rebus ablatis agere possent, libertatem denique ac vocem non haberent. De mort. persecut. cap. 13.—Patr. curs. compl. 1844. VII. 214.

историческимъ содержаніемъ (Тертулліана, св. Игнатія Богоносца, св. Кипріана, еп. Карѳагенскаго, Евсевія Кесарійскаго, и др.); в) сочиненія историко-каноническія (Апостольскія Постановленія) и с) каноническія въ собственномъ смыслѣ (правила Апостольскія) [1]).

Источники первой группы даютъ указанія на то, что судопроизводство во II и III вѣкахъ такъ же, какъ и во времена Апостольскія, было публичное и совершалось въ общихъ молитвенныхъ собраніяхъ христіанъ. Тертулліанъ пишетъ: „Мы собираемся, чтобы читать Священное Писаніе, изъ котораго смотря по обстоятельствамъ, почерпаемъ необходимыя для насъ свѣдѣнія и наставленія. Святыми словами мы воспитываемъ вѣру, укрѣпляемъ надежду, утверждаемъ мужество, никакими распрями не мѣшая ученію наставниковъ. Тутъ же происходятъ увѣщанія, исправленія и произносятся приговоры именемъ Божіимъ. Ибо судъ произносится съ строгимъ изслѣдованіемъ и съ увѣренностію въ присутствіи Божіемъ, а потому, то̀ служитъ уже явнымъ предзнаменованіемъ будущаго осужденія если кто проступками своими заслужитъ быть отлученнымъ отъ общенія въ молитвахъ, въ собраніяхъ и другихъ священныхъ соотношеніяхъ. Предсѣдательствуютъ у насъ старцы, достигшіе таковой чести не куплею, но испытаннымъ достоинствомъ; дѣло Божіе цѣною золота не продается“ [2]). О публичности судопроизводства

---

[1]) Подобная группировка источниковъ можетъ быть оправдана ихъ сравнительною важностію для нашего изслѣдованія: въ источникахъ первой группы мы находимъ только отрывочныя указанія на церковное судопроизводство; въ Апостольскихъ Постановленіяхъ представлена цѣльная картина его, а въ Апостольскихъ правилахъ имѣются положительныя узаконенія касательно этого предмета.

Считаемъ необходимымъ послѣдующее изложеніе предварить замѣчаніемъ, что въ концѣ II и особенно въ III в. получаетъ широкое примѣненіе судъ соборный, но со стороны способа, внѣшнихъ пріемовъ производства между нимъ и судомъ епархіальнымъ не было различія

[2]) Творенія Тертулліана въ рус. перев. СПБ 1847. 1 кн Апологія гл. XXXIX. Въ подлинникѣ читается такъ: Coimus in coëtum.. ibidem etiam exhortationes, castigationes et *censura divina* Nam et judicatur magno cum pondere ut apud caeteros de Dei conspectu summumque futuri judicii praejudicium est, si quis ita deliquerit, ut a communicatione orationis et conventus

говоритъ и св. Кипріанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карѳагенскимъ пресвитерамъ: „когда, по изволенію Божію, станемъ снова собираться вмѣстѣ въ нѣдра нашей церкви, подвергнемъ ихъ дѣло (Фелициссима и пяти пресвитеровъ возмутившихся противъ самаго св. Кипріана) изслѣдованію предъ нами, предъ самыми исповѣдниками и предъ всѣмъ народомъ“ [1]).

Вышеприведеное свидѣтельство Тертулліана даетъ нѣкоторое основаніе и для заключенія о томъ, что наряду съ епископомъ въ церковномъ судопроизводствѣ принимали активное участіе пресвитеры, въ качествѣ своего рода ассесоровъ—совѣтниковъ епископа [2])

Болѣе ясныя и опредѣленныя свидѣтельства объ участіи пресвитеровъ (и даже діаконовъ) въ отправленіи правосудія мы находимъ въ письмахъ св. Кипріана и въ сочиненіяхъ Оригена, „Когда Урбанъ и Сидоній исповѣдники, писалъ св Кипріану папа Корнилій, пришли къ нашимъ пресвитерамъ, утверждая, что Максимъ исповѣдникъ желаетъ также возвратиться вмѣстѣ съ ними въ церковь, то чтобы не повѣрить имъ безразсудно.... мы захотѣли изъ собственныхъ ихъ устъ, при личномъ ихъ признаніи выслушать то, что передавали они намъ чрезъ своихъ посланныхъ. Явившись и будучи отъ пресвитеровъ допрошены о поступкахъ своихъ, они увѣряли, что по коварному обольщенію увлеклись въ расколъ и допустили возложить руки на Новаціана, какъ бы на епископа. По передачѣ мнѣ всего дѣла, я заблагоразсудилъ собрать пресвитеровъ (при чемъ находилось и пять епископовъ) дабы,

---

et omnis sancti commercii relegetur Praesident probati quique seniores, honorem istum non pretio, sed testimonio adepti; neque enim pretio ulla res Dei constat.—Patr. curs. compli 1844. I 468 стр

[1]) Творенія св Кипріана Карѳагенскаго, въ рус. перев. письмо IX стр. 49. (ср XI и X)

[2]) Подъ «старѣйшими», которые изображаются предсѣдателями суда, нельзя разумѣть никого другого, кромѣ епископа съ его пресвитеріумомъ, что вытекаетъ изъ заключительныхъ словъ этого мѣста, гдѣ представленное здѣсь служеніе изображается, какъ дѣло Божіе, которое не можетъ быть куплено за деньги или пріобрѣтено какимъ-либо способомъ, но даруется только «испытаннѣйшему и достойнѣйшему». Molitor. цитов. соч. S. 22.

составивши соборъ, общимъ согласіемъ опредѣлить, что должно наблюдать въ отношеніи тѣхъ лицъ“ [1]).

У Оригена читаемъ „пусть знаютъ князи, т. е. епископы, и старѣйшины народа, т. е. пресвитеры, что они обязаны во всякое время давать народу судъ, засѣдать въ судѣ всегда и неопустительно прекращать тяжбы, примиряя ссорящихся, возвращать враговъ къ взаимному благорасположенію“ [2]).

Преступленіе, подлежащее судебному разбирательству, подвергалось самому строгому и обстоятельному изслѣдованію со стороны его дѣйствительности, сущности и тяжести. По поводу многихъ безпорядковъ и нестроеній въ церкви, вызванныхъ расколомъ Монтана, разсказываетъ Евсевій со словъ современниковъ событія, вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться, *изслѣдовали новое ученіе, открыли въ немъ противорѣчія* и осудили, какъ еретическое [3]). Для

---

[1]) Творенія св. Кипріана. письмо 40. стр 139.

[2]) Origen Opera II т. 171 р Homil. XI. in Exod Изд. Paris 1733 г По свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, пресвитеры и діаконы принимали участіе въ судѣ надъ римскимъ пресвитеромъ Новаціаномъ (Истор Церк. кн. VI гл 43 стр 359—360) Въ сочиненіяхъ св Игнатія Богоносца можно найти не мало указаній на то, что при епископѣ состояла цѣлая коллегія пресвитеровъ и діаконовъ—пресвитеріумъ (πρεσβυτέριον, presbyterium или συνέδριον), которая и раздѣляла съ нимъ труды по всѣмъ дѣламъ, касающимся церковнаго благоустройства, не исключая, конечно, и церковнаго судопроизводства «Убѣждаю васъ, говоритъ св Игнатій, старайтесь дѣлать все въ единомысліи съ Богомъ, подъ управленіемъ епископа, предсѣдательствующаго на мѣсто Бога, пресвитеровъ, занимающихъ мѣсто собора Апостоловъ и діаконовъ, сладчайшихъ мнѣ, коимъ ввѣрена служба Іисуса Христа» (Посланія св Игнатія Богоносца. Казань 1855 Посл къ Магнезійцамъ гл VII. стр 81) Подобнаго рода мѣста изъ посланій св. Игнатія Богоносца съ особенною тщательностію собраны проф Барсовымъ, такъ какъ по его проекту—судебную власть слѣдовало бы вручить коллегіи пресвитеровъ, предоставивъ епархіальному архіерею только административный надзоръ за ихъ дѣятельностью. См. актовую рѣчь. въ Христ чтен. 1873 г. I 455—489 стр

[3]) Евсевій—Церк. исторія. кн. V. гл. 16 стр. 266. Тертуллианъ, какъ мы уже видѣли, свидѣтельствуетъ, что «судъ произносится со строгимъ изслѣдованіемъ». Неоднократно указываетъ на это и св. Кипріанъ. Письмо 47. стр. 209; письмо IX 48—49 и др,

такого разслѣдованія иногда заблаговременно назначался опредѣленный день, что видно изъ письма св. Кипріана къ папѣ Корнилію: „сознаніе преступленій еще прежде приводило его (Новата) въ страхъ и потомъ онъ былъ увѣренъ, что не только будетъ изгнанъ изъ сонма священниковъ, но и отлученъ отъ причащенія. По настоянію братьевъ уже наступилъ *день разслѣдованія*, и мы занялись бы его дѣломъ, если бы не предварило гоненіе, которое онъ встрѣтилъ въ какомъ то желаніи избѣгнуть осужденія и обратить его въ свою пользу [1]). Разслѣдованіе преступленія, обыкновенно, производилось на мѣстѣ его совершенія. Возмущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Фортунатъ и его сообщники, осужденные соборомъ Африканскихъ епископовъ, отправились въ Римъ въ надеждѣ получить тамъ возстановленіе отнятыхъ правъ, св Кипріанъ пишетъ папѣ Корнилію: „Всѣ мы постановили и это кажется всѣмъ намъ равно справедливымъ и законнымъ, *что бы дѣло каждаго выслушивалось тамъ, гдѣ совершено преступленіе* и поелику каждому изъ пастырей поручена своя часть стада, которою онъ долженъ править и управлять, имѣя отдать отчетъ Господу въ своихъ дѣйствіяхъ: то подначальные наши не должны бѣгать туда и сюда, не должны возмущать общаго согласія епископовъ своимъ лукавымъ и лживымъ поведеніемъ, но обязаны вести свою тяжбу тамъ, гдѣ могутъ имѣть и обвинителей и свидѣтелей своего преступленія. И развѣ только немногимъ отчаяннымъ и потеряннымъ людямъ можетъ казаться меньшею власть епископовъ, поставленныхъ въ Африкѣ, которые уже разсуждали объ нихъ и вѣрностію своего суда недавно судили ихъ совѣсть, связанную столькими узами преступленій. Вина ихъ изслѣдована, уже произнесено объ нихъ и рѣшеніе, а опредѣленія епископовъ не должны подвергаться упрекамъ вслѣдствіе непостоянства“ [2]).

Но въ какую форму облекалось это „формальное“, по выраженію нѣкоторыхъ канонистовъ [3]), судебное разслѣдованіе преступленія, какіе пріемы употреблялись при этомъ или другими словами—какая соблюдалась судебная процедура, на этотъ счетъ мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ.

---

[1]) Письмо 43. стр. 149.

[2]) Письмо 47. стр 209

[3]) Христ. Чтеніе 1870 г II. 497 стр

Въ источникахъ первой группы можно найти только слѣдующія указанія:

1) При разбирательствѣ дѣла обращалось вниманіе на личныя нравственныя качества, обвинителя. „Когда послы Новаціана, читаемъ у св. Кипріана произнося въ собраніи христіанъ (Карѳагенской церкви) хулы и возмутительныя рѣчи, неотступно требовали отъ насъ и народа публично выслушать то обвиненіе, которое они намѣревались представить и доказать, то *мы почли несовмѣстнымъ съ достоинствомъ нашимъ допускать* чтобы добрая слава товарища нашего, уже избраннаго, посвященнаго (епископа Корнилія) и заслужившаго отъ многихъ похвалу и одобреніе, *была доселѣ поносима злорѣчивыми устами завистниковъ*“ [1]).

2) Если преступленіе подсудимаго состояло въ нарушеніи какого нибудь положительнаго церковнаго правила и было для всѣхъ очевидно, судъ дѣйствовалъ прямо и рѣшительно: указывалъ на нарушенный законъ и присуждалъ наказаніе, соотвѣтствующее тяжести преступленія. Св. Кипріанъ разсказываетъ, что въ Африканскомъ городѣ Фурнѣ умеръ нѣкто („братъ нашъ“) Викторъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи назначилъ опекуномъ пресвитера Геминія Фаустина. Между тѣмъ уже прежде Африканскимъ соборомъ епископовъ было постановлено, чтобы никакой христіанинъ въ своемъ завѣщаніи не назначалъ опекуномъ или попечителемъ (tutorem vel curatorem) священника, ибо священники и клирики назначены на служеніе Богу и не должны заниматься разбирательствомъ свѣтскихъ дѣлъ, а если бы кто это сдѣлалъ, то не должно быть ни приношенія за него, ни совершенія торжественной жертвы объ его упокоеніи. Когда нарушеніе этого церковнаго постановленія со стороны умершаго Виктора сдѣлалось извѣстнымъ собору, на которомъ предсѣдательствовалъ св. Кипріанъ, къ дѣлу отнеслись очень серьезно и послѣ продолжительнаго разслѣдованія постановили, ссылаясь на указанное выше опредѣленіе, что не слѣдуетъ за него приносить ни жертвы ни общественныхъ молитвъ: „да будетъ соблюдено соборное постановленіе, сдѣланное по благочестію и по необходимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ да будетъ поданъ примѣръ

[1]) Письмо 35 стр. 128—129; Жизнь св. Кипріана стр. 57.

и прочимъ братіямъ, чтобы никто не отвлекалъ къ мірскимъ занятіямъ священниковъ и служителей Божіихъ, служащихъ Божію алтарю и церкви" [1]).

3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе подсудимаго не было для всѣхъ очевиднымъ, а это чаще всего бывало тогда, когда оно относилось къ незримой области религіозныхъ вѣрованій, на обязанности суда лежало убѣдиться въ виновности подсудимаго. Средствомъ для этого служилъ допросъ обвиняемаго, иногда сопровождавшійся его сознаніемъ въ своемъ заблужденіи; если подсудимый былъ еретикъ, то допрашивались и его приверженцы; при чемъ показанія обвиняемаго и его сторонниковъ судъ сопоставлялъ съ установившимся вѣрованіемъ церкви и такимъ путемъ ясно обнаруживалъ неправославный образъ мыслей подсудимаго. Въ 245 г. въ Смирнѣ выступилъ Ноэтъ со своимъ еретическимъ ученіемъ, будто Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ—одно и тоже лицо Когда пресвитеры услыхали объ этомъ, потребовали Ноэта на судъ предъ церковію—предъ пресвитеріумомъ. На этотъ разъ Ноэтъ отрекся отъ своего образа мыслей. Но когда онъ пріобрѣлъ нѣсколько приверженцевъ, набрался мужества и задумалъ открыто доказать правильность своего воззрѣнія. Пресвитеры снова пригласили его и убѣждали оставить заблужденіе, ссылаясь на символъ церкви, какъ на принятую по преданію норму вѣры. Послѣ того какъ Ноэтъ былъ изобличенъ, путемъ собственнаго признанія и допроса его послѣдователей, пресвитеры изгнали его изъ церкви [2]). Св. Кипріанъ пишетъ, что Василидъ, *по обнаруженіи его преступленій и по разобличеніи его совѣсти собственнымъ его признаніемъ*, отправившись въ Римъ, обманулъ брата нашего Стефана [3]).

4) Допросъ обвиняемаго принималъ иногда характеръ оживленныхъ состязаній, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый хитросплетенными софизмами старался замаски-

---

[1]) Письмо V. стр. 32—34; Fessler. Der kanonische Pracess S 21—22. Тоже самое можно видѣть въ судѣ надъ Оригеномъ: онъ былъ осужденъ за то, что будучи скопцомъ, допустилъ рукоположить себя въ санъ пресвитера вопреки 21 апост. прав. Евсевій. Кн. VI гл. 8 стр. 304—306. Fessler. S 17—18.

[2]) Fessler. Der kanonische Process S. 18

[3]) Письмо 56. стр. 271.

ровать свой истинный образъ мыслей. Такое состязаніе, по свидѣтельству Евсевія Кесарійскаго, имѣло мѣсто на соборѣ противъ Беррилла, бывшаго около 244 года епископомъ Востріискимъ (въ Каменной Аравіи) и усердно распространявшаго патрипассіанскую ересь: желая осудить еретика, соборъ пригласилъ для состязаній знаменитаго ученаго того времени Оригена; состязаніе кончилось тѣмъ, что Бериллъ, въ присутствіи отцевъ собора, совершенно отказался отъ своего заблужденія и впослѣдствіи особеннымъ письмомъ благодарилъ Оригена за его вразумленіе [1]). Еще болѣе горячія пренія о вѣрѣ происходили на соборѣ противъ Павла Самосатскаго, считавшаго Іисуса Христа за простого человѣка. Не разъ, разсказываетъ Евсевій, собирались соборы здѣсь и тамъ, чтобы произнести приговоръ надъ личностію Павла Самосатскаго, но искусный въ словѣ епископъ всякій разъ умѣлъ выпутаться изъ обвиненій и избѣжать осужденія. Наконецъ, на большомъ соборѣ около 270 года онъ былъ вполнѣ изобличенъ; причемъ главная заслуга въ этомъ принадлежала пресвитеру Мальхіону, который, будучи человѣкомъ очень свѣдущимъ въ діалектикѣ, въ публичномъ состязаніи, дословно записанномъ скорописцами, такъ распуталъ и обезсилилъ различныя увертки и ловкіе извороты епископа, что лжеученіе его сдѣлалось очевиднымъ для каждаго [2]).

5) Когда виновность подсудимаго была вполнѣ доказана, судъ, прежде произнесенія окончательнаго приговора, употреблялъ всѣ мѣры нравственнаго воздѣйствія въ цѣляхъ вызвать въ подсудимомъ раскаяніе и готовность къ исправленію. Тертулліанъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ, что судебные приговоры произносятся уже послѣ увѣщаній и вразумленій. Равнымъ образомъ пресвитеріумъ сначала увѣщалъ Ноэта оставить свое заблужденіе. Св. Кипріанъ прямо называетъ судъ, съ одной стороны, „согласнымъ съ благочиніемъ“, съ другой—„растворенным милосердіемъ“ [3]).

---

[1]) Церков. Исторія, кн VI. гл 33. стр. 338—339. Hefele-Conciliengeschichte B. I. S 83.

[2]) Церков Исторія, кн. VII. гл. 27—30. стр. 407—409. Fessler. цит. соч. S. 23—24.

[3]) Письмо XXXIV. стр 123; ср. XIX. 70

6) Въ случаѣ упорства и нераскаянности подсудимаго, судъ произносилъ окончательный приговоръ осужденія, при чемъ обращалось вниманіе на обстоятельства совершенія преступленія и побужденія къ нему. Св. Кипріанъ пишетъ: „надобно изслѣдовать вины, побужденія и обстоятелъства каждаго изъ нихъ (падшихъ)“ [1]). Судебный приговоръ, произнесенный соборомъ епископовъ, облекался иногда въ форму письменнаго акта и утверждался подписомъ епископовъ—членовъ собора. Св. Кипріанъ писалъ папѣ Корнилію: „относительно того, что у насъ постановлено по дѣлу нѣкоторыхъ пресвитеровъ и Фелициссима, товарищи наши (епископы) послали для твоего свѣдѣнія за собственноручною подписью тебѣ письмо, изъ котораго ты узнаешь ихъ мнѣніе и приговоръ“ [2]). Извѣстно также, что соборъ египетскихъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ Димитрія, еп. Александрійскаго, лишилъ Оригена пресвитерскаго сана—и епископы подписали этотъ приговоръ, предварительно одобривъ его своими мнѣніями [3]).

7) Каждая церковь о своихъ судебныхъ приговорахъ немедленно извѣщала другія, особенно сосѣднія церкви, благодаря чему отлученный отъ общенія одною церковію не могъ быть принятъ и въ другихъ. Разсказъ Евсевія о судѣ надъ Павломъ Самосатскимъ заканчивается указаніемъ на то, что судебный приговоръ, вмѣстѣ съ изложеніемъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ судебный процессъ, отцы собора сообщили окружнымъ посланіемъ всѣмъ церквамъ, обязавъ предстоятелей ихъ обмѣняться обычными общительными грамотами съ постановленнымъ, вмѣсто низложеннаго Павла, епископомъ Домномъ [4]).

Конечно, на основаніи этихъ отрывочныхъ, разрозненныхъ указаній источниковъ первой группы нельзя представить цѣльной картины церковнаго судопроизводства, если не прибѣгать къ содѣйствію собственнаго воображенія.

---

[1]) Письмо XXXXIII. стр. 158.

[2]) Письмо XXXVI. стр. 133.

[3]) Fessler S 18; Заозерскій Цит. соч 252 стр

[4]) Церк. Исторія. кн VIII. гл. 30 стр. 409–414; сн. VI кн 43 г. 359—360 стр

Болѣе подробныя свѣдѣнія о церковномъ судопроизводствѣ разсматриваемаго періода и болѣе интересныя, въ смыслѣ цѣльности впечатлѣнія, даютъ намъ Апостольскія Постановленія, въ которыхъ, наряду съ вѣроученіемъ, излагается церковная практика этого періода не только богослужебная, іерархическая, но и юридическая [1]).

---

[1]) Въ предупрежденіе разнаго рода возраженій, считаемъ необходимымъ замѣтить, что спорный вопросъ о времени происхожденія апостольскихъ постановленій (см. у Drey'я «Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Kanones der Apostel.. Tubingen. 1832 г. S. 9—18) окончательно рѣшенъ трудами Дрея и Биккеля (Drey. указ. соч. S 1—197; Bickel—Geschichte des Kirchenrechts. Giessen 1843. S. 52—70). Первый, путемъ обстоятельнаго анализа первыхъ шести книгъ апостольскихъ постановленій (20—80. S.), доказалъ, что эти книги, образующія первоначальное ядро памятника, принадлежатъ одному писателю, руководившемуся опредѣленнымъ планомъ (S 40) и имѣвшимъ въ виду составить такое произведеніе, изъ котораго каждый христіанинъ могъ бы научиться вѣрѣ и получивъ достаточныя понятія обо всемъ, что составляло жизнь современной церкви, могъ самъ быть дѣятельнымъ ея членомъ (S. 42). Происхожденіе этихъ книгъ падаетъ на вторую половину III вѣка; состояніе христіанства и церкви съ ея устройствомъ изображено здѣсь въ такихъ чертахъ, въ какихъ оно извѣстно концу III вѣка по другимъ современнымъ памятникамъ (S 45—46; ср. 18—19) Полагать происхожденіе первыхъ шести книгъ въ IV в. не позволяютъ многія обстоятельства съ одной стороны, отсутствіе въ этихъ книгахъ всякихъ указаній на митрополичью систему управленія, появившуюся въ IV в., на какихъ-либо иныхъ распорядителей по церковнымъ дѣламъ, кромѣ одного епископа въ его округѣ, на монашество и отшельничество, съ другой—частыя указанія на уважительное отношеніе къ вдовицамъ и дѣвственницамъ, подробныя предписанія о поведеніи христіанъ во время гоненій и обязанностяхъ къ св. мученикамъ, равно и предписанія противъ чтенія языческихъ сочиненій, пѣнія языческихъ пѣсней, противъ языческихъ клятвъ и разныхъ обычаевъ—всѣ эти обстоятельства убѣдительно говорятъ въ пользу того, что около того времени, когда были написаны первыя шесть книгъ апостольскихъ постановленій, общественная жизнь, правительство и гражданская власть, равно какъ общенародный культъ были еще языческія и гоненія на христіанъ свирѣпствовали на Востокѣ со всею силою. (S. 78—80 ср. 9—10).

Воззрѣнія Дрея по этому вопросу вполнѣ раздѣляетъ Биккель (см особ. S. 61—63). Въ виду сказаннаго намъ представляется страннымъ скептическое отношеніе Фесслера къ Апостольскимъ Постановленіямъ, какъ источнику для ученаго изслѣдованія. Fessler. цит. соч. S. 15 прим. I.

Здѣсь предъ нами рисуется слѣдующая картина церковнаго судопроизводства

Днемъ судебныхъ засѣданій былъ понедѣльникъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ неудовлетворительности рѣшенія, оставалась возможность исправить его въ теченіи недѣли и чтобы, такимъ образомъ, христіане оставивъ свои несогласія и обиды, совершенно примиренные могли приступить къ св. тайнымъ „Судилища ваши да бываютъ во второй день послѣ субботы, чтобы, если окажется противорѣчіе вашему мнѣнію, вы, имѣя досугъ до субботы, возмогли исправить противорѣчіе, и въ день Господень (*Κυριακή*—воскресенье) примирить несогласныхъ между собою“ [1]). Судъ производилъ епископъ, но при немъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, въ качествѣ ассистентовъ, присутствовали пресвитеры и діаконы. „На судилищѣ же пусть присутствуютъ съ вами (епископами) и діаконы и пресвитеры, судя какъ люди Божіи, съ справедливостію и нелицепріятно“ [2]). Предъ собравшимся судомъ лично являются стороны (партіи) для разбирательства дѣла [3]), причемъ производство было состязательное и устное [4]), и становятся по срединѣ судебнаго мѣста въ ожиданіи епископскаго суда. [5]). Судъ епископа съ его совѣтомъ долженъ быть справедливый, чуждый гнѣва, пріязни, потворства, предубѣжденія, корысти. „Будьте подобны свѣдущимъ мастерамъ серебряныхъ дѣлъ: какъ они дурныя монеты отвергаютъ, а хорошія усвояютъ, такъ точно и епископъ безпорочное долженъ удержи-

---

[1]) Апост Постановл. II кн 47 гл. 78 стр

[2]) Ibidem 78 стр Что пресвитеры и діаконы были просто ассистентами и имѣли только совѣщательный голосъ, это видно изъ выраженія Апостольскихъ Постановленій «прежде приговора (*πρὶν ἀποφάσεως*) епископа», ясно свидѣтельствующаго о томъ, что самый приговоръ судебный былъ дѣломъ епископа. Ср. 28 гл. 59 стр.

[3]) Кн II. гл 49 стр. 80.

[4]) Кн. II. гл 47 стр 78—79; гл. 51 стр 82

[5]) Въ главѣ 49 указывается основаніе того, почему стороны или партіи обозначались юридическимъ терминомъ—persona, *πρόσωπον*. «сидя на судебномъ мѣстѣ, въ присутствіи того и другаго лица (*παρόντων ἑκατέρων τῶν προσώπων*) мы не назовемъ ихъ братьями, пока не примиряться... стр. 80.

вать, а порочное или врачевать или, если оно не уврачуемо, отвергать... Берегитесь осуждать кого-либо несправедливо и благопріятствовать злымъ: ибо горе тому, кто называетъ худое добрымъ и доброе худымъ, горькое сладкимъ и сладкое горькимъ, кто дѣлаетъ свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ... Будьте судьями справедливыми, миротворными, негнѣвными: ибо напрасно гнѣвающійся на брата своего подлежитъ суду... [1]). Съ особенною настойчивостію Апостольскія Постановленія предписываютъ епископу быть осмотрительнымъ въ принятіи обвиненія—„ибо случается, что нѣкоторые по ревности или зависти взводятъ на какого-либо брата ложное обвиненіе, какъ поступили въ Вавилонѣ два старца противъ Сусанны (Дан. XIII. 36—40), а египтянка противъ Іосифа (Быт. XXXIX. 17—18)“ [2]).

Въ виду этого Апостольскія Постановленія требуютъ, чтобы епископъ прежде всего обращалъ тщательное вниманіе на личныя качества обвинителя, на образъ его жизни и поведеніе. „Обращай вниманіе на обвиняющаго и съ мудростію наблюдай, какая и какова жизнь его... Узнавъ безумцевъ, спорщиковъ, ревнивцевъ, зложелателей, не вѣрьте имъ, даже остерегайтесь ихъ, когда слышите отъ нихъ что-либо на брата; потому что убить кого ничего не значитъ въ глазахъ ихъ, они низвергаютъ человѣка тамъ, гдѣ никто не подозрѣваетъ“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „если вы судите нелицепріятно, то разузнавайте обвинителя, свидѣтельствовавшаго противъ ближняго своего ложно, и покажите, что онъ—клеветникъ, ябедникъ, убійца, что онъ мутитъ все злыми спорами, непостояненъ въ словахъ, самъ противорѣчитъ себѣ въ извѣстіяхъ и уловляется словами собственныхъ устъ, ибо таковый самъ ставитъ себѣ крѣпкую сѣть—собственныя уста... Тщательно извѣдывайте объ обвиняющемъ, сего ли перваго обвиняетъ онъ или и на другихъ взводилъ онъ преступленія, и не отъ недовольства ли или спорливости ихъ предлежитъ

---

[1]) II кн. гл. 37 стр. 67; гл. 42 стр. 73; гл. 53 стр. 83; ср. гл. 42 стр 72; гл. 43 стр. 75; глав. 47 стр. 78—79 и др.

[2]) Гл. 37 стр. 67; ср. гл. 50 стр. 81; гл. 21 стр. 43—44.

[3]) Гл. 37 стр 68

преступленіе, и каковъ образъ жизни его“ [1]). Изъ приведенныхъ мѣстъ мы видимъ, что лица порочныя въ нравственномъ отношеніи, какъ-то: клеветники, ябедники, убійцы, зложелатели, завистники и т. п. были лишены права обвиненія.

За ложное обвиненіе, вполнѣ доказанное, Апостольскія Постановленія повелѣваютъ подвергать обвинителя отлученію отъ церкви, какъ убійцу брата своего. „Когда таковый (обвинитель) обличенъ будетъ въ лжесвидѣтельствѣ, ты суди его строго, предай его мечу огненному, и сдѣлай ему то, что онъ злоумышлялъ сдѣлать ближнему (Втор. XIX. 19); ибо, какъ только могъ, онъ убилъ брата, наговоривъ судьѣ, а написано: проливаяй кровь человѣчу, въ ея мѣсто его проліется (Быт. IX. 6) и: изми отъ себя кровь неповинную (Втор. XIX. 13), пролитую напрасно. Такого ты отлучи отъ церкви, какъ убійцу брата“ [2]) Если онъ искренно раскается въ своемъ несправедливомъ посягательствѣ на честь ближняго, его можно, по надлежащемъ испытаніи, снова принять въ церковное общеніе [3]); въ случаѣ же новаго лжесвидѣтельства Апостольскія Постановленія предписываютъ подвергнуть его полному и уже окончательному изверженію изъ церкви. „Если же, по вступленіи въ церковь, онъ опять мятежничаетъ подобнымъ образомъ, не переставая возмущать и поносить брата, по спорливости выдумывая преступленія: то извергните его, какъ заразу, чтобы не опустошалъ Церкви Божіей; ибо таковый производитъ возмущенія въ городахъ, и хотя бы онъ находился внутри церкви, неблагообразенъ, излишенъ въ ней и ненадобенъ ей оскверняющій, насколько можетъ, тѣло Христово. Если нѣкоторые изъ людей, отъ рожденія имѣющіе лишніе члены, приросшіе къ тѣлу, какъ то: пальцы или наросты, отсѣкаютъ ихъ отъ себя по неблагообразію и отъ этого не происходитъ никакого неблагообразія, когда, при помощи художника, человѣкъ получаетъ естественную красоту; то гораздо болѣе должны поступать такъ вы, пастыри церкви, тѣла цѣлаго, состоящаго изъ членовъ здоровыхъ, вѣрующихъ въ Бога со страхомъ Господнимъ и любовію, когда найдется

---

[1]) Гл. 42 стр. 73; гл. 49, стр. 80

[2]) Гл. 42 стр 73—74. Ср. гл 50 стр 81

[3]) Тамъ же 74 стр

одинъ членъ лишній, помышляющій злое, причиняющій безобразіе остальному тѣлу и обуревающій его мятежемъ, войною и поношеніемъ, доставляющій ему страхи, дѣла (всякаго рода тяжбы), преступленія, оболганія, оговоры, нестроенія и подобныя дѣйствія діавола совершающій, какъ бы избранный діаволомъ для осквернснія Церкви хуленіями, многимъ нестроеніемъ, споромъ и раздѣленіемъ. Итакъ сей, въ другой разъ изверженный изъ церкви, достойно отсѣченъ отъ собранія Господня; а церковь Господня явилась нынѣ болѣе красивою, нежели прежде, когда имѣла членъ лишній и ей несвойственный: почему отнынѣ она не хулится уже и не поносится, освободившись отъ людей злыхъ, коварныхъ, злорѣчивыхъ, жестокихъ, предателей, ненавистниковъ добра, сластолюбцевъ, тщеславныхъ, обольстителей, почитающихъ себя мудрыми, поставляющихъ дѣломъ своимъ разсѣевать, а лучше—разгонять агнцевъ Господнихъ“ [1]).

Таковы должны быть, по Апостольскимъ Постановленіямъ, отношенія судьи къ обвинителю.

Съ другой стороны, Апостольскія Постановленія, въ интересахъ правосудія, предписываютъ обращать должное вниманіе и на личныя качества обвиняемаго. „Вы должны знать и обвиняемаго, каковъ онъ по образу жизни и поведенію, одобряютъ ли жизнь его, незазоренъ ли онъ, ревнивъ ли о праведности, вдоволюбивъ ли, страннолюбивъ ли, нищелюбивъ ли, братолюбивъ ли, не корыстолюбивъ ли, не жаденъ ли, не склоненъ ли къ хищничеству, цѣломудренъ ли, не распутенъ ли, не пьяница ли, не тунеядецъ ли, сострадателенъ ли и щедръ ли“ [2]).

Самое судопроизводство открывается устнымъ допросомъ обвинителя и обвиняемаго, лично присутствующихъ въ судебномъ мѣстѣ; причемъ выслушиваніе показаній одной только стороны считается крайнею несправедливостію и лишаетъ возможности сдѣлать какой-либо приговоръ. „Выслушивайте то и другое лицо, какъ обвиняющаго, такъ и обвиняемаго, только не по предубѣжденію, ни съ потворствомъ одной

[1]) Гл. 43 стр. 74—75
[2]) Гл. 49 стр. 81.

сторонѣ, но по справедливости, какъ подающіе мнѣніе о жизни или смерти вѣчной.... Несправедливо судить односторонне. Дѣйствительно, если вы выслушаете одно лицо, а другаго не будетъ при томъ, и оно не будетъ защищаться противъ взносимаго на него преступленія, а вы вынете жребій осужденія опрометчиво; то у Бога, праведнаго Судіи, окажетесь виновными въ убійствѣ и мѣряющими одною мѣрою съ клеветникомъ“ [1]).

Средствомъ доказательства, кромѣ показаній самихъ сторонъ, должны служить, главнымъ образомъ, свидѣтельскія показанія. Какъ бы ни оказался добросовѣстенъ и правдолюбивъ обвинитель, по дознаніи произведенномъ судомъ, во всякомъ случаѣ основываться на однихъ только его показаніяхъ не слѣдуетъ: онъ долженъ выставить со своей стороны свидѣтелей, которые подтвердили бы справедливость обвиненія. „Одному ему (обвинителю), хотя бы онъ былъ и добросовѣстенъ, не вѣрьте, ибо это противузаконно, а пусть будутъ у него и другіе свидѣтели, подобные ему по поведенію, какъ говоритъ законъ: при устѣхъ двою и тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ (Втор. XIX. 15)“ [2]). Прежде выслушиванія свидѣтелей, судъ долженъ произвести самое тщательное изслѣдованіе объ образѣ жизни и поведеніи ихъ, ибо часто случается, читаемъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, что и двое и бо́льшее число свидѣтельствуютъ о злѣ и согласно утверждаютъ ложь, какъ поступили въ Вавилонѣ два старца противъ Сусанны, въ Самаріи—сыны беззаконныхъ противъ Навуѳея, въ Іерусалимѣ—множество іудеевъ противъ Господа и противъ первомученика Его Стефана“ [3]). Само собою понятно, что язычники не допускались въ качествѣ свидѣтелей; таковыми могли быть только вѣрующіе и притомъ люди безупречные въ нравственномъ отношеніи. „Не принимайте въ свидѣтельство противъ себя невѣрующихъ... не принимай свидѣтельства противъ когонибудь безъ трехъ свидѣтелей *вѣрующихъ* и притомъ такихъ, поведеніе которыхъ издавна извѣстно и которые не водятся враждою или завистію“ [4]). Свидѣтели должны давать свои

[1]) Гл. 47 стр. 79; гл. 51 стр. 82.

[2]) Гл. 49 стр. 80; ср. гл. 21 стр. 43; кн. III. Гл. 20, стр. 120.

[3]) Тамъ же; ср. гл. 21, стр. 43.

[4]) Гл. 46, стр. 76; гл. 21, стр. 43.

показанія спокойно, безъ гнѣва, съ чувствомъ правды и справедливости, благожелательно, скромно, прилично, безъ злобы, искренно и какъ бы богобоязненно—только такое свидѣтельство должно имѣть значеніе. Если же въ свидѣтеляхъ не достаетъ этихъ свойствъ, то ихъ показанія не должны заслуживать довѣрія, хотя бы и была нѣкоторая вѣроятность въ нихъ. „Свидѣтели да будутъ кротки, не гнѣвливы, справедливы, любовны, цѣломудрены, воздержны, не злы, вѣрующіе, благочестивые; ибо свидѣтельство таковыхъ по самому поведенію ихъ твердо и по образу жизни ихъ истинно. А кто не таковъ, тѣхъ свидѣтельства не принимайте, хотя бы и казались они согласными въ обвиненіи“ [1]).

Самый образъ жизни подсудимаго можетъ послужить нѣкоторымъ основаніемъ при сужденіи о справедливости или несправедливости взводимаго на него обвиненія; однако слишкомъ много полагаться на такое средство не слѣдуетъ; здѣсь рекомендуется особенная осторожность и осмотрительность. „Если есть за нимъ (обвиняемымъ) прежнія дурныя дѣла, то и теперь взносимыя на него обвиненія кажутся отчасти истинными, если только не вспомоществуетъ ему правосудіе (*εἰ μὴ ἄν αὐτῷ τὸ δίκαιον ἔλθει συναγωνιζόμενον*): ибо можетъ случиться, что нѣкогда онъ дѣйствительно согрѣшилъ, но въ томъ преступленіи, въ которомъ теперь оговариваютъ его, онъ невиненъ. Посему, вникая въ это тщательно, произносите мнѣнія противъ уличеннаго осмотрительныя и твердыя [2]).

При произнесеніи приговора и наложеніи наказанія епископъ долженъ сообразоваться съ характеромъ преступленія, его тяжестію, поводомъ и побужденіями. „Мнѣніе (*ἀπόφασιν*—приговоръ) произносите не о всякомъ грѣхѣ одинаковое, но каждому сродное, со многимъ благоразуміемъ обсуживая каждое прегрѣшеніе, какъ малое, такъ и великое; и иначе осуждайте грѣхъ дѣломъ и опять иначе—грѣхъ словомъ, иначе—грѣхъ намѣреніемъ, иначе—грѣхъ злорѣчія, иначе—грѣхъ подозрѣнія, и однихъ подвергай только угрозамъ, другихъ подаяніямъ нищимъ, тѣмъ назначь строгіе посты, а другихъ, по великости преступленія, отлучи. И законъ на-

[1]) Гл. 49, стр. 81; ср. гл. 21, стр. 43

[2]) Гл. 50, стр. 81.

значилъ не одно и тоже наказаніе за всякій грѣхъ: но иное за грѣхи противъ Бога, противъ священника, противъ храма, противъ святилища; иное за грѣхи противъ царя, противъ начальника, противъ воина, противъ подчиненнаго, противъ равнаго или слуги, или противъ имѣнія или противъ безсловеснаго, и опять—различное за грѣхи противъ родителей и сродниковъ, иное также за грѣхи вольные и иное за грѣхи невольные, и однихъ подвергъ смерти или на крестѣ или чрезъ побіеніе каменьями, а другихъ пени или побоямъ или возмезднію. Такъ и вы за различные грѣхи налагайте и наказанія различныя, чтобы не вкралась какая-либо несправедливость и не подвигла Бога къ негодованію; ибо на какомъ несправедливомъ судѣ вы будете посредниками, того и мзду получите отъ Бога: ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы“ [1]).

Рѣшительный приговоръ осужденія долженъ быть произнесенъ епископомъ не прежде, какъ будутъ истощены всѣ средства для возвращенія виновнаго „на прежнее пастбище [2]), окажутся безплодными всѣ мѣры нравственнаго воздѣйствія на него съ цѣлію исправленія. „Такъ и ты (епископъ), какъ сострадательный врачъ, лечи всѣхъ согрѣшившихъ, пользуясь спасительными и пригодными средствами, употребляя не только сѣченія или жженія или лѣкарства ѣдкія, но и перевязки и корпіи и врачевства успокаивающія, заживляющія, и вспрыскивая словами утѣшенія. Если же рана застарѣла, то размягчи ее смягчающимъ пластыремъ, чтобы, наполнившись мясными сосочками, сдѣлалась способною къ заживленію; а если она нечиста, то очисти ее прижигающимъ порошкомъ, т. е. словомъ наказывающимъ; а если она опухаетъ, то сожми ее острою перевязкою—угрозою суда; а если она распространяется, то употреби прижиганіе и извлеки нечистоты, т е. изнури постами. Когда же сдѣлаешь это и увѣришься, что отъ ногъ до головы негдѣ приложить ни пластыря, ни елея, ни перевязки, но рана распространяется и противится всякому врачеванію, подобно антонову огню поражая всякій членъ: тогда со многою осторожностію, посовѣтовавшись съ другими опыт-

---

[1]) Гл. 48, стр. 79—80; ср. гл. 16, стр. 35.

[2]) Гл. 41, стр. 71.

ными врачами, отрѣжь гнилой членъ, чтобы не растлилось все тѣло церкви. Не удобопреклоненъ и не скоръ будь къ отсѣченію, не скоро берись за пилу со многими зубцами, но прежде употреби ножъ и вскрой нарывъ, чтобы, устранивъ внутри находящуюся причину болѣзни, соблюсти тѣло не чувствующимъ болей. А если увидишь кого не раскаявающимся и ожесточившимся, то съ печалію и сѣтованіемъ отсѣки его—неизлѣчимаго отъ церкви [1]).

Такимъ образомъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ нарисована цѣльная картина, дана, такъ сказать, вся внѣшняя структура церковнаго процесса первыхъ трехъ вѣковъ и ясно указанъ внутренній характеръ его. По своей внѣшней структурѣ церковный процессъ сводится къ самымъ главнымъ моментамъ, составляющимъ основу всякаго формальнаго судопроизводства, именно: принятіе обвиненія, изслѣдованіе о личныхъ качествахъ и образѣ жизни обвинителя, обвиняемаго и свидѣтелей, выслушиваніе сторонъ и свидѣтельскихъ показаній и произнесеніе приговора; но и эта примитивная обрядность имѣетъ второстепенное значеніе и должна сама собою отпасть въ случаѣ сознанія и искренняго раскаянія подсудимаго. Что касается внутренней стороны процесса, то не трудно замѣтить, что основное начало, главная идея, одухотворяющая все церковное судопроизводство—это глубокое проникновеніе его пастырскимъ попеченіемъ о подсудимомъ. Не о соблюденіи такихъ или иныхъ процессуальныхъ формальностей думалъ пастырь-судья, а единственно только о взысканіи заблудшаго. Эта идея управляла всею дѣятельностію судящихъ лицъ: ею руководились они и тогда, когда производили самое строгое разслѣдованіе о добросовѣстности обвинителя и свидѣтелей, и особенно тогда, когда произносили приговоръ, съ великимъ благоразуміемъ и осторожностію, какъ искусные врачи, выбирая средства могущія уврачевать недужнаго и только въ крайнемъ случаѣ и притомъ „съ печалію и сѣтованіемъ“ отсѣкали неизлѣчимаго отъ церкви, не теряя однакоже надежды на его исправленіе. Вообще, въ Апостольскихъ Постановленіяхъ указаны только тѣ внѣшніе

[1]) Гл. 41. Стр. 71—72.

пріемы судопроизводства, безъ которыхъ не возможно осуществленіе идеи пастырскаго попеченія о согрѣшившемъ членѣ церкви [1]).

Въ разсматриваемый періодъ (до-Никейскій) церковное судопроизводство сдѣлалось предметомъ точной регламентаціи,— именно въ Апостольскихъ правилахъ, изъ которыхъ два—74 и 75 спеціально трактуютъ объ этомъ предметѣ. Первое изъ нихъ гласитъ: „епископъ, отъ людей вѣроятія достойныхъ обвиняемый въ чемъ либо, необходимо самъ долженъ быть призванъ епископами: и аще предстанетъ и признается, или обличенъ будетъ, да опредѣлится епитимія. Аще же званъ бывъ, не послушаетъ: да позовется вторично чрезъ посылае-

---

[1]) Начертанный въ Апостольскихъ Постановленіяхъ порядокъ производства соблюдался не только при разбирательствѣ гражданскихъ тяжбъ между христіанами, но и въ дѣлахъ уголовнаго характера. Отвѣтъ на вопросъ, что именно подлежало этому епископскому суду съ его устнымъ краткимъ производствомъ, пишетъ Молиторъ, не представляетъ затрудненій. Прежде всего предъ внѣшнимъ форумомъ выступали христіане съ тѣми гражданскими жалобами, которыя не могли закончиться мировой сдѣлкой; сюда же относились и всѣ извѣстныя публичныя преступленія, требовавшія суда по тяжести преступленія или упорству преступника; этому же суду подлежали и всѣ не-публичныя преступленія, когда епископъ предварительно старался подѣйствовать на преступника братскимъ увѣщаніемъ и, при безплодности этого увѣщанія, передавалъ дѣло открытому судебному разслѣдованію.. Однимъ словомъ, не существовало никакого различія между гражданскими и уголовными дѣлами тѣ и другія одинаково восходили на этотъ судъ, что ясно видно изъ самыхъ Апостольскихъ Постановленій (кн II гл 47). Если въ одной части 47 главы идетъ рѣчь о сторонахъ, которыя являются предъ епископомъ, окруженнымъ пресвитерами и діаконами и вступаютъ въ состязаніе другъ съ другомъ («то и другое лицо, у которыхъ есть тяжба, пусть станетъ посреди судебнаго мѣста и вы, выслушавъ ихъ .), послѣ чего, до произнесенія приговора, дѣлается попытка къ ихъ примиренію («стараясь сдѣлать ихъ обоихъ друзьями, прежде приговора епископа»), то другая часть той же главы опредѣляетъ, что если кто-либо предъ этимъ судомъ обвиняется за явно дурное поведеніе, то и въ этомъ случаѣ такимъ же точно образомъ выслушивается здѣсь обвинитель и обвиняемый и потомъ произносится приговоръ, опредѣляющій справедливое наказаніе (чит. конецъ 47 гл. со словъ «и тогда, когда кто клеветливо обличается кѣмъ либо въ неправомъ хожденіи» и т д) — Molitor цит cor. s 20—21. Ср. Pessler s. 68.

мыхъ къ нему двухъ епископовъ. Аще же и сего не уважая, не предстанетъ: соборъ, по благоусмотрѣнію своему, да произнесетъ о немъ рѣшеніе, да не мнится выгоду имѣти, бѣгая отъ суда". Въ 75 правилѣ читаемъ: „во свидѣтельство противъ епископа не пріимати еретика: но и вѣрнаго единаго не довольно. На устахъ бо двоихъ или тріехъ свидѣтелей твердо станетъ всякъ глаголъ" Самый текстъ правилъ очень ясенъ и, собственно говоря, не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ; тѣмъ не менѣе мы находимъ далеко не излишнимъ въ раздѣльности представить отмѣченные здѣсь моменты судопроизводства въ виду особенной важности приведенныхъ правилъ, такъ какъ въ нихъ мы впервые встрѣчаемся съ опредѣленными, строго предписанными формальностями процесса [1]).

Какой же порядокъ судопроизводства предписывается здѣсь?

Прежде всего, здѣсь ясно обозначены лица, которыя могли выступать съ обвиненіемъ противъ епископа, именно— одни только вѣрующіе и притомъ заслуживающіе довѣрія. Требованіе перваго качества, дѣйствительно соблюдавшееся, какъ мы уже видѣли изъ Апостольскихъ Постановленій, въ церковно-судебной практикѣ первыхъ трехъ вѣковъ, основывалось на глубоко укоренившейся враждѣ язычниковъ и іудеевъ къ христіанамъ; послѣдніе могли предполагать въ первыхъ, кромѣ злобныхъ намѣреній и несправедливости, еще и незнаніе христіанскихъ соціальныхъ отношеній и потому

---

[1]) Хотя 74 и 75 Апостольскія правила говорятъ о производствѣ суда надъ епископами, но несомнѣнно тотъ же порядокъ соблюдался и въ судѣ надъ остальными клириками и мірянами. Совершенно справедливо замѣчаніе г. Заозерскаго, что этими правилами выражается только та мысль, что и обвиняемый епископъ долженъ получить отъ суда для защиты своей тѣ же средства, какъ и пресвитеръ. точно также, какъ и этотъ, въ свою очередь, тѣ же, какія получаетъ и мирянинъ; какъ согрѣшающіе или только навлекающіе на себя подозрѣніе, они равны по своему положенію на судѣ —подсудимые; это—общій законъ всякаго судопроизводства, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго.—Церк. судъ.. стр. 42, прим. 1; ср. Пр. Обозр. 1870. II, 315.

имѣли полное основаніе лишить ихъ права выступать въ качествѣ обвинителей противъ христіанъ вообще, а противъ епископа, конечно, въ особенности. Требованіе втораго качества, т. е. добраго имени и основывающейся на немъ достовѣрности, лежитъ въ самой природѣ процесса и потому встрѣчается во всѣхъ законодательствахъ.

Обвиняемый епископъ долженъ лично присутствовать при разбирательствѣ дѣла, а потому онъ троекратно вызывается въ судъ двумя епископами; въ случаѣ упорства, собору предоставляется право произнести заочный приговоръ, дабы комментируетъ Зонара, безстыдное уклоненіе отъ суда не оказалось для него выгоднымъ [1]).

Обвиненіе епископа должно быть доказано свидѣтельскими показаніями, причемъ правило возбраняетъ допускать въ качествѣ свидѣтелей еретиковъ, которые, какъ отверженные отъ церкви и враги ея, подобно язычникамъ и іудеямъ, по общимъ законамъ справедливости, не могутъ имѣть права на свидѣтельство въ дѣлахъ церковныхъ. Требованіе, въ силу котораго свидѣтельство одного вѣрующаго считается недостаточнымъ, опирается на библейскій авторитетъ (Мѳ. XVIII. 16) [2]).

---

[1]) Книга правилъ. I. 136 стр. Изд Моск. общ люб. дух. просв 1876.

[2]) Дрей, отрицающій за правилами Апостольскими тотъ авторитетъ глубокой древности, который признаетъ за ними православная церковь и относящій происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ (83 30 и 81) къ половинѣ V вѣка (Neue Untersuchungen. s 411—412), утверждаетъ, что 74 правило (а оно-то именно и имѣетъ для насъ особенную важность) заимствовано изъ опредѣленій соборовъ послѣ-Никейскаго періода Дрей основывается на томъ, что начертанный въ 74 правилѣ порядокъ приглашенія обвиняемаго епископа на судъ не извѣстенъ древнимъ церковнымъ опредѣленіямъ никейскіе, антіохійскіе и лаодикійскіе каноны знаютъ только однократное приглашеніе на соборъ, именно, посредствомъ письменной грамоты митрополита къ отдѣльнымъ епископамъ, безъ различія, представлена ли противъ кого-нибудь жалоба или нѣтъ. Первый же историческій примѣръ предписаннаго Апостольскимъ правиломъ производства, аргументируетъ далѣе Дрей, находится въ совѣщаніяхъ собора Ефесскаго (431 г.), гдѣ Кириллъ, еп. Александрійскій, дѣлаетъ подсудимому Несторію троекратное каноническое приглашеніе чрезъ нѣсколькихъ епископовъ Но это былъ совершенно иной случай· соборъ Ефесскій—не провинціальный, а вселенскій

Показанія анализированныхъ правилъ можно дополнить другими правилами. Судебный приговоръ долженъ быть произнесенъ только уже послѣ троекратнаго безплоднаго увѣщанія подсудимаго къ раскаянію въ совершенномъ преступленіи и исправленію: „аще который пресвитеръ, презрѣвъ собственнаго епископа, отдѣльно собранія творити будетъ, и олтарь

и Несторій, архіепп Константинопольскій, обвинялся не въ каноническомъ преступленіи, а въ ереси Между тѣмъ это же самое производство наблюдается и противъ Евтихія, котораго соборъ 448 года, подъ предсѣдательствомъ Флавіана, такимъ же точно образомъ приглашаетъ троекратно, каждый разъ черезъ двухъ или трехъ пресвитеровъ, хотя соборъ не былъ вселенскимъ и Евтихій былъ только архимандритомъ; при этомъ соборъ, дѣлая приглашеніе въ третій разъ, ясно ссылается на каноны и такъ какъ Евтихій оставался непокорнымъ, произноситъ надъ нимъ осужденіе Такое же производство наблюдается на Халкидонскомъ соборѣ (451 г) противъ Діоскора, которому три епископа доставили письменное приглашеніе въ его жилище Въ актахъ Халкидонскаго собора, продолжаетъ свои разсужденія Дрей, находится одно мѣсто, на основаніи котораго возможно, кажется, сдѣлать заключеніе, какъ и когда столь часто практиковавшійся обычай троекратнаго вызова получилъ силу закона. Въ третьемъ совѣщаніи, когда нужно было произнести приговоръ надъ Діоскоромъ, Лукіанъ, епп Бизскій (во Фракіи), на вопросъ—что именно сообразно съ канонами—сказалъ. св. отцемъ и архіепископомъ Кирилломъ на Ефесскомъ соборѣ противъ Несторія было сдѣлано въ законной формѣ, которая и въ настоящемъ случаѣ могла бы послужить образцомъ Итакъ, вѣроятно, заключаетъ Дрей, что примѣненная Кирилломъ форма вызова получила уваженіе, благодаря которому въ послѣдующее время на нее стали ссылаться, какъ на законъ и собиратель каноновъ Апостольскихъ принялъ ее. Обобщая все сказанное по поводу 74 правила, Дрей говоритъ, что предписанное въ этомъ правилѣ производство содержитъ въ себѣ, большею частію, элементъ древній; новое и, конечно, относящееся къ болѣе позднему времени составляетъ способъ приглашенія, имѣющій своею цѣлію охранять свободу и достоинство отдѣльныхъ епископовъ (s. 336 прим и 339). Такимъ образомъ, Дрей склоненъ думать, что указанный въ 74 правилѣ способъ приглашенія на судъ получилъ силу закона только послѣ того, какъ онъ былъ, такъ сказать, освященъ высокимъ авторитетомъ св. Кирилла (въ 431 г)

Стратилатовъ (Древность и важность Апостольскихъ правилъ. Спб. 1865), слѣдуя Бевериджу (Codex canonum ecclesiae primitivae...), утверждаетъ, что 74 правило было извѣстно не только соборамъ V вѣка, но гораздо раньше—именно, помѣстному Константинопольскому собору 394 г. (акты

иный водрузитъ, не обличивъ судомъ епископа ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ: да будетъ изверженъ, яко любоначальный. Ибо есть похититель власти. Такожде извержены да будутъ и прочіе изъ клира, къ нему приложившіеся.

его—см дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ, изд. Казан дух. Академіей 1877, стр 228—231) Этотъ соборъ, рѣшая споръ между Вагадіемъ и Агаѳіемъ изъ-за Востроской епископіи, постановилъ не подобаетъ впредь епископу судимому извергаему быти изъ священнаго чина ни двумя, ниже тремя епископами, но по приговору большаго собора и, аще возможно, всѣхъ епископовъ тоя области, какъ и апостольскими правилами постановлено (*καθῶς καὶ οἱ Ἀποστολικοὶ κανόνες διωρίσαντο*), т е по 74 Апостольскому правилу, прибавляетъ Стратилатовъ (стр 162; ср 127) Мнѣніе Бевериджа было извѣстно Дрею и имъ опровергается, а потому представляется страннымъ, что Стратилатовъ, пользовавшійся Дреемъ при составленіи своего труда, умалчиваетъ объ этомъ даже и тамъ, гдѣ онъ спеціально трактуетъ о происхожденіи 74 правила (124—127 стр.) Между тѣмъ Дрей, ратуя противъ Бевериджа, говоритъ, что достаточно самого поверхностнаго знакомства съ совѣщаніями Константинопольскаго собора 394 г и словами его опредѣленія, чтобы придти къ правильному выводу «Во время совѣщаній, пишетъ Дрей, Аравіанъ, еп Анкирскій, предложилъ собору сдѣлать такое опредѣленіе, что при извержении епископа должно быть на лицо, по по крайней мѣрѣ, такое же число епископовъ, какое и при поставленіи, именно—три, согласно Никейскимъ канонамъ (4 кан; о предложеніи Аравіана—см. Дѣянія помѣстн. соб. стр. 229—230). Ему возразилъ Ѳеофилъ Александрійскій, который потребовалъ, чтобы епископъ былъ извергаемъ многочисленнымъ соборомъ и съ согласія епископовъ провинціи;—такъ постановилъ, присовокупляетъ Дрей, соборъ Антіохійскій 14 правиломъ и тѣмъ самымъ измѣнилъ (?) Никейское опредѣленіе. — Предложеніе Ѳеофила принялъ соборъ въ своемъ опредѣленіи и потому не подлежитъ сомнѣнію, что подъ Апостольскими канонами онъ разумѣлъ Антіохійскіе. Впрочемъ достаточно прочитать 74 Апост правило, заключаетъ Дрей, чтобы убѣдиться, что въ немъ ничего не говорится о томъ, что было постановлено Константинопольскими отцами согласно Апостольскимъ канонамъ (s 396—397).

Биккель (Geschichte des Kirchenrechts .. s. 84 прим. 27), разсматривая приведенныя соображенія Дрея, соглашается съ нимъ въ томъ, что подъ выраженіемъ отцевъ Константинопольскаго собора 394 г. „*καθῶς καὶ οἱ Ἀποστολικοὶ κανόνες διωρίσαντο*“ нельзя разумѣть ссылку на 74 Апостольское правило и признаетъ цитацію Бевериджа не достаточно точной, такъ какъ въ этомъ правилѣ говорится не о томъ, что епископъ долженъ

Міряне же да будутъ отлучены отъ общенія церковнаго. И сіе да будетъ по единомъ и второмъ и третіемъ увѣщаніи отъ епископа“ (31 пр.). Эту же особенность церковнаго судопроизводства отмѣчаютъ и тѣ каноны, въ которыхъ содержатся угрозы наказаніемъ нарушителямъ церковной дисциплины:

быть судимъ не двумя или тремя епископами. а цѣлымъ соборомъ, но о томъ, можетъ ли епископъ быть осужденъ за упорство (in contumaciam). Съ другой стороны, Биккель совершенно не согласенъ съ Дреемъ въ томъ, будто отцы Константинопольскаго собора разумѣютъ 14 Антіохійское правило „такъ такъ—*καθὼς οἱ Ἀποστολικοὶ κανόνες διωρίσαντο*—есть подлинное выраженіе. а не простая интерполяція комментатора греческаго codex'a canonum» (ibidem). Напрасно Дрей, стараясь ослабить значеніе часто повторяющихся на соборахъ указаній на «Апостольскія правила», утверждаетъ, что подъ именемъ *«κανόνες Ἀποστολικοὶ»* нужно разумѣть апостольское преданіе вообще, древнюю церковную практику (s. 386—388), такъ какъ напр. о троекратномъ приглашеніи епископа въ судъ неизвѣстно никакой другой древней церковной практики, кромѣ 74 Апостольскаго правила (Bickell. s. 84. прим. 28; Hefele. Concilien—Geschichte. B. I. s. 772; Стратилатовъ, стр. 165. 186—187).

Таковы имѣющіяся въ литературѣ соображенія о происхожденіи 74 Апост. правила. Прослѣдить историческую судьбу отдѣльнаго канона (напр. 74) нѣтъ возможности за неимѣніемъ точныхъ указаній на его практическое примѣненіе; это, по нашему мнѣнію, дѣло болѣе трудное, чѣмъ изложеніе исторіи цѣлаго сборника Апостольскихъ правилъ. Не соглашаясь съ крайностями въ сужденіяхъ Стратилатова о времени происхожденія послѣдняго (178—179 стр.), мы можемъ считать доказаннымъ до-Никейское происхожденіе, такъ называемыхъ, Апостольскихъ правилъ, путемъ сдѣланнаго учеными сопоставленія ихъ съ канонами Антіохійскими (341 г.) и Никейскими (325 г.): это сопоставленіе убѣждаетъ въ томъ, что не только Антіохійскій, но и Никейскій соборъ имѣлъ подъ руками сборникъ Апостольскихъ правилъ (Стратилатовъ. 166—178 стр.; Соколовъ. Изъ лекцій по церковн. праву. вып. I. 94—114 стр.; Заозерскій. Состояніе канонич. права въ до-Никейской церкви. Чтеніе въ общ. люб. дух. просв. 1882 г. I. 190—192).

Считать источникомъ 74 Апост. правила римское право, какъ утверждаетъ проф. Соколовъ (Пр. Обозр. 1871. I. 378 стр.) вопреки заявленію своихъ лекцій (стр. 113. подъ рубр. 3.), не рѣшается даже и Дрей,—ученый съ крайне отрицательнымъ направленіемъ, хотя онъ, относя происхожденіе этого правила къ періоду послѣ-Никейскому, когда государство вступило въ тѣсный союзъ съ церковію, имѣлъ бы, при такой точкѣ зрѣнія,

кто дѣлаетъ то-то или то-то, долженъ исправиться (да престанетъ), или будетъ отлученъ [1]).

Судопроизводство было публичное, ибо только въ этомъ случаѣ для клириковъ и мірянъ становилось возможнымъ исполненіе Апостольскихъ правилъ, угрожающихъ наказаніемъ за молитвенное общеніе съ осужденными. (10 и 11 пр.). А чтобы предупредить общеніе съ подобными лицами христіанъ другихъ епархій, Апостольскія правила предписываютъ принимать приходящихъ не иначе, какъ по предъявленіи ими, такъ называемой, представительной грамоты" (33 пр.).

полное право сдѣлать это Въ самомъ дѣлѣ, если уже, какъ заявляетъ самъ проф Соколовъ, «къ концу до Никейскаго періода въ церкви существовалъ опредѣленный сводъ Апостольскихъ правилъ въ составѣ. близкомъ къ тому, какой мы имѣемъ теперь" то можно ли допустить, что обычай троекратнаго вызова обвиняемаго въ судъ церковь заимствовали изъ римскаго процесса— въ виду той заботливости, съ какою она оберегала христіанъ отъ всякаго общенія съ язычниками, отъ всякаго подражанія имъ въ какихъ либо обычаяхъ и обрядахъ (Апост Постан кн I гл 6. стр 8, кн II гл 62 стр 99—100) Кромѣ того, между каноническимъ приглашеніемъ и римскимъ citatio есть существенное различіе. Citatio производилась спеціальнымъ городъдомъ—praeco, который предъ открытіемъ главнаго судопроизводства трижды выкрикивалъ громкимъ голосомъ имена обвинителя и обвиняемаго Въ послѣдующее время citatio стала облекаться въ письменную форму, особенно въ томъ случаѣ, когда суду было извѣстно отсутствіе которой-нибудь изъ сторонъ; однако за письменнымъ приглашеніемъ обязательно слѣдовалъ вызовъ чрезъ praeco (Geib.-Geschichte des Römischen Criminalprocesses .. Leipzig. 1842. s 593—594) Если церковь что-нибудь и заимствовала изъ римскаго права, то развѣ только *письменную* форму приглашенія—и притомъ уже въ періодъ послѣ-Никейскій. Самую же троекратность вызова можно ставить въ генетическую связь съ заповѣдію Спасителя о троекратномъ увѣщаніи согрѣшающаго брата.

[1]) Апост. пр 42. 43 44 и др. Это обозначаетъ, говоритъ Келльнеръ, не что-нибудь иное, какъ то, что если кто либо послѣ двухъ или трехъ сдѣланныхъ ему каноническихъ увѣщаній не исправится, то слѣдуетъ выступить противъ него съ церковными наказаніями, какъ совершенно справедливо разъясняетъ соборъ Леридскій. post primam et secundam admonitionem si emendare... neglexerit... dignitate privetur Can. 15 Das Buss und Strafverfahren gegen Kleriker s 124.

Таковы данныя о церковномъ судопроизводствѣ, почерпаемыя изъ Апостольскихъ правилъ.

Закончивъ обозрѣніе источниковъ, изъ которыхъ можно заимствовать свѣдѣнія касательно церковнаго процесса въ первые три вѣка христіанства, отмѣтимъ тѣ начала, на коихъ покоился онъ.

1) Основное, главнѣйшее начало — это проникновеніе всего суднаго процесса отъ начала до конца духомъ любви, кротости и милосердія или, какъ мы говорили, пастырскимъ попеченіемъ о судимыхъ членахъ церкви; здѣсь не было и тѣни строго формальнаго отношенія судей къ отправленію своей юрисдикціи. Какъ обвинитель, возбуждая (послѣ безплоднаго увѣщанія) судебное разслѣдованіе, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, не наказаніе подсудимаго за попранную имъ справедливость, или произведенный въ церкви соблазнъ, а *исправленіе его*, какъ согрѣшившаго брата, такъ точно и судьи, произнося приговоръ осужденія и налагая наказаніе— съ глубокою печалію и сѣтованіемъ,—преслѣдовали не столько карательныя, сколько нравственно-воспитательныя цѣли [1]). Это начало составляетъ специфическую особенность церковнаго процесса, которая дѣлаетъ его процессомъ sui generis— rem Dei. Такимъ образомъ, институтъ церковнаго суда первыхъ трехъ вѣковъ христіанства былъ не столько карательною мѣрою въ рукахъ церковной власти, сколько духовно-исправительною или дисциплинарною.

---

[1]) Вотъ почему Тертулліанъ, произведенія котораго, какъ замѣчательнаго изъ христіанскихъ юристовъ (Molitor. Ueber kanonisch. Gerichtsverfahren. s. 23), отличаются точностію юридической терминологіи, говоря о наказаніяхъ, налагаемыхъ церковнымъ судомъ, употребилъ выраженіе «censurae», а не poenae vindicativae. (Апологія гл 39). Вотъ почему, съ другой стороны, и въ Апостольскихъ Постановленіяхъ на епископа возлагается обязанность прилагать всевозможное попеченіе и о тѣхъ, которые уже отлучены церковнымъ судомъ «Съ тѣми, которыхъ вы отлучили за грѣхи, имѣйте общеніе въ разговорѣ и сожительствѣ, заботясь о нихъ, утѣшая ихъ, поддерживая ихъ, говоря. «укрѣпитеся опущенныя руки и разслабленныя колѣна». Ибо скорбящихъ надобно утѣшать и малодушествующихъ ободрять, чтобы безмѣрная печаль не довела ихъ до безумія, «поелику малодушный крѣпко безуменъ» Если кто, обратившись, обнаружитъ плодъ

На это основное начало опираются другія начала, которыя можно назвать производными по отношенію къ нему и которыя содержатъ въ себѣ требованія, предъявляемыя къ судьямъ при отправленіи ими судебной юрисдикціи, именно:

2) Судьи, какъ добрые пастыри, пекущіеся о спасеніи согрѣшившаго члена церкви, должны быть въ своей дѣятельности безусловно справедливыми, чуждыми гнѣва, пристрастія, предубѣжденія, корысти etc.

3) Они должны быть особенно осмотрительными въ принятіи обвиненія, должны обращать строгое вниманіе на религіозно-нравственную жизнь обвинителя и свидѣтелей: нѣкоторыя лица, не удовлетворяющія религіозно-нравственнымъ требованіямъ, лишены были права обвиненія и свидѣтельствованія на судѣ, таковы: язычники, еретики и всѣ вообще извѣстные своею порочною жизнію; только вѣрующіе, безупречные въ нравственномъ отношеніи, допускались въ качествѣ обвинителей и свидѣтелей, при чемъ свидѣтельство одного считалось недостаточнымъ.

4) Во имя той же высокой задачи—взыскать и спасти заблудшаго—судьи при наложеніи наказанія должны сообразоваться съ характеромъ и тяжестію преступленія, съ обстоятельствами и побужденіями къ его совершенію, съ душевнымъ настроеніемъ согрѣшившаго — съ его готовностью къ раскаянію, и въ зависимости отъ этого могли уменьшить или увеличить наказаніе.

Во всѣхъ остальныхъ существенныхъ чертахъ церковный процессъ, такъ сказать, носитъ физіономію обыкновеннаго судопроизводства, именно:

1) Церковное судопроизводство было публичное и устное. Правда, намъ извѣстенъ одинъ случай, когда при разбирательствѣ дѣла присутствовали скорописцы — именно, въ

покаянія, допускайте его и къ молитвѣ, какъ сына погибшаго, какъ того блуднаго, который съ блудницами расточилъ отцовское богатство и пасъ свиней, желалъ насытиться желудями, но и тѣхъ не имѣлъ, пока не возвратился къ отцу съ раскаяніемъ и т. д.—кн. II гл. 41. стр. 71—72; Ср. гл. 18.

судѣ надъ Павломъ Самосатскимъ; но это—явленіе исключительное этотъ процессъ былъ предметомъ особеннаго интереса въ церкви, такъ какъ къ суду привлекался одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ епископовъ того времени

2) Требовалось личное присутствіе на судѣ обвинителя и обвиняемаго, въ случаѣ упорства послѣдняго, послѣ троекратнаго вызова, судъ имѣлъ право постановить заочное рѣшеніе.

3) Что касается внѣшней процедуры, то здѣсь мы видимъ всѣ главные моменты обыкновеннаго судопроизводства: обнаруженіе преступленія, обличеніе виновнаго предъ судомъ, разсмотрѣніе существа преступленія и наложеніе наказанія. Но эти моменты не были обставлены опредѣленными формальными предписаніями и совсѣмъ не имѣли мѣста въ томъ случаѣ, если подсудимый предупреждалъ разбирательство дѣла сознаніемъ и искреннимъ раскаяніемъ въ содѣянномъ преступленіи.

Итакъ, церковный процессъ первыхъ трехъ вѣковъ представляетъ изъ себя институтъ, построенный болѣе на нравственныхъ, чѣмъ на юридическихъ началахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ образовался безъ всякаго вліянія со стороны римскаго права: церковь особенно заботливо ограждала свой судъ отъ привнесенія въ него началъ и характера суда мірскаго, да и сами христіане питали нѣкоторое предубѣжденіе къ судамъ языческимъ, имѣвшимъ связь съ языческой религіей. Фактическимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить судъ надъ Павломъ Самосатскимъ, который отправленію своей юрисдикціи придалъ такую же обстановку, какую имѣли римскіе судебные магистраты.

Въ опредѣленные дни, назначенные для принятія жалобъ, римскій магистратъ садился на открытомъ воздухѣ (in comitio—на площади между Капитолійскимъ и Палатинскимъ холмомъ) на спеціально уготованномъ возвышеніи (tribunal) въ курульное кресло (sella curulis); вокругъ магистрата находились его совѣтники и писцы (consilium). Но такое торжественное засѣданіе (sessio pro tribunali) считалось необходимымъ только тогда, когда магистратъ долженъ былъ прибѣгнуть къ дѣйствительному causae cognitioni и постановить декретъ Дѣла, относящіяся къ такъ называемой

jurisdictionis voluntariae (напр. in jure cessio, manumissio и др.), магистратъ могъ производить и не pro tribunali, а на всякомъ мѣстѣ—даже на ходу (de plano). Подобную обстановку имѣли и судьи, которымъ магистратъ поручалъ разбирательство дѣла: они тоже сидѣли на возвышенной эстрадѣ (tribunal), но вмѣсто курульнаго кресла имѣли простыя скамьи (subsellia) [1])

Вотъ этой то торжественной обстановкѣ судебныхъ засѣданій римскихъ магистратовъ и сталъ подражать Павелъ Самосатскій. По свидѣтельству Евсевія, онъ, преслѣдуя цѣли мірскаго славолюбія и высокомѣрія, старался обставить свою власть мірскимъ величіемъ и пышностію, и желалъ болѣе называться Дуценаріемъ (титулъ свѣтскаго судьи), нежели епископомъ; съ гордостію окружалъ себя множествомъ копьеносцевъ спереди и сзади и въ такомъ видѣ ходилъ по общественнымъ площадямъ, на ходу читая громогласно предъ всѣмъ народомъ письма, такъ что отъ надменности и кичливости его сердца самая вѣра подвергалась нареканію и ненависти; въ довершеніе своего славолюбія, онъ устроилъ себѣ каѳедру и высокій престолъ, подобно мірскимъ начальникамъ, имѣлъ подъ своимъ именемъ и тайную комнату (secretarium);—словомъ, во всемъ копировалъ свѣтскій судъ [2]).

Такое подражаніе внѣшнимъ порядкамъ римскаго судопроизводства было однимъ изъ обвиненій, представленныхъ противъ Павла Самосатскаго. И чѣмъ рѣзче, замѣчаетъ Молиторъ, остальные епископы порицали его за эти нововведенія, тѣмъ вѣрнѣе заключеніе объ Апостольской простотѣ и скромности, съ какою въ первые вѣка проходилось епископами трудное служеніе судьи и о томъ, какъ мало оказало вліянія свѣтское право и судебные обычаи на ихъ патріархальныя рѣшенія [3]).

---

[1]) Боголѣповъ. Учебникъ исторіи рим. права. Москва 1895. 292—293 стр

[2]) Евсевій. Церковн. Истор кн. VII гл. 30, Molitor s 24.

[3]) Molitor s. 25.

Глава вторая.

„Чѣмъ больше насъ жнете, тѣмъ больше насъ становится: кровь—сѣмя христіанъ“, сказалъ Тертулліанъ, обращаясь къ язычникамъ [1]).

И дѣйствительно, чѣмъ болѣе свирѣпствовала языческая жестокость и ослѣпленіе, тѣмъ славнѣе расцвѣтала изъ крови мучениковъ святая жизнь въ церкви, тѣмъ сильнѣе развивались отдѣльные члены въ таинственномъ тѣлѣ Христа, тѣмъ живѣе они вліяли другъ на друга; и потому кровавыя гоненія, воздвигнутыя на христіанъ, не только не достигли своей цѣли, но какъ разъ наоборотъ содѣйствовали бо́льшему и бо́льшему распространенію христіанства въ лучшей части греко-римскаго общества [2]). Истощивъ всѣ средства въ борьбѣ съ христіанствомъ, языческій міръ призналъ свое безсиліе и эдиктомъ Константина Великаго объявилъ христіанство религіей господствующей въ римской имперіи: крестъ, нѣкогда служившій для Римлянъ орудіемъ самой позорной казни, сдѣлался теперь предметомъ ихъ поклоненія и чествованія.

Какое значеніе имѣлъ этотъ выдающійся по своей высокой важности фактъ—въ исторіи церковнаго судопроизводства? И прежде всего—осталась ли церковь, послѣ вступленія въ тѣсный союзъ съ государствомъ, вѣрна тѣмъ началамъ, на которыхъ покоилось ея судопроизводство въ первые три вѣка христіанства; выдерживаются ли эти начала въ ея

---

[1]) Анологг гл. 50.

[2]) См. отвѣтъ Имп. Антонина на просьбу Азійскихъ делегатовъ о преслѣдованіи христіанъ Евсевій. Церков Исторія. IV. 13; ср. VIII. 1.

вселенскомъ законодательствѣ и въ церковно-судебной практикѣ того времени?

Обращаемся къ основному началу, которое требуетъ, чтобы весь процессъ былъ проникнутъ духомъ пастырскаго попеченія о подсудимомъ. Найдемъ ли мы это начало въ процессѣ вселенскаго періода? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Какъ въ первые три вѣка христіанства, такъ и теперь, въ эпоху вселенскихъ соборовъ, пастыри церкви въ своей судебной дѣятельности „подражали опытнымъ врачамъ, которые болѣзненные припадки въ тѣлахъ не тотчасъ исторгаютъ приложеніемъ желѣза и огня, но въ началѣ ослабляютъ мягкими лекарствами, ожидая времени, приличнаго для сѣченій“ [1]). Вотъ, въ частности, въ какихъ словахъ св. Кириллъ, еп Александрійскій, выражаетъ свое отношеніе къ Несторію, впавшему въ ересь: „пишу къ тебѣ эти слова, побуждаемый любовію во Христѣ и какъ брату совѣтую тебѣ и умоляю предъ Богомъ и святыми ангелами Его, одинаково съ нами мыслить и учить, дабы сохранился миръ церквей, и чтобы союзъ единогласія и любви пребывалъ неразрывнымъ между священниками Божіими“ [2]). Тотъ же св. Кириллъ, желая разсѣять всякую подозрительность на счетъ его пастырской искренности и попечительности въ отношеніи къ Несторію (Дѣянія I т. 415 стр.), говоритъ въ письмѣ къ одному изъ ревностныхъ защитниковъ послѣдняго: „дружество и любовь во мнѣ постоянныя чувства; и я никому не уступлю въ любви къ боголюбивѣйшему епископу Несторію: о Христѣ желаю—какъ предъ Богомъ говорю это—чтобы онъ удержалъ за собою доброе мнѣніе, загладилъ порицаніе, какое на себя навлекъ прежними дѣйствіями и доказалъ, что распространенныя нѣкоторыми въ вѣрѣ новыя мнѣнія, приписываются ему по клеветѣ и что въ тѣхъ слухахъ нѣтъ нисколько истины. Если Христосъ велѣлъ любить намъ и ненавидящихъ, то не больше ли слѣдуетъ это выполнить въ отношеніи тѣхъ, которые намъ братья и сосвященники“ [3]) Такимъ образомъ, и въ

---

[1]) Дѣянія вселенск. соборовъ Казань. 1859. I т. 457 стр Слѣдуетъ обратить вниманіе даже на стилистическую сторону приведеннаго мѣста: не трудно замѣтить, что это—языкъ апостольскихъ постановленій Кн. II. гл 41 стр. 73.

[2]) Дѣянія вс. соб. т. I. стр 333—334.

[3]) Ibid т. I. стр. 346—347; ср 368—369.

эпоху вселенскихъ соборовъ отношенія судей къ подсудимымъ запечатлѣны были духомъ любви, кротости, милосердія. и теперь, прежде формальнаго суда и наказанія, пастыри обращались къ преступнику съ братскимъ увѣщаніемъ къ искреннему раскаянію и исправленію [1]).

Предварительное братское увѣщаніе, обыкновенно, повторялось три раза. „Разсудивъ, что поскользающимся надобно подать руку для поддержанія ихъ и упавшихъ надобно поднять, какъ своихъ братій, я (Кириллъ) въ своихъ письмахъ къ нему (Несторію) совѣтовалъ отстать отъ такого нечестиваго ученія, но отъ этого мы не получили никакой пользы.. Я написалъ къ нему и *другое посланіе*, въ которомъ кратко изложивъ ученіе правой вѣры, убѣждалъ и заклиналъ его Богомъ сообразно тому и мыслить и говорить; но и этимъ я не принесъ никакой пользы... Послѣ того, какъ братъ Кириллъ двумя своими посланіями хотѣлъ вывести тебя на прямой путь, я (папа Целестинъ) хочу дать знать тебѣ, что послѣ перваго и втораго его вразумленія и послѣ этого моего обличенія, которое, какъ видишь, есть уже *третье*, ты совершенно отлученъ и отъ епископскаго престола, который ты вмѣстѣ съ нами занимаешь, и отъ всего общества христіанъ, если скоро не исправишь своего злаго ученія, если не возвратишься на тотъ путь, который есть Христосъ, какъ Онъ называетъ Себя“ [2]).

Помня заповѣдь Спасителя о прощеніи обидѣвшаго „до седьмижды седьмидесяти разъ“ (Мѳ. XVIII. 22), пастыри церкви не ограничивались троекратнымъ увѣщаніемъ впавшаго въ преступленіе члена церкви, а не рѣдко простирали свою заботу о взысканіи его до готовности обращаться къ нему съ вразумляющею рѣчью неограниченное число разъ, что видно изъ отвѣта Евсевія, еп. Дорилейскаго, на предложеніе архіеп. Флавіана сходить къ обвиняемому архимандр. Евтихію и побесѣдовать съ нимъ о правой вѣрѣ. „Я прежде былъ ему другомъ. сказалъ Евсевій, и не одинъ разъ, не дважды, *но*

---

[1]) См напр слѣд. мѣста Дѣяній вс. соб. т. I. стр. 12. 351. 353. 361. 456. 457. 369. 391. 415. 432. 433. 435—436. 459; т. II. 444. т. III. 32. 45—46. 116 и мн. др.

[2]) Дѣянія. т. I. стр. 361—463—386; ср 439. 497—498.

часто приходилъ къ нему по этому дѣлу, которымъ онъ зараженъ; я бесѣдовалъ уже съ нимъ, и нашелъ его неправильно мудрствующимъ; я увѣщевалъ его и училъ, но онъ оставался непреклоннымъ, говоря то, что чуждо правой нашей вѣры. Это могу я доказать многими свидѣтелями, которые присутствовали и слышали... Святѣйшій архіепископъ Флавіанъ сказалъ: пусть уступитъ намъ твое благочестіе и опять потрудится сходить въ монастырь, побесѣдуетъ съ нимъ, о чемъ слѣдуетъ и что относится къ примиренію, дабы не случилось опять какого-либо волненія и смятенія въ святыхъ церквахъ Христовыхъ“ [1])

Если результатомъ братскаго увѣщанія было полное сознаніе подсудимымъ своей вины и искреннее раскаяніе, то въ этомъ случаѣ и теперь, какъ и въ первые три вѣка христіанства, формальное судопроизводство надъ нимъ уже не могло имѣть мѣста: вмѣсто наказанія, обвиняемый получалъ прощеніе и примиреніе съ церковію, а осужденію подвергалось только самое заблужденіе (если дѣло шло о религіозныхъ убѣжденіяхъ). „Еслибы онъ (Евтихій), говоритъ папа Левъ, по милосердію Духа Святаго, исправившись, отказался отъ нечестія своего заблужденія и осудилъ бы съ полнымъ удостовѣреніемъ то, что проклинаютъ каѳолики, то мы не хочемъ отказать ему въ прощеніи, такъ какъ для церкви Господа тутъ не будетъ никакого вреда. Поэтому кающійся можетъ быть принятъ, и одно заблужденіе да будетъ отвергнуто“ [2]). Тоже самое говоритъ на соборѣ Константинопольскомъ (448 г.) предсѣдатель его св. Флавіанъ: „о, еслибы онъ (Евтихій), придя сюда и сознавъ свое заблужденіе, раскаялся! Господь нашъ Іисусъ Христосъ радуется о спасеніи погибшихъ, и Самъ первый идетъ искать заблудшую овцу (Лук. XV.). Посему посланные теперь почтенѣйшіе пресвитеры Мама и Ѳеофилъ, отдавъ ему посланную отъ насъ вызовную грамоту, пусть убѣдятъ его придти на нашъ святый соборъ... Если онъ придетъ сюда, изрыгнетъ прежнее свое нечестіе и признаетъ истинную вѣру и изложеніе святыхъ отцевъ нашихъ, тогда онъ получитъ прощеніе, какое обыкновенно мы даемъ раскаявающимся“ [3])

---

[1]) Ibid. т. III. стр. 207—208, ср. 266.

[2]) Дѣянія. III. 45—46 стр.

[3]) Ibid. III. 253—254; ср. I. 609—610; III 192.

Если же, съ другой стороны, братское увѣщаніе оставалось безплоднымъ и обвиняемый въ преступленіи продолжалъ упорствовать въ своей нераскаянности, тогда слѣдовало формальное разбирательство, заканчивавшееся формальнымъ приговоромъ осужденія. „Когда страшная для всѣхъ зараза (ересь Несторія), говоритъ папа Целестинъ, требовала отсѣчь гнилой членъ отъ тѣла церкви, то мы съ желѣзомъ принесли и пластырь. Но онъ самъ, злоупотребляя нашимъ попеченіемъ о томъ, да не погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ, возжелалъ себѣ смерти. Презрѣвши наше врачество, онъ рѣшился быть отсѣченнымъ. Судъ апостольскій рѣшилъ отсѣчь того, кто оскорблялъ насъ и желалъ ниспровергнуть Евангеліе. *У насъ не было*, какъ мы сказали, *недостатка во врачествѣ для разслабленнаго своимъ нечестіемъ. Мы не спѣшили оглашать его мытаремъ и язычникомъ. Мы знаемъ сколько и въ какой мѣрѣ Писаніе повелѣваетъ обличать подобныхъ людей, но теперь мѣра нашихъ увѣщаній исполнилась наконецъ. Тогда увѣщевалъ братъ брата, а теперь этотъ упорный при одномъ, двухъ и даже многихъ свидѣтеляхъ былъ увѣщеваемъ; слѣдовательно, обличаемъ былъ всею церковію, а также и нашимъ словомъ Мы не сдѣлали ничего преждевременнаго, ничего необдуманнаго въ отношеніи къ тому, кого осудилъ этотъ соборъ (Ефесскій) послѣ продолжительныхъ совѣщаній.* Мы не могли болѣе медлить, дабы не показалось, что мы бѣжимъ, по Писанію, съ воромъ и раздѣляемъ наше участіе съ прелюбодѣемъ вѣры. Отринувши всѣ лекарства, ему поднесенныя, онъ потребовалъ себѣ поля для сраженія. Намѣреваясь выйти на войну, онъ несъ противъ вѣры оружіе вѣроломства“ [1])...

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же папа Целестинъ пишетъ: „въ то время какъ онъ (Несторій) преближается на край пропасти, или уже сталъ на то мѣсто пропасти, откуда начинается паденіе, мы, если можемъ, должны отозвать его назадъ: не подавши ему остерегательнаго голоса, мы какъ бы толкнемъ его и ускоримъ его паденіе. Христосъ Богъ нашъ, о рожденіи Котораго началось изысканіе, показалъ намъ. что Онъ переносилъ труды для спасенія и одной овцы, восхотѣлъ

[1]) Дѣянія... II. 336—337 и слѣд.

нести ее на своихъ раменахъ, дабы не похитилъ ее волкъ Когда Онъ училъ насъ такъ дѣйствовать для спасенія одной овцы, то не хочетъ ли онъ, чтобы мы еще болѣе труда понесли за спасеніе пастыря овецъ, который, забывъ это свое имя и свою обязанность, самъ себя предалъ хищному волку, стараясь погубить свое стадо, которое обязанъ былъ охранять? Но мы должны удалить его отъ ограды овчихъ, если не исправимъ его, какъ желаемъ; а если остается еще надежда, что онъ, сознавъ вину свою, исправится, мы хотимъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ, и не губилъ бы тѣхъ, жизнь которыхъ ввѣрена его храненію. *Но если будетъ со стороны его упорство, то должно открыто произнести осужденіе на него: надобно отсѣчь этотъ больной членъ, отъ котораго страдаетъ не онъ одинъ, а пощадится все тѣло церкви*“ [1]).

Приведенныя свидѣтельства изъ актовъ вселенскихъ соборовъ вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что церковный процессъ этой эпохи остался вѣренъ той основной идеѣ, на которой былъ построенъ процессъ первыхъ трехъ вѣковъ

Остался вѣренъ онъ и тѣмъ началамъ, которыя по отношенію къ разсмотрѣнному мы назвали производными

Такъ, судебная дѣятельность пастырей церкви въ эпоху вселенскихъ соборовъ характеризуется тѣми же качествами безусловной справедливости и полнаго безпристрастія, какъ и въ первые три вѣка. Въ 16 пр. Карѳагенскаго собора прямо предписывается, чтобы судьи никого не осуждали, „по враждѣ или пристрастію“, чтобы они не были прельщаемы „нѣкимъ угожденіемъ“. Въ актахъ вселенскихъ соборовъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: „это—правый судъ; это—Божій судъ; Христосъ судилъ въ этомъ дѣлѣ; это мнѣніе справедливо; этотъ судъ справедливъ и т. п. [2]).

---

[1]) Ibid. I 368—369; ср 392—393, 386 414, 426—428. 439 456—457. 729 и др Въ актахъ вселенскихъ соборовъ мы находимъ указанія на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе упорной нераскаянности обвиняемаго, дѣло доходило до формальнаго разбирательства, лица, чрезъ которыхъ пастыри церкви обращались къ обвиняемому съ увѣщательными посланіями или письмами, подвергались судебному допросу относительно того, какъ они выполнили возложенную на нихъ миссію. См. напр. I. 556—557 стр.

[2]) Дѣянія . IV. 265; 266. 274 и др.

Затѣмъ, религіозно-нравственныя требованія, предъявляемыя къ обвинителю и свидѣтелямъ въ первые три вѣка, сохранили полную силу и въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Вселенское законодательство, согласно 74 апостольск. правилу, предписываетъ: „отъ клириковъ или мірянъ, доносящихъ на епископовъ или на клириковъ, не принимати доноса просто и безъ изслѣдованія: но предварительно извѣдывати общественное о нихъ мнѣніе (IV. 21.). Если бы, по изслѣдованіи, оказалось, что обвинитель не удовлетворяетъ или религіознымъ требованіямъ (язычники, іудеи и еретики—II пр. 6; Карѳаг 144) или требованіямъ нравственнымъ (опороченные въ общественномъ мнѣніи, прикосновенные къ срамнымъ дѣламъ и тѣ, на которыхъ лежитъ пятно безчестія.—Карѳ. пр. 8. 27 144), то, какъ въ первые три вѣка, такъ и теперь отъ такого лица не могло быть принято обвиненіе въ дѣлахъ церковныхъ (но не гражданскихъ—II. пр 6; Карѳ. 144). Равнымъ образомъ нельзя было принимать отъ такихъ лицъ и свидѣтельскихъ показаній (Карѳаг. 146.).

Какъ въ первые три вѣка христіанства, такъ и теперь, при наложеніи наказанія судьи сообразуются съ характеромъ и тяжестію преступленія, съ обстоятельствами и побужденіями къ его совершенію, съ душевнымъ настроеніемъ согрѣшившаго—съ его готовностію къ раскаянію и въ зависимости отъ этого могутъ уменьшить или увеличить наказаніе. Въ каноническомъ посланіи св. Аѳанасія Александрійскаго къ еп. Руфиніану читаемъ: „поелику благолюбиво и церковно (какъ и прилично твоему благочестію) вопрошалъ ты о увлеченныхъ (въ аріанскую ересь) нуждою, но не развращенныхъ зловѣріемъ и желалъ, чтобы я написалъ къ тебѣ, что положено о нихъ на соборахъ и повсюду: то вѣдай, господине мой вожделеннѣйшій, яко (на нѣсколькихъ соборахъ въ различныхъ мѣстахъ) постановлено, чтобы падшимъ (вступившимъ въ общеніе съ аріанами) и бывшимъ предстателямъ нечестія (т. е. тѣмъ, которые, совратясь въ аріанство, и другихъ привлекали къ нему) являти снисхожденіе кающимся, но не давати имъ мѣста въ клирѣ: а не бывшимъ самовластными дѣлателями нечестія, но увлеченнымъ нуждою и насиліемъ, давати прощеніе, и имѣти имъ мѣсто въ клирѣ, наипаче, когда они принесли достойное вѣры оправданіе и сіе учинено, по видимому, съ нѣкимъ благоусмотрѣніемъ.

Ибо таковые утверждали, что они не совращались въ нечестіе: но дабы нѣкоторые, содѣлавшись нечестивѣйшими, не разстроили церквей, почли за лучшее уступити насилію и понести бремя, нежели погубити народъ. Говоря сіе, они, и по нашему мнѣнію, говорили достойное пріятія: ибо въ извиненіе себя представляли и Аарона Моисеева брата, который уступилъ въ пустынѣ преступному требованію народа, но имѣлъ извиненіе въ намѣреніи, дабы народъ не возвратился въ Египетъ и не остался въ идолослуженіи. Ибо представлялось вѣроятнымъ, что пребывая въ пустынѣ, онъ можетъ престати отъ нечестія, но вошедши во Египетъ, усилитъ и возраститъ въ себѣ нечестіе. По сей причинѣ разрѣшено допускати таковыхъ въ клиръ, такъ какъ прельщеннымъ и насиліе претерпѣвшимъ дается прощеніе. Сіе объявляю и твоему благоговѣнію и уповаю, яко и твое благочестіе пріиметъ постановленное“ [1])... Во 2 пр собора Анкирскаго говорится—„діаконамъ идоложертвовавшимъ, но потомъ возобновившимъ подвигъ вѣры, присвоенную имъ честь имѣти, но престати имъ отъ всякаго священнаго служенія, отъ возношенія хлѣба и чаши и отъ провозглашенія моленій. Аще же которые изъ епископовъ усмотрятъ въ таковыхъ нѣкій трудъ или смиреніе кротости, и восхотятъ нѣчто болѣе дати или отъяти: да будетъ сіе въ ихъ власти“ [2]). Пятое правило того же Анкирскаго собора предоставляетъ епископамъ власть въ отношеніи къ идоложертвовавшимъ по принужденію мірянамъ „испытавъ образъ обращенія (ихъ), человѣколюбствовати или большее время покаянія приложити, паче всего да испытуется житіе предшествовавшее искушенію и послѣдовавшее за онымъ, и тако да размѣряется человѣколюбіе“ [3]).

Однимъ словомъ, всѣ внутреннія особенности церковнаго процесса первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, характеризующія его какъ процессъ sui generis—rem Dei, вполнѣ выдерживаются въ процессѣ вселенскаго періода.

Что касается внѣшней стороны церковнаго процесса, которою онъ сближается съ обыкновеннымъ судопроизвод-

---

[1]) Квига правилъ. III т. 127—132 стр.

[2]) Сн. I. вс. соб. пр. 11.

[3]) Сн. I всел. соб. пр, 12. Анкирск. пр 7, 9 и 16.

ствомъ, и, какъ таковой, можетъ подлежать развитію и усовершенствованію сообразно духу и условіямъ времени, то почти всѣ требованія касательно отдѣльныхъ моментовъ производства, соблюдавшіяся въ первые три вѣка и основывавшіяся на обычаѣ или положительномъ законодательствѣ, получили подтвержденіе во вселенскомъ законодательствѣ, каковы о наказаніи обвинителя за клевету (II всел. соб. пр. 6), о личномъ присутствіи на судѣ обвинителя и обвиняемаго и способѣ его приглашенія (Θеоф. Алекс. пр. 9. Карѳ 28), о количествѣ свидѣтелей (I вс. соб. пр. 2; VI. 85; Карѳ. 147) и др [1]).

Но спрашивается, могъ ли церковный процессъ эпохи вселенскихъ соборовъ по своей внѣшней физіономіи остаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ первые три вѣка? Оставаясь вѣрною внутреннимъ началамъ процесса первыхъ вѣковъ, могла ли церковь и теперь, по вступленіи въ тѣсный союзъ съ государствомъ, довольствоваться прежними простыми, патріархальными формами внѣшняго производства, не имѣющими надлежащей устойчивости и раздѣльности?

Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно, если мы обратимъ вниманіе на характеръ той эпохи, которая открывается съ началомъ четвертаго столѣтія: это была самая кипучая пора въ жизни церкви, когда она, признанная государствомъ, напрягала всѣ свои усилія къ выработкѣ основныхъ началъ внутренняго и внѣшняго благоустройства; теперь, когда церковь получила возможность вносить свою дѣятельность въ сферу государственной жизни, церковно-юридическія отношенія сдѣлались гораздо разнообразнѣе и сложнѣе: нерѣдко въ нѣдрахъ церкви возникали такія важныя дѣла, требовавшія судебнаго разбирательства, которыя волновали весь христіанскій міръ отъ Востока до Запада и были настолько запутанны, что не могли уложиться въ прежнія простыя процессуальныя формы Простая внѣшняя надобность, говоритъ проф. Соколовъ, должна была послужить побужденіемъ къ тому, чтобы сообщить духовному суду правильныя и постоянныя формы,

---

[1]) Потерпѣлъ измѣненія только самый способъ производства со стороны устности и публичности; въ чемъ состояли эти измѣненія, скажемъ въ своемъ мѣстѣ

потомучто невозможно было въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ, приводившихъ въ движеніе цѣлыя церковныя области, а иногда и всю церковь, довольствоваться простыми моральными правилами и несложными формами отеческаго патріархальнаго разбирательства. Судъ по этимъ правиламъ, какъ бы онъ ни былъ справедливъ самъ по себѣ, всегда былъ бы случайный, субъективный судъ и не имѣлъ бы другихъ гарантій для своей правильности, кромѣ честности и способности лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ судопроизводствѣ. Болѣе прочныя, объективныя гарантіи могли быть установлены правильными и раціональными формами процесса [1]).

Откуда же церковь могла заимствовать неоходимыя для нея правильныя и раціональныя формы процесса? Г. Заозерскій силится доказать, что тѣ развитыя и вполнѣ окрѣпшія формы процесса, которыя мы встрѣчаемъ на соборахъ IV-го и слѣдующихъ вѣковъ, церковь выработала самостоятельно—изъ своихъ собственныхъ началъ, почти безъ всякаго вліянія сторонніхъ факторовъ. По его мнѣнію, источниками, на основаніи которыхъ церковь путемъ законодательства и судебной практики IV и V вѣковъ выработала свой процессъ, были „древнія правила, именно Апостольскія и церковные обычаи, соблюдавшіеся въ тѣхъ или другихъ церквахъ“ [2]). Хотя и можно найти, сознается далѣе г. Заозерскій—а) въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ Карѳагенскаго собора и отчасти IV-го вселенскаго „*краткое указаніе*“ на то, что церковное законодательство по нѣкоторымъ частямъ судопроизводства сообразовалось съ дѣйствовавшимъ тогда свѣтскимъ правомъ и в) въ церковно-судебной практикѣ „*нѣкоторые элементы*“, указывающіе только „*на близость*“ церковнаго процесса къ римскому обвинительному [3]), но вообще, умозаключаетъ онъ, „законченность, полнота и опредѣленность церковнаго суда явились прямымъ слѣдствіемъ узаконеній Спасителя и Апостоловъ, постепеннымъ, хотя и очень быстрымъ, путемъ практики предшествовавшихъ вѣковъ и сообразовавшагося съ нею церковнаго законодательства“ [4]) Можно ли согласиться съ

[1]) Прав. Обозр 1871 г стр 197.
[2]) Церковный судъ... стр. 300
[3]) Ibid. стр 300 и 312
[4]) Ibid 343 стр

подобными разсужденіями? Вѣрно то, что церковный процессъ вселенскаго періода сохраняетъ неразрывную, тѣснѣйшую связь съ внутренними началами процесса первыхъ вѣковъ, но какъ можно допустить, не грѣша противъ законовъ логики, чтобы переходъ отъ патріархальныхъ формъ внѣшняго производства къ стройному, вполнѣ законченному или, по выраженіи самого г Заозерскаго, „полному и точно опредѣленному во всѣхъ своихъ частяхъ“ процессу, какимъ мы видимъ его съ IV вѣка, могъ совершиться разомъ, безъ всякаго сторонняго содѣйствія,—особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что напр. римскій процессъ, отличающійся полнотою, стройностію и раздѣльностію своихъ частей, есть результатъ многовѣковой творческой дѣятельности римскаго народа въ лицѣ его „мудрѣйшихъ“—юрисконсультовъ, судей и законодателей. Несомнѣнно, что церковное судопроизводство эпохи вселенскихъ соборовъ выработалась не безъ сторонней помощи.

Откуда могла явиться эта помощь? Еврейское право, какъ видно изъ Апостольскихъ Постановленій, безспорно имѣло нѣкоторое вліяніе на церковно-судебную практику первыхъ трехъ вѣковъ христіанства своими разрозненными, отрывочными предписаніями касательно судей — ихъ дѣятельности, чуждой лицепріятія, пристрастія, всякихъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ (Лев. XIX. 15; Второз. 1. 17; XVI. 19; XVII. 7, XXVII. 25, Исх. XXIII. 2—3. 7—8 и др.), касательно свидѣтелей (Втор. XIX. 15), личнаго присутствія на судѣ той и другой стороны (Втор. XIX. 17) и пр.

Но Еврейское право не могло дать церкви опредѣленной и законченной судебной процедуры, такъ какъ оно и само не имѣло ея: еврейскій процессъ былъ краткій и правила, его касающіяся, по большей части отрицательнаго, а не положительнаго свойства [1]). Одно только римское право могло дать церкви необходимыя для ея цѣлей строго опредѣленныя процессуальныя формы, оно только и могло удовлетворить возникшей въ церкви потребности въ такихъ формахъ.

Заимствованіе церковію процессуальныхъ формъ именно изъ этого источника было насколько естественно, настолько и необходимо.

---

[1]) Michaelis—Mosaisches Recht. Th. VI. S 114 и слѣд.

Послѣ признанія христіанской религіи господствующею въ римской имперіи, церковь и государство пошли въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи рука объ руку—между ними устанавливается взаимодѣйствіе по всѣмъ сторонамъ жизни и дѣятельности: государство беретъ на себя неусыпную заботу о церкви, видя въ такомъ или иномъ состояніи богопочтенія залогъ своего благоденствія, церковь со своей стороны полагаетъ своею задачею внести гуманный духъ христіанства въ государственныя установленія и тѣмъ самымъ сообщить имъ новую жизнь. „Состояніе нашего государства, читаемъ въ грамотѣ имп. Ѳеодосія и Валентиніана къ Кириллу, архіеп. Александрійскому, зависитъ отъ образа богопочтенія и у нихъ много общаго и сроднаго: они поддерживаютъ одно другое и каждое изъ нихъ возрастаетъ съ успѣхами другаго, такъ что истинное богопочтеніе свѣтится правдивою дѣятельностію, а государство цвѣтетъ, когда соединяетъ въ себѣ то и другое“ [1]). „Всѣмъ извѣстно, говорятъ тѣже императоры, что состояніе нашего государства и все человѣческое утверждается и поддерживается благочестіемъ къ Богу. Когда благоволитъ верховный Судія, то всѣ дѣла текутъ и направляются счастливо и по нашему желанію. Итакъ, получивъ по Божественному промышленію царство, мы должны прилагать величайшую заботливость о благочестіи и благоповеденіи нашихъ подданныхъ, чтобы и истинная вѣра и наше государство сіяли искреннею ревностію о высшемъ благѣ и полнымъ благочестіемъ.... Вся наша надежда и крѣпость нашей имперіи зависитъ отъ православной вѣры въ Бога и отъ вашихъ (епископовъ) святыхъ молитвъ“ [2]). Императоръ Юстиніанъ, какъ бы выражая общій принципъ, легшій въ основу отношеній между государствомъ и церковію, заявляетъ отцамъ пятаго вселенскаго собора: „доставлять миръ святой церкви Божіей—было всегдашнею заботою православныхъ и благочестивыхъ императоровъ, предковъ нашихъ“ [3]). При такихъ отношеніяхъ между государствомъ и церковію, послѣдняя естественно стремилась въ

---

[1]) Дѣянія всел. соб. I т. 479—480 стр.

[2]) III т. 146—147 и 137—158 стр.

[3]) V т. 553 стр Ср · II т. 299—348; III т. 77, IV 127 495; VI 325. 327. (вторая нумерація) 562; VII. 42. 75 и др.

устройствѣ и организаціи различныхъ внѣшнихъ сторонъ своей жизни сообразоваться съ порядками, господствовавшими въ государственной жизни и къ нимъ приноравливаться [1]). Тоже самое нужно сказать и относительно формъ и пріемовъ судопроизводства. Для церкви всего естественнѣе было воспользоваться для своихъ цѣлей именно тѣми процессуальными формами, которыя практиковались государствомъ и были утверждены его законами, такъ какъ членами церкви были тѣже подданные государства

Кромѣ этого, можно привести еще не мало соображеній въ пользу не простой только естественности, но и положительной необходимости для церкви заимствовать римскія процессуальныя формы.

Нѣкоторыя данныя, уясняющія эту рецепцію, можно извлечь изъ исторіи, такъ называемаго, посредническаго суда епископовъ и развившейся изъ него церковной юрисдикціи по дѣламъ свѣтскаго характера, выдѣленной государствомъ изъ собственной компетенціи [2]).

Существованіе посредническаго суда въ первые три вѣка христіанства основывается на прямой заповѣди Ап. Павла, находящейся въ тѣсной связи съ отказомъ Спасителя на предложеніе одной изъ тяжущихся сторонъ разрѣшить споръ о дѣлежѣ имущества (Лук. XII 13—14). Апостолъ, обращаясь къ Коринѳскимъ христіанамъ, говоритъ: „какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ... Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? Но братъ съ братомъ судится, и притомъ предъ невѣрными. И то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притомъ у братьевъ“. (1 Кор. VI. 1—8). Такимъ образомъ

---

[1]) 38 правиломъ Трулльскаго собора церковь прямо узаконила, что чинъ церковныхъ дѣлъ долженъ во всемъ слѣдовать гражданскому и земскому распорядку.

[2]) Обстоятельное изложеніе этого предмета можно найти въ трудѣ проф Суворова—«Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви» .. Ярославль 1884. 326—393 стр.

Апостолъ, находя тяжбу, какова бы она ни была, по самому существу унизительною для христіанъ, обязанныхъ любить другъ друга, съ особенною строгостію осуждаетъ ихъ за обращеніе къ языческимъ судьямъ для разрѣшенія своихъ тяжбъ: если ужъ онѣ возникли, то ни въ какомъ случаѣ не должны выходить изъ предѣловъ христіанской общины, а должны быть разрѣшаемы разумными людьми изъ самихъ же христіанъ. Лучшими же изъ тѣхъ разумныхъ людей, о которыхъ говоритъ Апостолъ, были, конечно, епископы и слѣдовательно, въ ихъ рукахъ сосредоточивалось разбирательство гражданскихъ тяжбъ между христіанами [1]).

Положеніе христіанскихъ общинъ въ римской имперіи, особенно во времена преслѣдованій, было таково, что наставленіе Апостола сдѣлалось закономъ для христіанъ первыхъ вѣковъ. Веденіе христіанами процессовъ въ римскихъ судахъ было не безопасно не только потому, что они не могли разсчитывать на безпристрастіе судей, но и потому, что могло выдавать ихъ принадлежность къ преслѣдуемому обществу и къ тому же ставило ихъ въ необходимость принимать косвенное участіе въ идолослуженіи, такъ какъ судопроизводство тогдашнее обставлено было многими формальностями религіознаго характера. Съ признаніемъ церкви въ государствѣ, правосудіе стало отправляться лицами христіанскаго вѣроисповѣданія и потому внѣшніе мотивы, вызвавшіе къ бытію институтъ посредническаго суда, сами собою отпали, а между тѣмъ этотъ институтъ продолжалъ свое существованіе и при христіанскихъ императорахъ. Причину этого нѣкоторые каноницисты усматриваютъ въ желаніи послѣднихъ, особенно христіаннѣйшаго изъ нихъ Константина Великаго, дабы путемъ епископскаго посредническаго суда могъ проникнуть гуманный

---

[1]) А что, дѣйствительно, въ епископахъ наиболѣе, по сравненію съ прочими христіанами, наблюдались качества благоразумія и добросовѣстности, столь необходимыя для цѣлей правосудія, это легко объясняется тѣмъ, что эти именно качества, главнымъ образомъ, принимались во вниманіе при самомъ избраніи на епископскую должность. Кромѣ того епископамъ, по самой должности, принадлежала духовная юрисдикція, а потому всего естественнѣе было къ этой главной юрисдикціи (principale) присоединить и юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ въ качествѣ accessorium. Fessler. цит. соч. S 68.

духъ христіанства въ свѣтскіе суды и оживить ихъ [1]). По нашему мнѣнію, это не было не только единственною, но и главною причиною того, почему Константинъ Великій двумя своими конституціями (321 г.) подтвердилъ посредническій судъ епископовъ [2]). Главная причина лежитъ въ самыхъ воззрѣніяхъ римскаго права на арбитровъ и характеръ ихъ дѣятельности. Римское право различало judices, recuperatores и arbitri. Нерѣдко возникали столь запутанныя дѣла, что сами тяжущіеся не въ состояніи были опредѣлить объемъ своихъ претензій и нуждались въ такомъ лицѣ, которое по доброй совѣсти и внутреннему убѣжденію (руководясь „головой и сердцемъ“) разобралось бы въ путаницѣ ихъ юридическихъ отношеній [3]). Эти то лица назывались арбитрами. Они могли быть избираемы не только изъ числа тѣхъ гражданъ, которые были занесены въ составлявшійся магистратомъ списокъ судей (album judicum selectorum), но, при добровольномъ на то согласіи сторонъ, изъ всѣхъ классовъ общества (arbitri ex compromisso): арбитромъ могъ быть всякій, отличавшійся, по сознанію самихъ тяжущихся, „доброю совѣстію“,—т. е. высокими нравственными качествами. А кто могъ въ этомъ отношеніи стать рядомъ съ христіанскими епископами, сіявшими своими добродѣтелями? Такимъ образомъ епископы, прославленные своею нравственною жизнію, могли быть самыми желательными арбитрами ex compromisso и слѣдовательно, лишить епископовъ этого права значило бы нанести чувствительный даръ основнымъ принципамъ, на которыхъ утверждался римскій институтъ посредническаго суда, служившій излюбленнымъ способомъ рѣшенія гражданскихъ споровъ, что видно изъ древнихъ римскихъ кодексовъ, гдѣ этому предмету посвящены цѣлые отдѣлы [4]). Съ другой стороны, высокое уваженіе Константина Великаго къ епископамъ и желаніе защитить людей бѣдныхъ и безпомощныхъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ и сильныхъ вмѣстѣ съ увѣренностію въ томъ, что

---

[1]) Fessler. S. 69 и 66—67.

[2]) Текстъ и объясненіе смысла и значенія этихъ конституцій. См. у Суворова—Объемъ .. 326 и слѣд

[3]) Боголѣповъ. Учебникъ исторіи рим права Москва 1895. стр. 291.

[4]) Lex 3 § 1. l. 11 § 2. l. 32 § 9 и 12. Dig. de receptis qui arbitrium receperunt. ut sententiam dicant (IV 8).

епископы будутъ рѣшать дѣла добросовѣстно, безъ издержекъ, безъ волокиты, безъ поблажки сильнымъ—все это побудило Константина Великаго не только подтвердить практиковавшійся, въ силу обстоятельствъ, въ первые три вѣка посредническій судъ епископовъ, но и обставить его важными привиллегіями. Законами послѣдующихъ императоровъ и особенно закономъ Валентиніана III отъ 452 г. епископскій судъ окончательно поставленъ былъ въ юридическое положеніе посредническаго суда арбитровъ и съ такимъ характеромъ перешелъ въ законодательство Юстиніана [1]).

Служеніе арбитра разсматривалось какъ служеніе общественному интересу, какъ нѣкотораго рода обязанность, отъ которой нельзя было отказаться При такой точкѣ зрѣнія для насъ будутъ вполнѣ понятны жалобы многихъ епископовъ на обремененіе ихъ массою гражданскихъ дѣлъ и на тѣ трудности, съ которыми сопряжена ихъ дѣятельность въ качествѣ арбитровъ [2]).

---

[1]) См у Суворова 337—342 стр Мы совершенно согласны съ проф. Суворовымъ въ томъ, что нѣтъ никакихъ основаній *вполнѣ* приравнивать епископскій посреднический судъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства къ суду римскихъ арбитровъ (Объемъ. 78—79 стр), но придаемъ бо́льшее, чѣмъ у него, значеніе вліянію принциповъ римскаго права на Константина Великаго при изданіи имъ первой конституціи (333 стр) Намъ кажется, что первая конституція перваго христіанскаго императора была прежде всего утвердительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, самъ собою—невольно возникавшій въ христіанахъ. могли ли они теперь, когда суды сдѣлались христіанскими, обращаться за рѣшеніемъ своихъ тяжбъ къ епископамъ? Дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, значило бы къ четыремъ категоріямъ лицъ, освобожденныхъ рескриптомъ Антонина IIія отъ обязанностей арбитра (философы, риторы, грамматики и врачи), прибавить еще пятую—и притомъ такихъ лицъ, относительно которыхъ съ бо́льшимъ правомъ можно было сказать, что они рѣшатъ споръ «по доброй совѣсти»

[2]) Таковы напр. жалобы бл Августина въ его соч. «de oper monachorum» с. 37 и св. Іоанна Златоуста въ книгѣ о священствѣ Riffel—Geschichtliche Darstellung des Verhaltnisses zwischen Kirche und Staat Mainz 1836 S. 235—236. Fessler цит соч S 71—76. Импер. Юстиніанъ предоставилъ епископамъ право отсылать тяжущихся къ свѣтскимъ судьямъ, если дѣло представлялось имъ слишкомъ труднымъ и запутаннымъ. Si vero autem propter causae naturam aut propter quandam forte difficultatem non fuerit possibile deo amabili episcopo decidere negotium, tunc licentiam esse et civiles judices pergere ... Nov 83

Хотя отъ арбитровъ требовалась главнымъ образомъ „добрая совѣсть“, а не юридическія знанія, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностію сказать, что это служеніе побуждало епископовъ въ цѣляхъ достойнаго прохожденія его, съ одной стороны, изучать римское право вообще и процессуальное въ особенности, съ другой—окружать себя совѣтниками изъ лицъ, свѣдующихъ въ юриспруденціи [1]).

Кромѣ посредническаго суда, который къ тому же въ позднѣйшемъ законодательствѣ Юстиніана, выраженномъ въ новеллахъ, былъ поставленъ въ чрезвычайно тѣсныя границы [2]), епископы при христіанскихъ императорахъ получили широкую возможность участвовать въ отправленіи гражданскаго правосудія—а) въ качествѣ делегатовъ по порученію императора или магистратовъ и в) въ качествѣ лицъ, получившихъ право наблюдать за ходомъ правосудія въ государствѣ. Равнымъ образомъ, для дѣятельности церкви отведено было государствомъ широкое поприще и въ области уголовной

---

[1]) Указаніе на это можно найти въ слѣдующихъ словахъ бл Августина (De opere monachor. c 37). multo mallem per singulos dies certis horis. . aliquid manibus operari, et ceteras horas habere ad legendum et orandum aut aliquid de divinis litteris agendum liberas, quam tumultuosissimas perplexitates causarum alienarum pati de negotiis saecularibus vel judicando dirimendis vel interveniendo praecidendis. Выраженіе «judicando dirimendis», конечно, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ согласія съ дѣйствующимъ римскимъ правомъ, по аналогіи съ рѣшеніемъ свѣтскихъ судей Въ исторіи Θеодорита (Historia religiosa c 17), въ качествѣ комментарія къ приведенному мѣсту бл Августина, передается разсказъ о двоякомъ способѣ, примѣняемомъ благочестивымъ епископомъ Авраамомъ къ тяжущимся, которые обращались къ нему со своими процессами, именно сначала онъ старался привести стороны къ полюбовному соглашенію, а потомъ, въ случаѣ безуспѣшности, примѣнялъ законъ во всей строгости

Въ 82 новеллѣ имп Юстиніанъ осуждаетъ замѣченное въ судебной практикѣ явленіе, что многіе стали выбирать себѣ въ посредники людей невѣжественныхъ, *незнакомыхъ съ правомъ ни теоретически, ни практически*, давая при этомъ клятву подчиниться ихъ рѣшенію, такъ что неудовлетворительное рѣшеніе дѣла такими посредниками, вызывая потребность въ перерѣшеніи, вело къ клятвопреступленію. Отсюда логическимъ путемъ a contrario также можно извлечь доказательство въ пользу положенія, выставленнаго нами въ текстѣ

[2]) См напр. 86 Nov. c 7.

юрисдикціи [1]). Практикуя предоставленную государствомъ судебную власть гражданскую и уголовную, церковь, при отправленіяхъ этой власти, необходимо должна была усвоять и соблюдать узаконенныя государствомъ процессуальныя требованія и формальности, а отсюда естественнымъ слѣдствіемъ было то, что эти же требованія и формальности стали соблюдаться церковію и при разбирательствѣ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ собственной церковной компетенціи Подобныя соображенія получаютъ еще бо́льшую устойчивость, если мы прибавимъ, что нѣкоторые епископы до своего призванія къ высокому епископскому служенію, или были правителями и слѣдовательно, въ силу своего imperium'а обладали судебною властію, или занимали какую нибудь судебную должность [2]).

При разсужденіи по вопросу о естественности и необходимости усвоенія церковію римскихъ процессуальныхъ формъ не можетъ быть игнорируемо и то обстоятельство, что самыми крупными характерными свойствами римскаго юридическаго мышленія были консерватизмъ и формализмъ [3]). Римляне

---

[1]) Суворовъ 365 стр. и слѣд.

[2]) Такъ, извѣстно, что избранный вторымъ вселенскимъ соборомъ (381 г.) на Константинопольскую каѳедру Нектарій Тарсскій былъ до избранія преторомъ (Дѣянія вс соб I т. 223 стр.); св. Амвросій Медіоланскій былъ правителемъ въ Миланѣ (Fessler.. S 72); Северъ (евтихіанецъ), низвергшій съ Антіохійской каѳедры благочестиваго епископа Флавіана и вступившій на его мѣсто (вскорѣ послѣ Халкидонскаго собора), занимался ранѣе въ Беритѣ судебными дѣлами (Дѣянія вс. соб V т 7 стр.); знаменитый предсѣдатель VII вс собора Тарасій Константинопольскій ранѣе былъ секретаремъ (Дѣянія VII, 57—58 стр.)

[3]) Муромцевъ--О консерватизмѣ римской юриспруденціи. Москва 1885 особ слѣд стр. 5. 7—12. 96 121 и др Ср его-же Гражданское право древняго Рима Москва 1883 стр. 111 141—145 и слѣд. Боголѣповъ Учебникъ исторіи римскаго права Москва 1895 г стр. 6 139—142 170 198 185. 332. и др Главнѣйшія особенности римскаго юридическаго мышленія со стороны ихъ генезиса проф. Муромцевъ распредѣляетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: конкретность мышленія — объективизмъ — формализмъ — консерватизмъ — Гражданское право древняго Рима. стр 184—185; О консерватизмѣ.. стр. 12. 95. 86 183 и др. Формализмъ и консерватизмъ настолько тѣсно связаны между собою, что въ нѣкоторыхъ областяхъ (напр. въ интерпретаціи закона) формализмъ является слѣдствіемъ консерватизма.—О консерватизмѣ.... стр. 93—95

привыкли всѣ свои житейскія отношенія облекать въ строгія юридическія формы, обставлять соблюденіемъ разныхъ символическихъ дѣйствій и произнесеніемъ обрядовыхъ словъ (verba solemnia). Римскій консервативный умъ, стремящійся къ такому образу дѣйствій, при которомъ установившійся порядокъ отношеній терпѣлъ бы наименѣе перемѣнъ, смотрѣлъ на всѣ эти формальности, какъ на нѣчто объективное, стоящее внѣ воли человѣка и не подлежащее измѣненію [1]), и потому считалъ соблюденіе ихъ почти единственной, исключительной гарантіей правосудія. Правда, съ теченіемъ времени этотъ консерватизмъ римской юриспруденціи, находившій пищу главнымъ образомъ въ древней системѣ римскаго права (jus Quiritium) [2]), утратилъ, по выраженію проф. Муромцева, „свой древній суровой типъ", но дѣйствіе его, по свидѣтельству того же ученаго романиста, можно усматривать во всѣ эпохи римскаго права [3]), по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что римляне навсегда сохранили въ себѣ стремленіе къ внѣшнему порядку жизни [4]). Когда римляне, отличавшіеся указанными свойствами юридическаго мышленія и уже свыкшіеся съ извѣстными формальностями въ своемъ свѣтскомъ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ, сдѣлались христіанами [5]), они естественно пожелали видѣть подобныя же формальности и въ церковномъ судопроизводствѣ, и тѣмъ побуждали церковь

---

[1]) Муромцевъ. О консерватизмѣ ... стр. 87 94. 121 и др.

[2]) Всѣмъ хорошо извѣстенъ сообщаемый Гаемъ классическій примѣръ значенія формы, по древнему праву, въ каждомъ юридическомъ актѣ въ установленной для иска формулѣ говорилось о деревьяхъ—и если бы кто-нибудь, отыскивая вознагражденіе за поврежденныя виноградныя лозы, вмѣсто «деревья» (arbores) употребилъ «лозы» (vites), то изъ за одного этого слова онъ проигрывалъ процессъ. Instit. IV, 11.

[3]) О консерватизмѣ . 10 стр: Боголѣповъ—Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ римск классич юриспруденціи. Москва. 1876 стр 246.

[4]) Строгая дисциплина древняго цивильнаго права «навсегда, говоритъ проф. Боголѣповъ, внѣдрила въ умъ римскаго юриста инстинкты порядка и простоты».—О значеніи общенародн. гражданск. права... 248 стр.

[5]) Изъ VI книги Апостольскихъ Постановленій (24 и 25 г.) видно, что христіанство стало распространяться между римлянами въ концѣ II и началѣ III вѣка

къ усвоенію выработанныхъ римской юриспруденціей формъ уголовнаго процесса, дабы гарантировать правильность своихъ судебныхъ рѣшеній въ глазахъ такихъ членовъ [1]).

Наконецъ, не лишено значенія и то обстоятельство, что признаніе церкви государствомъ послѣдовало какъ разъ за эпохою классическихъ юристовъ, когда римская юриспруденція достигла апогея своего развитія, когда юридическій геній римскаго народа развернулся во всемъ своемъ блескѣ и величіи и создалъ право, отличающееся замѣчательною научною правильностію и изяществомъ структуры и по тому самому сдѣлавшееся предметомъ изумленія и внимательнаго изученія со стороны культурныхъ христіанскихъ народовъ. И странно было бы, еслибы церковь, которая всегда и вездѣ идетъ путями человѣческаго общества тамъ, гдѣ они не противорѣчатъ ея высокому призванію, не воспользовалась для своихъ цѣлей плодами многовѣковой юридической работы римскаго народа и не заимствовала у него то, въ чемъ такъ настойчиво нуждалась и чего сама не могла создать въ силу исключительныхъ условій своего внѣшняго существованія.

Правда, не всякая форма процесса, вырабатываемая юридическимъ развитіемъ народа, пригодна для воплощенія въ ней христіанскихъ началъ; принятіе иныхъ формъ можетъ сказаться стѣснительными и вредными послѣдствіями для самыхъ внутреннихъ началъ жизни церковной. Въ виду этого естественно возникаетъ слѣдующій вопросъ: пригодны ли были для цѣлей церкви формы римскаго аккузаціоннаго процесса? Не содержалось ли въ нихъ чего-нибудь такого, что не мирилось бы съ основными началами, проповѣдуемыми христіанской религіей? И вообще—каково было основное направленіе, господствовавшее въ римской юриспруденціи ко времени признанія христіанства? Отвѣтить на этотъ вопросъ чрезвычайно важно въ виду указанной тенденціи нѣкоторыхъ канонистовъ отстоять независимость церковнаго судопроизводства: состояніе римской юриспруденціи, какъ мы увидимъ сейчасъ, было таково, что церковь не только не могла имѣть никакихъ осно-

---

[1]) Совершенно справедливо разсуждаетъ Келльнеръ, что церковные судьи не могли производить судъ по личному усмотрѣнію, *а должны были соблюдать при разбирательствѣ дѣла извѣстныя формальности—изъ спасенія за правильность своего рѣшенія.* Das Buss und Strafverfahren... S. 123.

ваній становиться въ антагонизмъ съ нею, а какъ разъ наоборотъ—скорѣе побуждалась къ сближенію съ нею въ цѣляхъ совмѣстнаго воспитательнаго воздѣйствія на человѣчество [1]).

Исторія римскаго права свидѣтельствуетъ, что многочисленныя сношенія римскаго народа съ народами иныхъ цивилизацій, вызвавшія въ римлянахъ развитіе новыхъ потребностей и усилившія спросъ для удовлетворенія этихъ потребностей на предметы иностранной торговли, повели къ тому, что Римъ въ концѣ V и началѣ VI вѣка ab urb cond. сдѣлался мѣстопребываніемъ цѣлой массы иностранцевъ [2]). Теперь сама собою явилась необходимость опредѣлить юридическое положеніе иностранцевъ, такъ какъ jus civile, построенное на началахъ политической исключительности, не давало имъ юридической охраны, считало ихъ безправными. И вотъ римляне устанавливаютъ правило, что „всякій иностранецъ, все равно изъ самостоятельной или подчиненной страны, если только онъ свободный человѣкъ, считается въ римскомъ государствѣ правоспособнымъ субъектомъ“ [3]). Путемъ казуальнаго творчества, путемъ заимствованія изъ римскаго цивильнаго права и законодательства другихъ народовъ, путемъ указаній судебной практики разныхъ правителей римскихъ провинцій—pretor peregrinus и римскіе юрисконсульты создали право, извѣстное подъ именемъ jus gentium, для регулированія отношеній перегриновъ другъ къ другу и къ римскимъ гражданамъ. Но съ теченіемъ времени это право стало примѣняться и въ отношеніяхъ римскихъ гражданъ между собою. Объясняя этотъ фактъ, Пухта говоритъ: „вспомнимъ, что прошло уже два столѣтія съ появленія Двѣнадцати таблицъ. Время, когда это строго замкнутое право удовлетворяло правовому сознанію народа, отступало все болѣе въ отдаленное прошедшее, горизонтъ Римлянъ расширялся, Италія была покорена, начались внѣиталійскія войны и завоеванія, римляне были уже дома не только въ Римѣ, наклонность къ пріобрѣтенію всѣхъ удободостижимыхъ странъ начала уже овладѣвать ихъ духомъ.

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся результатами, добытыми ученымъ изслѣдованіемъ проф Боголѣпова—«Значеніе общенароднаго гражданскаго права (jus gentium) въ римск. классич. юриспруденціи». Москва. 1876 г

[2]) Боголѣповъ—О значеніи общенароднаго права.... стр 2—8

[3]) Ibid 11 стран

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ они сдѣлались воспріимчивы къ чужимъ нравамъ, для нихъ сдѣлались тѣсными узкія границы, проведенныя въ правѣ древнимъ jus civile. Сознаніе ихъ съ разбитіемъ права перегриновъ наполнилось иными правовыми понятіями, нежели понятія строгаго jus civile. Въ своемъ оборотѣ съ перегринами они сами жили по этому праву: въ своемъ происхожденіи и примѣненіи оно не было для нихъ чѣмъ-либо чужимъ; оно было и въ самомъ дѣлѣ римскимъ правомъ, только образованнымъ не изъ чисто римскихъ принциповъ. Почему же этимъ принципамъ не найти извѣстнаго примѣненія и внѣ оборота съ перегринами? Оставался одинъ шагъ до того, чтобы признать въ jus gentium общее право и для Римлянъ и сдѣлать такое заключеніе: quod civile non idem continuo gentium, quod autem gentium, idem civile (т. е. civium) esse debet. Настало время (съ точностію опредѣлить его невозможно). когда jus gentium перестало быть только правомъ перегриновъ, имѣющимъ постоянное значеніе и примѣненіе свое въ оборотѣ съ перегринами; оно стало вмѣстѣ съ тѣмъ частію римскаго права, проистекшею изъ народнаго правоваго сознанія, освободившагося отъ старыхъ границъ“ [1]).

Самою крупною характерною особенностію jus gentium съ внутренней, матеріальной стороны служитъ „естественность“, проявляющаяся, между прочимъ, въ томъ, что это право отводитъ самое широкое примѣненіе принципу добросовѣстности (bona fides). „Общенародное право, проникнутое бо́льшею мягкостію, пишетъ проф. Боголѣповъ, указывая различіе по матеріальнымъ принципамъ между jus civile и jus gentium, скорѣе склонно было отступать отъ строгости формальнаго принципа: говоря словами Цицерона, оно держалось кроткаго, умѣреннаго правила, выражающагося въ словахъ формулы „какъ можно справедливѣе“; поэтому оно прежде всего обращаетъ вниманіе не на то, что сказано, а на намѣреніе лица, на цѣль дѣйствія (quod actum est) [2]). Уже въ этомъ отношеніи не становится ли jus gentium по своему духу въ родство съ христіанскимъ ученіемъ?!... Но въ исторіи разви-

---

[1]) Курсъ институцій Перев Лицкой. I т. 226 стр. Москва 1864 г.

[2]) Учебникъ исторіи рим. права. стр. 363; Ср. Значеніе общенароднаго права . 18—24 стр.

тіи этого права наступилъ моментъ, когда оно получило особенный практическій интересъ и поставило римскую юриспруденцію въ еще бо́льшую близость къ основнымъ началамъ христіанской религіи.

Благодаря стоической философіи, достигшей цвѣтущаго состоянія въ I и II вв. по Р. Хр., въ Римѣ ко времени классическихъ юристовъ получила широкое распространеніе теорія естественнаго права. Естественный законъ, ученіе о которомъ занимаетъ центральное мѣсто въ стоической философіи, въ области человѣческихъ отношеній называется этическимъ закономъ, который учитъ человѣка различать добро отъ зла и основное правило котораго состоитъ въ требованіи жить согласно съ природой [1]). Такъ какъ, съ одной стороны, естественный законъ проникаетъ собою всю природу, а съ другой—человѣкъ составляетъ часть природы, то естественный законъ присущъ человѣку и находится въ той части его души, которая носитъ названіе разума. Изъ четырехъ прирожденныхъ человѣческому разуму способностей видное мѣсто занимаетъ стремленіе человѣка къ общежитію, которое имѣетъ въ своемъ основаніи любовь къ подобнымъ себѣ и ведетъ человѣка къ добродѣтели, называемой справедливостію. „Эта добродѣтель имѣетъ какъ бы двѣ стороны: одна—справедливость, justitia въ тѣсномъ смыслѣ, другая—благодѣяніе, beneficentia. Справедливость въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что мы себя любимъ не болѣе другихъ, уважаемъ чужую личность и чужое имущество, не увеличиваемъ своихъ выгодъ на счетъ выгодъ другаго; это отрицательная сторона отношенія къ людямъ, которая можетъ быть выражена правиломъ: воздай каждому свое (suum cuique tribuere). Благодѣяніе же, beneficentia, состоитъ въ положительномъ содѣйствіи благополучію другихъ; для осуществленія этой стороны добродѣтели человѣкъ долженъ руководиться правиломъ, что „ничто человѣческое ему не чуждо“, т. е. что всѣ нужды и радости другихъ людей составляютъ для него живой интересъ, которому онъ готовъ содѣй-

[1]) «Законъ природы, разумный міровой порядокъ, говоритъ Іодль, поскольку онъ относится спеціально къ человѣку, отождествляется стоиками съ нормой человѣческаго дѣянія, съ нравственнымъ закономъ».—Фридрихъ Іодль Исторія этики въ новой Философіи. Перев. В Соловьева Москва. 1896 г. 20 стр

ствовать“ [1]). На присущемъ человѣческому разуму стремленіи къ подобнымъ себѣ основывается ученіе стоиковъ объ общечеловѣческомъ союзѣ. „Мы, говоритъ Сенека, суть члены великаго тѣла. Природа создала насъ родственными другъ другу, ибо произвела насъ изъ одного и того же элемента и для одной и той же цѣли. Она вложила въ насъ взаимную любовь, стремленіе къ общенію и чувство справедливости; ея правило гласитъ, что причинять вредъ хуже, чѣмъ терпѣть его, и ея властью руки наши предназначены для помощи... Общество наше подобно каменному своду, который рушился бы, еслибы отдѣльные камни его не поддерживали другъ друга“ [2]). Единый общечеловѣческій союзъ и управляется единымъ естественнымъ закономъ, предписанія котораго въ своей совокупности и составляютъ то, что называется естественнымъ правомъ (jus naturale). Все содержаніе послѣдняго Ульпіанъ выражаетъ въ трехъ главныхъ принципахъ: жить достойно (honeste vivere), не оскорблять другихъ (alterum non laedere) и каждому воздавать свое (suum cuique tribuere) [3]).

Ученіе стоиковъ о естественномъ правѣ нашло въ Римѣ благопріятную почву, которая была подготовлена усилившимся ко времени классическихъ юристовъ стремленіемъ къ объединенію составныхъ частей Римской имперіи не только въ областяхъ соціальной, политической, административной и религіозной, но и въ области правовой [4]). Назрѣвшей потребности въ единомъ правѣ не могло удовлетворить jus gentium, такъ какъ оно „во первыхъ, главнымъ образомъ регулировало только отношенія собственности и обязательствъ; семейственныхъ и наслѣдственныхъ отношеній оно почти не коснулось, что объясняется его происхожденіемъ: оно было вызвано потребностями всемірнаго торговаго оборота въ Римѣ; во вторыхъ, жизнь шла впередъ, создавала новыя отношенія, для которыхъ въ jus gentium не было правилъ. Такимъ образомъ, для удовлетворенія потребности въ единомъ правѣ, общемъ всей многочисленной семьѣ народовъ Римской имперіи, надо было создать новую систему, болѣе полную и болѣе гибкую, со-

---

[1]) Боголѣповъ Значеніе общенародн. права .. 35—36 стр

[2]) Ibid. 37 стр.

[3]) Digest. I 1. fr. 10. § 1; Боголѣповъ. стр. 52 ср. 39—40

[4]) Ibid. стр 187—193

образно съ утонченностью отношеній того времени“ [1]) Стоическая философія со своимъ ученіемъ объ общечеловѣческомъ союзѣ и общечеловѣческомъ правѣ,—jus naturale, какъ разъ и шла на встрѣчу этой потребности. Въ силу такихъ обстоятельствъ теорія естественнаго права, предложенная стоиками, становится искреннимъ вѣрованіемъ классическихъ юристовъ; въ нихъ возникаетъ глубокое желаніе дать этой теоріи возможно полное практическое примѣненіе, обратимъ ее въ положительное право. Но такъ какъ естественное право представляло изъ себя только общіе этическіе принципы, но не имѣло ни правилъ, ни институтовъ, то нужно было отыскать эти правила. Издавна испытанный юристами путь легко и скоро указалъ имъ то, чего они искали: „они объявили, пишетъ проф Боголѣповъ, что общенародное право не только содержитъ въ себѣ многія правила естественнаго права, но что оно есть само естественное право; отождествляя оба права, они думали всей системѣ естественнаго права придать значеніе положительной, подъ прикрытіемъ имени общенароднаго права совершить реализацію естественнаго права въ цѣломъ“ [2]). Будучи средствомъ для реализаціи естественнаго права, jus gentium, родственное ему своимъ стремленіемъ къ естественности и справедливости (aequitas), въ значительной степени пропиталось возвышенными этическими прицинпами стоической философіи. Вотъ этотъ-то моментъ мы и имѣли въ виду, когда говорили, что jus gentium (или вѣрнѣе естественное право, отождествленное многими классическими юристами съ jus gentium) поставило римскую юриспруденцію въ особенную близость по духу, по направленію съ ученіемъ христіанской религіи [3]).

---

[1]) Ibid. 192 стр

[2]) Боголѣповъ . . 210 стр. Ср 153 155. 176. 206 240 и др

[3]) Г Соколовъ въ своей обширной статьѣ «о вліяніи христіанства на греко-римское законодательство» не уясняетъ надлежащимъ образомъ того громаднаго значенія, какое имѣлъ стоицизмъ въ дѣлѣ смягченія суроваго древне-римскаго juris civilis, (Чт. въ общ. люб. дух просв. 1877. Май 519—522) Не опредѣливъ взаимнаго отношенія между jus gentium и jus naturale стоической философіи, какъ это сдѣлано у проф. Боголѣпова, г Соколовъ пришелъ къ ихъ отождествленію. (См. напр въ Ноябр. кн. 554 стр.). А отсюда, полагая jus gentium единственнымъ источникомъ, изъ котораго рим-

Въ самомъ дѣлѣ,—жить достойно, никого не оскорблять, воздавать каждому свое—вотъ основныя начала стоической морали, сдѣлавшіяся, какъ мы видѣли, вѣрованіемъ классическихъ юристовъ, которое они стараются провести въ сознаніе и дѣйствительную жизнь римскаго народа. Не проповѣдуетъ ли эти самыя начала и христіанство? [1]) Не тоже ли самое выражали христіане первыхъ трехъ вѣковъ и своею жизнію, и голосомъ своихъ апологетовъ? Не во имя ли вѣчной справедливости, попираемой въ лицѣ христіанъ, выступаетъ предъ имп. Антониномъ Піемъ христіанскій апологетъ II-го вѣка св. Іустинъ мученикъ. „Я подаю вамъ записку, заявляетъ Іустинъ, не съ тѣмъ, чтобы льстить вамъ или говорить въ ваше удовольствіе, но чтобы требовать у васъ справедливости, какую предписываетъ разумъ. Наша просьба не неразумна, ни дерзка Мы ничего другаго не требуемъ, чтобы жалобы на насъ строже изслѣдовались и, если онѣ будутъ находимы основательными, наказывали бы насъ какъ слѣдуетъ—строго; но если онѣ окажутся не доказанными, то здравый разумъ не велитъ по одной молвѣ оскорблять людей невинныхъ, или

ская юриспруденція черпала гуманный духъ, смягчающій суровое jus civile. т. Соколовъ сдѣлалъ такой выводъ, что до признанія христіанства—гуманность была «робкимъ исключеніемъ» въ римскомъ правѣ, а древняя суровость—«общимъ правиломъ» и что только въ христіанскій періодъ исторіи римскаго права «древняя суровость и новая гуманность перемѣнялись своими ролями» (Чт въ общ люб 1878 Мартъ 392—393 стр.). Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что христіанство имѣли громадное преобразовательное вліяніе на римское право· при встрѣчѣ съ христіанствомъ римское право, по образному выраженію Витте,—«приняло крещеніе какъ крестятся дикари въ лѣсахъ Америки» (Энгельманъ Объ ученой обработкѣ греко-рим права, стр 55, Ср Пухта—Исторія рим права стр 478; Марецоль Учебникъ рим. гражд. права стр. 59), но вмѣстѣ съ этимъ утверждаемъ, что римская юриспруденція ко времени признанія христіанства проникласъ гуманными началами стоической философіи въ бо́льшей степени, чѣмъ думаетъ г Соколовъ

[1]) Интересно сопоставить: стоическую справедливость Цицеронъ и Ульпіанъ выражаютъ—«воздай каждому свое» (у Боголѣпова. О значеніи общ пр 39—40 и 52 стр.) а христіанскую справедливость Ап. Павелъ выражаетъ: «воздадите всѣмъ должная» . (Римл. XIII. 7; ср Мѳ VII 12, Лук VI 21; Дѣян XV 20)

лучше самихъ себя, когда вы дѣйствуете не по справедливости, а по страсти. Наша обязанность объявлять о нашихъ дѣйствіяхъ и ученіи, чтобы мы не были отвѣтственны за преступленія, въ которыхъ насъ обвиняетъ невѣжество и слѣпота; ваша же обязанность, которую предписываетъ вамъ разумъ,—это изслѣдовать дѣло и поступать, какъ слѣдуетъ хорошимъ судьямъ. Властители, которые предпочитаютъ пустыя толки истинѣ, тоже, что разбойники въ пустынѣ *(λῃσται ἐν ἐρημίᾳ)*. Не поступайте, какъ съ врагами, съ невинными людьми, и не осуждайте ихъ на смерть“ [1]) Тертулліанъ, апологетъ втораго же вѣка, заявляя предъ римскихъ правительствомъ: „право естественное, право общечеловѣческое требуетъ, чтобы каждому было предоставлено покланяться тому, кому онъ хочетъ“ [2]), прямо становится на точку зрѣнія нѣкоторыхъ классическихъ юристовъ [3]). Аргументируя такимъ образомъ, названный апологетъ имѣлъ въ виду, конечно, тотъ вѣрный разсчетъ, что римская юриспруденція къ этому времени уже достаточно пропиталось родственными христіанству этическими принципами juris naturalis стоической философіи.

Близость началъ стоической философіи, усвоенныхъ римской классической юриспруденціей, съ началами христіанскими заставили того же Тертулліана сказать, что ученіе Сенеки, знаменитаго послѣдователя стоической школы, часто согласуется съ христіанскимъ ученіемъ [4]). Такой же отзывъ о Сенекѣ даетъ Лактанцій: „человѣкъ, познавшій истины нашей религіи, можетъ ли лучше говорить, нежели какъ говоритъ этотъ философъ, не имѣвшій о нихъ понятія? Онъ объяснилъ величіе Божіе, сказавши, что оно превосходитъ мысли наши. Онъ дошелъ до источника истины, признавши, что люди не вотще водворены на землѣ, какъ мечтаютъ эпикурейцы, но что они для того на ней поселены, дабы служить Богу и воздавать ему поклоненіе, состоящее въ дѣлахъ правды и благочестія. Онъ, безъ сомнѣнія, принялъ бы нашу религію,

---

[1]) Апологія. Гл. 2. 3. 68

[2]) Апологія гл 28.

[3]) Терминологія Тертулліана въ особенности напоминаетъ терминологію Гая: подобно послѣднему, онъ отождествляетъ jus naturale и jus gentium (Боголѣповъ—цитов. соч. 44 и 80—81 стр.).

[4]) De anima. c. 20: Seneca saepe noster

если-бы кто-нибудь въ ней его наставилъ и отсталъ бы отъ Зенона и Соціона для послѣдованія ученію истинной мудрости“ [1]).

Чѣмъ больше распространялось естественное право стоической философіи и пропорціонально этому ослаблялось значеніе juris civilis, построеннаго на началахъ политической и религіозной исключительности, тѣмъ все болѣе и болѣе подготовлялась благопріятная почва для союза христіанства съ римской юриспруденціей. Совершенно справедливо говоритъ французскій историкъ Обэ: „все, что по самой своей природѣ стремилось къ ослабленію древняго порядка вещей (какъ понимался этотъ порядокъ римскимъ обществомъ) было благопріятно для церкви; напротивъ все, что имѣло тенденціей служить къ возстановленію и укрѣпленію этого порядка, было

---

[1]) Divin Instit VI 24 Подробный анализъ нравственныхъ воззрѣній Сенеки можно найти въ Приб къ твор. св отцевъ XX 407—486 стр Представляютъ ли эти воззрѣнія продуктъ естественнаго развитія стоической философіи, или на нихъ нужно смотрѣть, какъ на вѣяніе новаго, извнѣ пришедшаго, Евангельскаго духа—въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ значенія намъ важенъ только самый фактъ проникновенія стоической философіи и чрезъ нея римской юриспруденціи родственными христіанству возвышенными началами

Ни чѣмъ инымъ, какъ только этою близостью началъ стоицизма съ началами христіанскими можно объяснить глубокое вліяніе стоической философіи на многихъ отцевъ и учителей церкви. Не даромъ въ западноевропейской литературѣ находится такъ много изслѣдованій, посвященныхъ вопросу объ отношеніи стоицизма къ христіанству (Перечень главнѣйшихъ изслѣдованій См у г Невзорова. Мораль стоицизма и христ. нравоученіе Казань. 1892. XI стр прим.)

Говоря о родствѣ стоицизма съ христіанствомъ, мы однако далеки отъ воззрѣній раціоналистической школы, считающей христіанство продуктомъ философскаго развитія человѣчества—въ частности «видоизмѣненнымъ стоицизмомъ». (Bruno—Bauer. Christus und die Caesaren Der Ursprung des Christenthums aus romischen Griechenthum. 1879. s. 13) При всей близости между ними существуетъ настолько глубокое различіе, что христіанство справедливо называется явленіемъ сверхъестественнымъ—чудомъ въ исторіи Что удивительнаго въ томъ, что ограниченный умъ человѣческій, какъ отраженіе безграничнаго божественнаго ума, путемъ естественнаго развитія по временамъ приближался къ откровенному нравственному ученію, какъ это мы видимъ особенно въ стоицизмѣ?!

враждебно церкви. Тотъ духъ религіознаго космополитизма, дыханіе котораго замѣтно уже при первомъ Северѣ (Септимій) и который еще болѣе возросъ при его преемникахъ былъ, безъ сомнѣнія, благопріятенъ дѣлу христіанства. Этотъ духъ, подрывая партикуляристическія формы культовъ, внося индифферентизмъ въ дѣло религіи, умягчалъ нравы, обезоруживалъ религіозную ненависть, содѣйствовалъ обмѣну воззрѣній, т. е толерантности“ [1]). А мы прибавимъ къ этому, что однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ перваго рода, вліянію котораго въ значительной степени обязанъ и тотъ религіозный космополитизмъ, о которомъ говоритъ Обэ, было именно jus naturale, подложенное классическими юристами подъ jus gentium [2]).

Новая струя, внесшая въ римское право родственныя христіанству начала, разлилась широкимъ потокомъ, сокрушившимъ все, что носило специфически—римскій характеръ, какъ разъ именно къ тому времени, когда—при Діоклетіанѣ—язычество справило по себѣ послѣднюю кровавую тризну и для христіанъ заблистала заря новой жизни. Теперь, съ уничтоженіемъ религіозной преграды, церковь смѣло могла вступить въ тѣсной союзъ съ римской юриспруденціей для совмѣстной борьбы съ тѣми язвами, которыя разъѣдали общественную жизнь римскаго народа [3]), и взять у нея все, что

---

[1]) По Лебедеву. Собраніе сочиненій II т Эпоха гоненій 217—218 стр Моск. 1897.

[2]) Намъ кажется, что церковные историки, говоря о причинахъ того переворота въ отношеніяхъ римскаго языческаго государства къ христіанству, который совершился при Константинѣ Великомъ, допускаютъ существенный пробѣлъ, умалчивая о томъ значеніи, какое имѣло въ этомъ отношеніи jus naturale. Все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе на римскую юриспруденцію jus naturale съ его возвышенными началами, несомнѣнно, много содѣйствовало окончательному торжеству христіанства подъ язычествомъ

[3]) Одною изъ такихъ язвъ было рабство. Римскіе юристы, ставшіе органомъ естественнаго права, проповѣдывающаго равенство людей, проводниками его идей въ сознаніе римскаго общества, старались этимъ путемъ подготовить почву къ уничтоженію постыднаго для человѣчества института рабства или, по выраженію проф. Боголѣпова «старались смягчить жестокій принципъ, отказывавшій громадной массѣ людей въ признаніи ихъ человѣческаго достоинства» (Значеніе общ. пр. 250 стр. Главнѣйшія мѣропріятія этого рода указаны тамъ-же ср. Соколовъ. О вліяніи христіан-

она могла предложить и въ чемъ нуждалась сама церковь— и между прочимъ, внѣшнія формы судебнаго производства, которыхъ церковь не успѣла выработать въ тяжелую эпоху гоненій и которыя къ тому же не могла не испытать на себѣ вліянія общаго направленія римской юриспруденціи, благопріятнаго для христіанской религіи [1]).

И дѣйствительно, церковь приняла для своихъ цѣлей римскія процессуальныя формы, а вмѣстѣ съ ними усвоила и тотъ взглядъ на значеніе этихъ формъ при отправленіи правосудія, какой господствовалъ въ римской юриспруденціи Въ то время какъ въ первые три вѣка христіанства церковь не предписывала почти никакихъ внѣшнихъ обрядовъ и формъ производства, потому что не придавала никакого значенія процессуальной сторонѣ, теперь въ зависимость отъ соблюденія извѣстныхъ формальностей поставляется самая правильность судебнаго приговора. И такое воззрѣніе съ ясностію обнаружилось уже въ первомъ церковно-судебномъ процессѣ послѣ вступленія церкви въ союзъ съ государствомъ, именно по дѣлу о Цециліанѣ, еп. Карѳагенскомъ, избраніемъ котораго (по смер

ства на греко-римское законодательство Чтеніе въ общ люб дух пр 1877 Май 533—538) Христіанство своею проповѣдію о равенствѣ людей въ церкви Божіей, довершило въ этомъ отношеніи воспитаніе человѣчества, начатое римской юриспруденціей. (Законодательныя мѣры христіанскихъ императоровъ, направленныя противъ рабства и иныхъ явленій въ жизни римскаго общества, унижающихъ человѣческое достоинство.—См. Чт въ общ люб 1878 II. 228—242)

[2]) Молиторъ, раздѣляя мысль о томъ, что самое состояніе римской юриспруденціи побуждало церковь къ сближенію съ нею и заимствованію процессуальныхъ формъ, говоритъ: это (заимствованіе) случилось по той причинѣ, что ко времени Константина Великаго какъ въ римскомъ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ производствѣ древнія обрядовыя формальности давнымъ давно были разрушены, продолжая звучать, какъ эхо, въ юридическихъ опредѣленіяхъ и выраженіяхъ, которыя связывали новыя понятія съ древне-употребительными именами». Цитов. сочин. S. 28. Готтшалькъ, объясняя естественность вліянія римскаго права на каноническое указываетъ на то обстоятельство, что jus divinum, близкое по своимъ основнымъ положеніямъ къ положеніямъ церкви, въ первые вѣка христіанской эры пользовалось громаднымъ авторитетомъ и не замыкалось въ узкихъ рамкахъ законовъ и обычаевъ господствующей націи. Gottschalk Ueber den Einfluss des römischen Rechts auf das kanonische Recht. 1866 s 2.

ти Менсурія въ 311 г.) были недовольны епископы Нумидіи во главѣ съ Донатомъ, поставившіе въ Карѳагенѣ своего епископа Майорина. По повелѣнію Константина Великаго, къ которому Донатисты обратились съ своей жалобой, собранъ былъ въ Римѣ соборъ (въ 313 г.), подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Мильтіада, рѣшившій дѣло въ пользу Цециліана. Донатисты обжаловали это рѣшеніе, ссылаясь на то, что на римскомъ соборѣ не были соблюдены установленныя формы судопроизводства, именно: что судъ былъ произведенъ незначительнымъ числомъ епископовъ (ихъ былъ 19.), что они (донатисты) не были выслушаны надлежащимъ образомъ и что самое разбирательство дѣла происходило при закрытыхъ дверяхъ [1]). Такой же точно взглядъ на значеніе процессуальныхъ формъ при отправленіи правосудія вскорѣ послѣ этого былъ высказанъ уже не *раскольниками*—Донатистами (хотя въ разсматриваемомъ нами вопросѣ это и не имѣетъ существеннаго значенія), а цѣлымъ сонмомъ православныхъ епископовъ Египта, Ливіи и Пентаполя въ ихъ окружномъ посланіи ко всѣмъ каѳолическимъ церквамъ, написанномъ послѣ возвращенія св. Аѳанасія изъ ссылки (338 г.) „Какъ осмѣливаются называть соборомъ такое сборище, говорятъ эти епископы о дѣяніяхъ Тирскаго собора (335 г.), осудившаго св. Аѳанасія, гдѣ предсѣдательствовалъ Комитъ, присутствовалъ исполнитель казни, и куда вмѣсто церковныхъ діаконовъ вводилъ насъ писарь? Комитъ говорилъ, а присутствовавшіе молчали или, лучше сказать, повиновались ему“ [2]). Самъ св. Аѳанасій, видя, что вопреки законному порядку судопроизводства, его злѣйшіе враги (Евсевій Никомидійскій, Ѳеогній Никейскій, Марій Халкидонскій и др.), не смотря на его протестъ, не только не были исключены изъ числа судей, а напротивъ даже вошли въ составъ особой комиссіи, отправленной Тирскимъ соборомъ въ Мареотъ для изслѣдованія нѣкоторыхъ обстоятельствъ по его дѣлу, счелъ себя въ правѣ, именно по причинѣ столь явнаго нарушенія усвоенныхъ церковію процессуальныхъ формъ, удалиться съ собора и искать защиты

[1]) Fessler S. 30.

[2]) Творенія св Аѳанасія въ рус. пер. Москва 1851 г I т. Защитительное слово противъ Аріанъ. стр. 202.

въ Константинополѣ у самаго императора [1]). Вообще, весь сложный процессъ по дѣлу св. Аѳанасія имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для доказательства выставленнаго нами тезиса. Отсюда мы видимъ, что какъ враги св. Аѳанасія, такъ и его защитники признаютъ для себя обязательными усвоенныя церковію формы судопроизводства и въ то время какъ первые пользуются этими формами, чтобы представить осужденіе Аѳанасія юридически правильнымъ, послѣдніе отмѣчаютъ допущенныя ими неправильности въ примѣненіи процессуальныхъ формъ въ цѣляхъ оправданія св. мужа [2]). Приведемъ на этотъ счетъ еще одно высоко авторитетное свидѣтельство изъ конца IV в., принадлежащее св. Іоанну Златоусту. Когда къ послѣднему явилось второе посольство отъ собора подъ Дубомъ, состоявшее изъ двухъ подчиненныхъ ему пресвитеровъ, съ приглашеніемъ явиться на соборъ и оправдаться въ представленныхъ противъ него обвиненіяхъ, св. Іоаннъ отвѣчалъ чрезъ депутацію изъ епископовъ: „что это за порядокъ суда?—мои враги не удалены изъ числа судей и меня приглашаютъ на судъ даже чрезъ моихъ собственныхъ клириковъ“ [3]). Такимъ образомъ уже въ IV вѣкѣ, и даже въ первой половинѣ его, церковь видѣла въ соблюденіи внѣшнихъ формъ судопроизводства необходимое условіе правильности своихъ судебныхъ рѣшеній. Такое воззрѣніе, совершенно неизвѣстное первымъ тремъ вѣкамъ христіанства, повторяемъ, могло перейти въ церковное сознаніе изъ римскаго права вмѣстѣ съ самыми процессуальными формами, заимствованными оттуда.

Само собою разумѣется, что нѣтъ никакой возможности точно обозначить тотъ моментъ, когда формы римскаго аккузаціоннаго процесса проникли въ церковное судопроизводство; несомнѣнно только то, что начало этому положено было при первомъ же христіанскомъ императорѣ, такъ что со времени Константина Великаго, по справедливому замѣчанію Молитора,

---

[1]) Церк. Ист. Сократа кн. I гл. 31 стр. 108—109; Созомена 137—138.

[2]) Подробное изложеніе этого процесса съ указанной стороны—у Фесслера. S. 33—56.

[3]) Fessler. S. 60—61.

въ исторіи судопроизводства мы выступаемъ изъ дней патріархальной простоты [1]).

Однѣ изъ особенностей римскаго уголовнаго процесса, касающіяся существенныхъ моментовъ судопроизводства или прямо перешли въ положительное церковное законодательство вселенскаго періода или, по крайней мѣрѣ, при опредѣленіи этихъ моментовъ римское право оказало церкви не малую услугу своей подробной и точной регламентаціей судебныхъ порядковъ, такъ что печать вліянія римскаго права во всякомъ случаѣ несомнѣнно лежитъ на соборныхъ канонахъ; другія же особенности римскаго процесса, касающіяся нѣкоторыхъ подробностей судопроизводства, не будучи прямо узаконены церковію, были усвоены ею путемъ судебной практики.

Такимъ образомъ, дальнѣйшій планъ настоящаго изслѣдованія намѣчается уже самъ собою, именно: въ двухъ послѣдующихъ главахъ намъ предстоитъ изобразить церковное судопроизводство—a) по правиламъ вселенскаго законодательства и b) по даннымъ церковно-судебной практики и показать, насколько глубоко было вліяніе римско-византійскаго процесса въ той и другой области [2]).

---

[1]) Mohtor. цитов. соч S 33.

[2]) Г Заозерскій излагаетъ отдѣльно епархіальное и соборное судопроизводство. Но тѣ начала, которыми онъ характеризуетъ епархіальное судопроизводство (276—279 стр.), нельзя признать за *отличительныя особенности* его, такъ какъ эти же начала обязательно соблюдались и въ соборномъ судопроиводствѣ. По нашему мнѣнію, обвинительный процессъ какъ предъ епархіальнымъ епископомъ, такъ и на соборахъ совершался по однимъ и тѣмъ-же началамъ и формамъ, но при этомъ соборное судопроизводство отличалось, конечно, бо́льшею торжественностію и болѣе строгимъ соблюденіемъ принятыхъ церковію формальностей, чѣмъ епархіальное, въ которомъ замѣтно стремленіе къ сокращенности и упрощенности. Всѣ же остальныя особенности, которыми дѣйствительно различаются между собою епархіальное и соборное судопроизводство, легко объясняются самой формой организаціи того и другого суда: епархіальный судъ—единоличный, а соборный—коллегіальный, а потому излагать ихъ отдѣльно нѣтъ особенно серьезныхъ побужденій.

Глава третья.

Миланскимъ эдиктомъ начинается важнѣйшая—классическая эпоха въ жизни церкви: „страны Востока и Запада исповѣдуютъ одну и туже вѣру, молятся у однихъ и тѣхъ же престоловъ, принимаютъ одни и тѣже таинства,—словомъ, великій мощный союзъ объединяетъ весь христіанскій міръ“ [1]). Теперь открывается цѣлый рядъ великихъ соборовъ (съ IV до IX в.), на которыхъ церковь, признанная государствомъ, утвержденная имъ въ политическихъ и общественныхъ правахъ и слѣдовательно, совершенно успокоенная извнѣ, своимъ вселенскимъ разумомъ рѣшала вопросы догматическаго, нравственно—практическаго и юридическаго характера, вырабатывала основныя начала для своей дальнѣйшей внутренней и внѣшней жизни. Хотя главное вниманіе отцевъ церкви на этихъ соборахъ направлено было на уясненіе и точное опредѣленіе догматическихъ истинъ, однако и многія другія стороны внутренней церковной жизни, въ частности церковное судопроизводство, конечно, не могли не сдѣлаться предметомъ соборныхъ разсужденій и опредѣленій вселенскаго законодательства. Проф Соколовъ даетъ слѣдующую общую характеристику творческой дѣятельности соборовъ по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ. „Церковный судъ со стороны своего устройства и организаціи своихъ формъ входилъ въ область соборнаго законодательства. Правда, ни одинъ изъ соборовъ не полагалъ для себя спеціальной цѣли составить особый уставъ

---

[1]) Овербекъ. Правосл. католич. церковь Протестъ противъ папской церкви и воззваніе къ основанію каѳолическихъ православныхъ церквей. Христ. чтеніе. 1868. II. стр. 807.

церковнаго судоустройства и судопроизводства. Можно, напротивъ, даже сказать, что соборы вообще обращали мало вниманія на частнѣйшую обработку процессуальныхъ формъ, не устанавливали никакихъ правилъ для подробностей, ограничиваясь опредѣленіемъ существенныхъ и простѣйшихъ элементовъ процесса, примѣняя ихъ къ особенностямъ церковныхъ дѣлъ и отношеній. Сравнительная скудость соборныхъ опредѣленій касательно такого важнаго въ практикѣ предмета, какъ церковный судъ, не есть явленіе случайное, не указываетъ на легкость отношеній отцевъ къ этой сторонѣ церковной жизни, какъ будто маловажной, и не можетъ быть вполнѣ объяснена тѣмъ только, что дѣятельность соборовъ, сосредоточиваясь на важнѣйшихъ вопросахъ общецерковнаго характера, не имѣла въ виду останавливаться на предметахъ второстепенныхъ. Это явленіе имѣло свои особенныя, вполнѣ разумныя причины. Въ своей внутренней средѣ, въ судѣ надъ членами клира по дѣламъ и отношеніямъ церковнымъ, гдѣ дѣятельность церковной власти имѣла автономическій характеръ, церковь намѣренно не хотѣла усложнять своего суда разными формальностями, старалась упрощать, сокращать и ускорять процессъ. Это стремленіе очевидно какъ въ законодательныхъ церковныхъ памятникахъ, такъ и въ судебной практикѣ. Въ нихъ не опущено ничто, относящееся къ существу процесса: всѣ основные элементы опредѣлены, и между тѣмъ не замѣтно никакого усложненія въ подробностяхъ, никакой наклонности узаконить какія либо формальности и частности въ судопроизводствѣ, такъ что канонический процессъ выходитъ очень простъ и не сложенъ, но совершенно достаточенъ для цѣлей правосудія. Такое стремленіе къ упрощенію мы видимъ и въ судѣ церкви по дѣламъ и отношеніямъ не—церковнымъ, но предоставленнымъ вѣдомству и суду духовному.... въ церковномъ обществѣ того времени замѣтно было рѣшительное нерасположеніе доводить искъ до формальнаго суда, а по возможности разрѣшать его примирительными средствами .. Въ такихъ дѣлахъ между членами клира, гдѣ нельзя было разрѣшить споръ мировымъ посредничествомъ, или гдѣ самое свойство иска, жалобы и обвиненія требовало формальнаго судопроизводства, церковная власть не считала себя призванною къ законодательной дѣятельности по устройству своего особаго процесса, не составляла своихъ судебныхъ уста-

вовъ, помимо существующихъ и признанныхъ въ государствѣ. Предоставляя эту дѣятельность государственной власти, церковь отъ нея заимствовала различныя постановленія, сюда относящіяся и примѣняла ихъ къ своимъ потребностямъ“ [1]).

Вполнѣ соглашаясь съ талантливымъ профессоромъ, мы должны замѣтить, что въ дальнѣйшемъ его изложеніи усматривается существенный пробѣлъ, именно: онъ совершенно умалчиваетъ о томъ, насколько сильно и глубоко было вліяніе римскаго права на вселенское законодательство касательно „основныхъ элементовъ“ церковнаго судопроизводства. А потому задача настоящей главы—систематически изложить опредѣленія вселенскаго канона по разсматриваемому вопросу и, гдѣ нужно, поставить ихъ въ связь съ римскимъ правомъ [2]).

Опредѣленія вселенскаго канона касаются: а) сторонъ, заинтересованныхъ въ судѣ—обвинителя и обвиняемаго, ихъ правъ и обязанностей; b) средствъ доказательства и с) апелляціи и способа движенія суднаго дѣла по разнымъ инстанціямъ.

Обвинитель Рѣшеніе вопроса о томъ, кто можетъ быть обвинителемъ духовныхъ лицъ, вселенское законодательство поставляетъ въ зависимость отъ характера самаго обвиненія: касается ли оно дѣлъ и отношеній церковныхъ или частныхъ. Въ 6 пр. II-го вселен. собора читаемъ „поелику многіе, желая привести въ замѣшательство и ниспровергнути церковное благочиніе, враждебно и клеветнически вымышляютъ на правящихъ церквами православныхъ епископовъ нѣкія вины, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ токмо, дабы помрачить доб-

---

[1]) Правосл. Обозр 1870. II. 589—591 стр.

[2]) Свѣдѣнія по римскому уголовному процессу заимствуются нами, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ сочиненій Geib.—Geschichte des Romischen Criminalprocess.. Leipzig. 1842. Walter — Geschichte des Romisch. Rechts. Bonn. 1861. Fr. Schulin—Lerbuch der Geschichte des Römisch. Rechtes. Stuttgart. 1889 (Русск. перев. Щукина. Москва 1893). Gottschalk—Ueber den Einfluss des Römischen Rechts auf das kanonische Recht 1866. Molitor—Ueber Kanonisches Gerichtsverfahren gegen Kleriker Mainz. 1856. S. 32—54 Munchen—Das Kanonische Gerichts-Verfahren und Strafrecht. 1865. 1 и 2. Загурскій—Принципы римскаго гражданскаго и уголовнаго процесса. Харьковъ. 1874. Системы римскаго гражданскаго права Азаревича, Барона и др.

рую славу священниковъ, и произвести смятенія въ мирномъ народѣ: того ради святый соборъ стекшихся въ Константинополѣ епископовъ заблагоразсудилъ: не безъ изслѣдованія допускати обвинителей, ниже позволяти всякому приносити обвиненія на правителей церкви, но и не всѣмь возбраняти. Но аще кто принесетъ на епископа *нѣкую собственную, то есть частную жалобу,* какъ то—въ притязаніи имъ имѣнія, или въ иной какой либо потерпѣнной отъ него неправдѣ: *при таковыхъ обвиненіяхъ не пріимати въ разсужденіе ни лица обвинителя, ни вѣры его.* Подобаетъ бо всячески и совѣсти епископа быти свободною, и объявляющему себя обиженнымъ обрѣсти правосудіе, какія бы вѣры онъ ни былъ. *Аще же возводимая на епископа вина будетъ церковная, тогда подобаетъ разсмотрѣти лицо обвинителя*". Предоставляя всѣмъ безъ различія свободу выступать съ обвиненіемъ противъ духовныхъ лицъ по своимъ собственнымъ или частнымъ дѣламъ („да не отъемлется свобода приносити жалобы по своимъ дѣламъ"—Карѳ. 144 пр.; срав. 28 пр.), при обвиненіяхъ по дѣламъ церковнымъ вселенское законодательство, согласно 74 Апостольскому правилу, предписываетъ: „отъ клириковъ или мірянъ, доносящихъ на епископа или на клириковъ, не принимати доноса просто и безъ изслѣдованія: но предварительно извѣдывати общественное о нихъ мнѣніе" (IV. 21). Лица, оказавшіяся послѣ такого изслѣдованія принадлежащими къ одной изъ нижепоименованныхъ категорій, не могли выступать съ обвиненіемъ въ церковныхъ дѣлахъ,—именно:

1) Язычники и еретики. Еретиками же, поясняетъ 6 правило II вселен. соб., именуемъ какъ тѣхъ, которые издавна чуждыми церкви объявлены, такъ и тѣхъ, которые послѣ того нами анаѳемѣ преданы; кромѣ же сего и тѣхъ, которые хотя притворяются, будто вѣру нашу исповѣдуютъ здраво, но которые отдѣлились и собираютъ собранія противъ нашихъ правильно поставленныхъ епископовъ. (II 6. Ср. Карѳ. 144).

2) Тѣ, которые прежде за какія либо вины были осуждены и извержены или отлучены изъ клира или изъ разряда мірянъ (II. 6. Ср Карѳ. 143)

3) Всѣ, на коихъ лежитъ пятно безчестія, т. е. позорищныя и лица, къ срамнымъ дѣламъ прикосновенныя (Карѳ. 144).

4) Лица, опороченныя въ общественномъ мнѣніи (Корѳ. 28. 8).

5) Тѣ, кои сами предварительно подверглись доносу и еще не доказали своей невинности противъ возведенныхъ на нихъ обвиненій (II. 3).

6) Лица, у которыхъ одно изъ многихъ приносимыхъ ими обвиненій, уже было изслѣдовано и осталось не доказаннымъ (Карѳ. 145).

7) Рабы и отпущенники,—если послѣдніе выступаютъ съ обвиненіемъ противъ своихъ прежнихъ господъ (Карѳ. 144).

8) Наконецъ,—всѣ, которыхъ гражданскіе законы не допускаютъ къ доносамъ о преступленіяхъ (Карѳ. 144).

Сопоставляя съ изложенными правилами тѣ требованія, которыя предъявляла церковь къ обвинителю въ первые три вѣка христіанства, мы видимъ прежде всего, что эти требованія усвоены вселенскимъ законодательствомъ и получили въ немъ опредѣленную, точную и раздѣльную регламентацію. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить и того, что въ то время какъ процессуальныя требованія до—Никейскаго періода сводились въ существѣ дѣла только къ опредѣленію, если можно такъ выразиться, религіозно-нравственной доброкачественности обвинителя, правила вселенскаго канона обращаютъ вниманіе и на его юридическое положеніе. Въ этомъ обстоятельствѣ справедливо усматриваютъ вліяніе римскаго права на церковное законодательство [1]).

Въ римскомъ уголовномъ процессѣ лица, лишенныя jus accusandi, дѣлились на два разряда: одни не могли выступать съ обвиненіемъ только противъ нѣкоторыхъ лицъ, другія—лишались этого права безусловно.

Къ первому разряду были отнесены (propter condicionem): родственники по прямой линіи—descendentes противъ ascendentes и наоборотъ, liberti противъ своихъ patrones и отчасти родственники по боковой линіи, именно—collaterales первой степени, когда дѣло шло о серьезномъ преступленіи, и всѣ тѣ лица, которыя вслѣдствіе полученнаго воспитанія или по какой либо другой причинѣ считались familiares обвиняемаго, а также и рабы противъ своихъ господъ; къ этому же разряду, по распоряженію имп. Аркадія и Гонорія, причислены были colones.

---

[1]) Kellner Das Buss—und Strafverfahren. S 125

Ко второму разряду относились: a) propter sexum vel aetatem—женщины и несовершеннолѣтніе; а равно и душевнобольные; b) propter magistratum potestatemve тѣ, которые sine fraude in jus evocari non possunt—высшіе магистраты и солдаты; c) propter turpem quaestum, qui duo judicia adversus duos reos subscripta habent nummosque ob accusandum vel non accusandum acceperint, т. е тѣ, которые ради постыднаго прибытка, взвели обвиненіе противъ двухъ различныхъ субъектовъ или были подкуплены для возбужденія обвиненія; d) propter suspicionem calumniae, qui falsum testimonium subornati dixerunt, а также замѣченные въ преступленіяхъ praevaricatio и tergiversatio [1]); e) propter paupertatem—тѣ изъ свободнорожденныхъ, которые обладали имуществомъ стоимостію менѣе, чѣмъ въ 5000 ассовъ и, слѣдовательно, не имѣли даже ценза пятаго класса и тѣ изъ вольноотпущенниковъ, у которыхъ не было ни имущества стоимостію въ 30.000 ассовъ (ценъ втораго класса), ни сына; f) домочадцы, если они выступали съ обвиненіемъ безъ согласія на то своего paterfamilias и g) accusati—находящіеся подъ судомъ, за исключеніемъ того случая, когда они возбуждали болѣе тяжкое обвиненіе, чѣмъ то, которое было направлено противъ нихъ самихъ [2]).

---

[1]) Praevaricatio состояла въ томъ, что обвинитель, хотя и выступалъ съ обвиненіемъ, но въ дѣйствительности тайно покровительствовалъ обвиняемому съ цѣлію предохранить его отъ заслуженнаго наказанія или просто входилъ съ нимъ въ соглашеніе (praevaricatorem esse qui colludit cum reo); слѣдовательно, это преступленіе въ частности состояло напр. въ поддѣлкѣ документовъ (eo quod proprias probationes dissimularet), въ приведеніи ложныхъ причинъ неявки въ судъ (falsas vero rei excusationes admitteret и т. п.—L. 1 § 6 Digest 48. 16

Tergiversatio обнимаетъ тѣ случаи, когда обвинитель отказывался продолжать обвиненіе вслѣдствіе подкупа со стороны обвиняемаго L 1. § 1. L 6. pr. § 1. 2. L 13 pr Dig

Calumnia состояла въ томъ, что обвинитель, хотя и былъ убѣжденъ въ невиновности извѣстнаго лица, тѣмъ не менѣе преслѣдовалъ его по суду (calumniari est falsa crimina intendere) L. 1 § 1. Dig 48 16. См. Geib — S 291 и слѣд S. 577—590 Загурскій—292 и слѣд.

[2]) Geib S. 516—518; Walter. B II. S. 526—528; Schulin. S. 555—556 Gottschalk. S. 195—196. Однако всѣ поименованныя лица перваго и втораго разрядовъ удерживали за собою jus accusandi въ томъ случаѣ, когда долѣ;

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что церковь, опредѣляя качества обвинителя, сообразовалась съ изложенными узаконеніями римскаго права? Въ этомъ убѣждаетъ насъ рѣшительное заявленіе 144 пр. Карѳагенскаго собора: „предписано и сіе: не пріимати доносовъ ... и отъ всѣхъ, которыхъ гражданскіе законы не допускаютъ къ доносамъ о преступленіяхъ". Отсюда ясно, что церковь пользовалась этими „гражданскими законами", какъ источникомъ, въ своей право-образующей дѣятельности по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ.

Изъ числа лицъ, лишенныхъ вселенскимъ законодательствомъ jus accusandi, обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣ, которыя отнесены нами къ третьей и четвертой категоріямъ, т. е. а) тѣ, на коихъ лежитъ пятно безчестія и b) опороченныя въ общественномъ мнѣніи. На первый взглядъ представляется страннымъ, почему церковь рядомъ съ понятіемъ „опороченные" ставитъ другое, повидимому, совершенно синонимическое понятіе „безчестные" [1])?

касалось преступленія, жертвою котораго были или они сами или одинъ изъ близкихъ родственниковъ, а также. въ силу соображеній политическаго характера, по поводу оскорбленія величества (crimen majestatis), поддѣлки монетъ и искусственнаго поднятія цѣны на хлѣбъ (crimen annonae). Geib. s 518; Schulin S 556

Кромѣ того существовали еще ограниченія juris accusandi въ зависимости не отъ качествъ лица обвиняющаго. а отъ характера самаго преступленія; такъ, по закону имп. Августа (lex Julia de adulteriis), при прелюбодѣяніи jus accusandi въ продолженіи первыхъ 60 дней послѣ развода могло принадлежать только лицамъ заинтересованнымъ—мужу и отцу виновной и уже по истеченіи этого срока оно могло перейти къ постороннимъ Константинъ Великій пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше: по его предписанію, вошедшему въ Юстиніаново законодательство, позволено было выступать съ обвиненіемъ по поводу прелюбодѣянія только мужу и его ближайшимъ родственникамъ мужскаго рода. Были ограниченія и при нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ, особенно связанныхъ съ такъ называемыми delicta privata Geib. S 519—521; Schulin S 556.

[1]) Правда каноны, трактующіе о лицахъ безчестныхъ и опороченныхъ, хотя и находятся въ одномъ кодексѣ (Codex canonum ecclesiae Africanae), однако принадлежатъ разнымъ соборамъ Карѳагенской области. О лицахъ опороченныхъ говорится въ двухъ Карѳагенскихъ правилахъ—8 и 28, изъ которыхъ первое составлено было Карѳагенскимъ соборомъ 390 г. (при Генефліи), а второе—Гиппонскимъ 397 г. (той же области). О лицахъ, имѣю-

Чѣмъ объяснить это явленіе? Представляетъ ли оно случайную тавтологію въ церковной терминологіи или, выражаясь такимъ образомъ, церковь имѣла на то какое нибудь основаніе? По нашему мнѣнію, языкъ анализируемыхъ церковныхъ правилъ отличается удивительною, свойственною римской юриспруденціи, точностію юридической терминологіи, заимствованной изъ римскаго до-Юстиніановскаго ученія о гражданской чести (existimatio). Въ до-Юстиніановскомъ правѣ различалось двоякаго рода безчестіе: a) юридическое (infamia juris) и b) фактическое (infamia facti). Это различіе явилось какъ результатъ тѣхъ мѣръ, которыя были направлены къ ограниченію произвола римскихъ цензоровъ. Цензоры, будучи истолкователями и органами общественнаго мнѣнія, хранителями нравственныхъ основъ (mos majorum), на которыхъ покоилось величіе Рима, стали въ концѣ республиканскаго періода злоупотреблять своею potestate censoria [1]). Оцѣнивая нравственное достоинство гражданина, они нерѣдко безъ всякаго достаточнаго основанія—по произволу въ своемъ оффиціальномъ спискѣ дѣлали отмѣтку (notam vel subscriptionem censoriam), налагающую на того, кого она постигала, нравственный позоръ или безчестіе (ignominia). Вслѣдствіе этого и были выработаны, главнымъ образомъ, преторомъ точныя правила, опредѣляющія условія и послѣдствія уменьшенія чести, которое съ того времени стало называться infamia. Въ императорскій періодъ infamia налагалась въ случаѣ: a) позорной отставки солдата; b) осужденія въ judicium publicum; c) осуж-

---

щихъ «пятно безчестія», трактуется въ 144 Карѳ пр, принадлежащемъ Карѳагенскому собору 419 г Но въ Карѳагенской области, по справедливому замѣчанію проф Остроумова, было обыкновеніе тѣ правила послѣдующихъ соборовъ, которыя имѣли общеобязательное значеніе для всѣхъ Карѳагенскихъ областей (а не для одной какой либо изъ нихъ), присоединять къ таковымъ же правиламъ предыдущихъ соборовъ, изъ которыхъ выбиралось для этой цѣли все, что считалось необходимымъ. Введеніе въ прав церк. право... 194 стр А если такъ, то нельзя думать, чтобы каноны 8 и 28 не были извѣстны Карѳагенскому собору 419 г, тѣмъ болѣе, что они вошли въ упомянутый Codex canonum ecclesiae Africanae

[1]) О власти римскихъ цензоровъ,—см. напр Виллемсъ.—Римское государственное право. Переводъ подъ редакц Бодянскаго Кіевъ 1888. Стр. 308—320

денія за нѣкоторыя delicta privata, напр. furtum, rapina, injuria, dolus, sepulchri violatio; d) осужденія по нѣкоторымъ обязательствамъ, напр. вслѣдствіе actio directa tutelae и др. e) отрѣшенія опекуна отъ должности за dolus; f) нарушенія нѣкоторыхъ брачныхъ законовъ. g) безнравственныхъ промысловъ: содержателей публичныхъ домовъ, публичныхъ женщинъ, мужчинъ, qui corpore suo muliebria passi sunt, промысла сводничества; h) нѣкоторыхъ предосудительныхъ промысловъ, напр., актеровъ и бойцовъ со звѣрями и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Правоспособность infames была въ значительной степени ограничена: вмѣстѣ съ другими правами они теряли jus postulandi (vel accusandi) и testamenti.

На ряду съ infamia, установленной закономъ, существовало другаго рода уменьшеніе чести (minutio existimationis), когда *общественное мнѣніе* за дурной ли поступокъ извѣстнаго лица или вообще за предосудительный образъ его жизни отказывало ему въ полной чести—что называлось turpitudo или infamia facti Такого рода лица (personae turpes) со стороны ограниченія правоспособности уподоблялись infames [1]).

Теперь становится понятнымъ, что 144 пр Карѳаген скаго собора, отнимающее jus accusandi „отъ всѣхъ, на коихъ лежитъ пятно безчестія, т. е отъ позорищныхъ и отъ лицъ къ срамнымъ дѣламъ прикосновенныхъ“ имѣетъ въ виду infamia juris—именно тѣхъ, которые отнесены къ двумъ послѣднимъ категоріямъ (подъ лит. g и h), а 8 и 28 карѳаген. правила, трактующія о лицахъ „опороченныхъ въ общественномъ мнѣніи“, разумѣютъ infamia facti [2]).

---

[1]) Баронъ. Система римскаго гражд права Перев Петражицкаго Москва. 1898 г. вып I 64—68 стр Азаревичъ. Система римскаго права СПБ 1888 г т. I. стр 92—97

[2]) Знаменитый комментаторъ церковныхъ правилъ Вальсамонъ подтверждаетъ справедливость нашихъ соображеній. Въ толкованіи на 144 Карѳ пр. онъ говоритъ: «позорищными называй тѣхъ, которые надѣваютъ маски, напр рабовъ или женщинъ, а не всѣхъ показывающихся на сценѣ ибо тѣ, которые содержатъ музыкальные оркестры, суть почетны Покрыты, по правилу, позоромъ сводники, содержатели блудницъ и др, подобные. Безчестны также борцы со звѣрями—тѣ, которые получаютъ вознагражденіе за то, чтобы побѣдить звѣря, и изъ корысти подвергаютъ опасности собственную жизнь» Книга Правилъ II стр 1650. Одинмъ словомъ, Вальсамонъ какъ

Заканчивая анализъ церковныхъ правилъ, опредѣляющихъ качества обвинителя по дѣламъ церковнымъ, обратимъ вниманіе на выраженіе: „аще опороченъ таковый, то не приннмати“ (Карѳ. 8; ср. 28): это—языкъ римскихъ юристовъ, которые сплошь и рядомъ употребляли подобныя выраженія, напримѣръ. опорочена сдѣлка, опорочено завѣщаніе et cet.

Но если изложенныя правила представляютъ продуктъ собственной правообразующей дѣятельности церкви, которая только сообразовалась въ этомъ случаѣ съ гражданскими законами и пользовалась выработанною римской юриспруденціей терминологіею, то остальныя правила вселенскаго канона, содержащія въ себѣ обязанности, возлагаемыя на обвинителя, уже цѣликомъ заимствованы изъ римскаго уголовно-процессуальнаго права.

1) Римское право обязывало обвинителя продолжать поднятое имъ обвиненіе и довести его до окончательнаго рѣшенія [1]): только средствами, предусмотрѣнными въ законѣ, а не личнымъ произволомъ могъ освободиться обвинитель отъ этой обязанности (такъ назыв. abolitio) [2]). Если обвинитель, начавъ процессъ, скрывался или не являлся къ разбирательству дѣла по требованію суда или вообще по собственному

разъ и перечисляетъ именно тѣхъ лицъ, на которыхъ налагалась infamia juris—въ случаяхъ подъ литт. g и h Ср. толкованіе Іоанна. еп Смоленскаго «Опытъ курса церк. законовѣдѣнія». Вып. II. стр. 191 Тотъ же Вальсамонъ въ толкованіи на 28 пр Карѳ соб пишетъ «замѣть, что опороченные и сомнительные въ ихъ честности и тѣмъ болѣе безчестные не возбуждаютъ дѣлъ по обвиненію въ преступленіи». Книга правил. II 1347 стр. Здѣсь дается уже очень ясное указаніе на то, что церковныя правила различали безчестіе фактическое и юридическое «опороченные и сомнительные въ ихъ честности»—это infamia facti, а «безчестные»—infamia juris

[1]) Geib. S. 554. 574 и др.; Walter. B. II. S. 528; Gottschalk S. 193—194. Molitor. S. 45.

[2]) Различались три вида abolitio: a) abolitio generalis, дававшаяся сенатомъ или самимъ императоромъ по поводу извѣстныхъ праздниковъ и нѣкоторыхъ радостныхъ событій, b) abolitio privata—судомъ на основаніи просьбы обвинителя и согласія на то подсудимаго и c) abolitio ex lege—по предложенію подсудимаго въ томъ случаѣ, если обвинитель умеръ или встрѣчаетъ препятствіе для поддержанія обвиненія или отказывается отъ него. Schulin. S. 562—565; Geib. S. 575—576. 585—588.

произволу отступался отъ обвиненія, не получивъ формальной судебной abolitio, то онъ трактовался какъ tergiversator и подвергался наказанію—денежному штрафу и инфаміи, которая, какъ извѣстно, влекла за собою потерю jus postulandi или какому либо иному наказанію по приговору соотвѣтствующаго суда [1]). Обвиняемый въ этомъ случаѣ освобождался отъ всякихъ послѣдствій возведеннаго на него обвиненія и самое имя его вычеркивалось изъ судебнаго протокола (inscriptio) [2]). Само собою разумѣется, что временное уклоненіе обвинителя отъ указанной обязанности, въ силу какихъ либо уважительныхъ причинъ, не считалось за tergiversatio и даже за случай примѣненія abolitio и не лишало его права продолжать процессъ: все это имѣло мѣсто только тогда, когда не оставалось никакого сомнѣнія въ намѣреніи обвинителя совершенно бросить возбужденное обвиненіе [3]).

Изложенныя воззрѣнія римскаго права перешли и во вселенское законодательство. Въ 28 пр. Карѳагенскаго собора читаемъ: „доносителю, аще никуда не отлучался во дни разсмотрѣнія дѣла его, отнюдь да не возбраняется общеніе. Но аще удалится и сокроется: то епископъ (обвиняемый) да будетъ возвращенъ въ общеніе, а самъ доноситель да изринется отъ общенія, впрочемъ такъ, чтобы не была отъята у него свобода подтвердити обвиненіе: аще можетъ доказати, яко не предсталъ къ суду не по нехотѣнію, а по невозможности [4]).

2) Если обвинитель возбуждалъ противъ кого нибудь завѣдомо ложное обвиненіе, то римское право разсматривало его какъ клеветника—calumniator'а и карало со всею строгостію, именно—подвергало не только инфаміи со всѣми ея юридическими послѣдствіями, но и тому самому наказанію,

---

[1]) Geib S 587—588

[2]) Geib. S. 575. 594. Molitor S. 46 Исключеніе составляли тѣ случаи, когда самъ судъ ex officio продолжалъ оставленный обвинителемъ процессъ и доводилъ его до конца. Но эти случаи имѣли мѣсто въ виду особенной важности преступленія или непререкаемой очевидности его и притомъ тогда, когда аккузаціонный процессъ сталъ постепенно вытѣсняться процессомъ инквизиціоннымъ. Geib. S 574

[3]) Geib. S. 586.

[4]) Это требованіе соблюдалось и въ судѣ надъ остальными клириками. Карѳ. 29

которое долженъ былъ бы понести обвиняемый въ случаѣ доказанности преступленія (poena talionis) [1]). Съ теченіемъ времени poena talionis для калумніаторовъ, практиковавшаяся въ широкихъ размѣрахъ, обратилась въ обязательную норму: по закону имп. Траяна обвинитель письменно обязывался, если онъ окажется клеветникомъ, понести тоже самое наказаніе, которое постигло-бы обвиняемаго въ случаѣ осужденія [2]).

И это опредѣленіе римскаго права точно также перешло во вселенское законодательство. Второй вселенскій соборъ своимъ шестымъ правиломъ узаконяетъ: „аще нѣкоторые, не будучи ни еретики, ни отлученные отъ общенія церковнаго, ни осужденные или предварительно обвиненные въ какихъ либо преступленіяхъ, скажутъ, яко имѣютъ нѣчто донести на епископа по дѣламъ церковнымъ: таковымъ святый соборъ

---

[1]) Geib S. 577—582. Poenae talionis не подвергались при обвиненіяхъ въ убійствѣ самые близкіе родственники убитаго—ascendentes, descendentes, cognates и affines; при обвиненіяхъ въ прелюбодѣяніи—мужъ и отецъ виновной; при обвиненіяхъ, возбужденныхъ въ интересахъ infantes, qui fari non possunt и несовершеннолѣтнихъ—ихъ tutores и curatores. Но если намѣреніе всѣхъ этихъ лицъ возвести ложное обвиненіе было совершенно ясно, то и они, прибавляетъ Гейбъ, подвергались такимъ же наказаніямъ, какъ и прочіе calumniatores S 580

[2]) Walter. B. II. S. 527. Гейбъ относитъ установленіе poena talionis, какъ обязательной нормы, къ болѣе позднему моменту до-Юстиніановскаго періода, но не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Geib. S. 579. Шулинъ выражается еще неопредѣленнѣе: »чрезъ subscriptio, говоритъ онъ, обвинитель принималъ на себя обязательство самому понести наказаніе, угрожающее подсудимому, въ случаѣ, если ему не удастся доказать обвиненія. Въ послѣдующее время это обязательство выражалось въ формѣ особой poenae sponsio при subscriptio. Цит. соч. S. 562. Если признать хронологическую дату, указанную Вальтеромъ, вѣрною только приблизительно (хотя онъ твердо держится ея во всѣхъ изданіяхъ своего труда,—см. 527 стр. прим. 131,—не смотря на сдѣланное Гейбомъ замѣчаніе по его адресу,—Geib. 579 стр. 152 прим.), то и при такомъ предположеніи можно считать за несомнѣнное, что poena talionis, какъ узаконенный принципъ, явилась во всякомъ случаѣ ранѣе конца IV вѣка (времени втораго вселенскаго собора), такъ какъ царствованіе Траяна относится къ самому началу II вѣка. Можно ли допустить, чтобы Вальтеръ, столь серьезный романистъ, въ нѣсколькихъ изданіяхъ своего труда сталъ упорствовать въ ошибкѣ на цѣлыхъ три столѣтія?!

повелѣваетъ, вопервыхъ—представити свои обвиненія всѣмъ епископамъ области, и предъ ними подтверждати доводами свои доносы на епископа подвергшагося отвѣту Аще же епископы соединенныхъ епархій, паче чаянія, не въ силахъ будутъ возстановити порядокъ, по возводимымъ на епископа обвиненіямъ: тогда обвинители да приступятъ къ большему собору епископовъ великія области, по сей причинѣ созываемыхъ: *но не прежде могутъ они настояти на свое обвиненіе, какъ письменно поставивъ себя подъ страхомъ одинакаго наказанія съ обвиняемымъ, аще бы, по производству дѣла, оказалися клевещущими на обвиняемаго епископа*".

3) Какъ въ гражданскомъ процессѣ римское право обязывало истца привести доказательства справедливости своей претензіи—onus probandi, такъ точно и въ уголовномъ процессѣ onus probandi возлагалось на обвинителя; въ случаѣ какихъ либо возраженій со стороны отвѣтчика или обвиняемаго—напримѣръ, что истецъ или обвинитель имѣютъ злой умыселъ (excepti0 doli), первые въ свою очередь обязывались обосновать эти возраженія. Однимъ словомъ, въ римскомъ процессѣ какъ гражданскомъ, такъ и уголовномъ, существовало правило, что каждая сторона должна доказать факты, служащіе къ подтвержденію ея самостоятельныхъ заявленій, причемъ доказывать долженъ былъ тотъ, кто утверждаетъ—истецъ и обвинитель, а не отвѣтчикъ и обвиняемый: ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat. (доказательство возлагается на того, кто утверждаетъ, а не на того, кто отрицаетъ) [1]).

Точно также и церковное законодательство возлагаетъ onus probandi на обвинителя: шестое правило втораго вселенскаго собора, какъ мы видѣли сейчасъ, рѣшительно предписываетъ обвинителямъ „подтверждати доводами свои доносы на епископа, подвергшагося отвѣту". Никто, даже сами епископы не освобождались отъ обязанности обосновать доводами выставленное ими противъ кого-нибудь обвиненіе. „Аще епископъ глаголетъ, узаконяетъ 147 Карѳ. правило, яко нѣкто ему одному исповѣдалъ свое преступленіе, а тотъ не признается: то епископъ да не обращаетъ себѣ въ обиду того, что не

---

[1]) Gottschalk. S. 194—195. Molitor. S. 45 Schulin. S. 562. Баронъ. I. стр. 221,

полагаются въ семъ на него единаго. Аще же речетъ, яко по возмущеніи совѣсти своея, не хощетъ имѣть общенія съ не признающимся: то доколѣ отлученнаго по сему случаю не пріемлетъ въ общеніе свой епископъ, дотолѣ сего епископа да не пріемлютъ въ общеніе прочіе епископы: *да тѣмъ паче блюдется епископъ, да не глаголетъ о комъ либо, чего предъ другими не можетъ утвердити доказательствами.* (Ср. Карѳ. 28; Ѳеоф. Антіок. пр. 9) [1]).

Наконецъ 4) въ полномъ согласіи съ римскимъ процессуальнымъ правомъ [2]), вселенское законодательство обязывало обвинителя указывать въ своей жалобѣ церковный законъ, на которомъ онъ основывалъ свое обвиненіе, представить факты, подавшіе поводъ къ обвиненію, опредѣлить его сущность и обозначить годъ, мѣсяцъ и мѣсто совершенія преступленія [3]).

Обвиняемый. Вселенское законодательство возлагаетъ на подсудимаго такія обязанности и предоставляетъ такія права, которыя не были извѣстны процессу первыхъ трехъ вѣковъ христіанства и при опредѣленіи которыхъ церковь также несомнѣнно пользовалась указаніями римскаго права. Разсмотримъ всѣ эти обязанности.

---

[1]) Относительно того, что и противная сторона—обвиняемый—долженъ былъ представлять доказательства своихъ возраженій и самостоятельныхъ заявленій, мы не находимъ прямыхъ предписаній во вселенскомъ законодательствѣ; за то имѣемъ на этотъ счетъ ясныя указанія церковно-судебной практики—почти въ каждомъ процессѣ изъ актовъ вселенскихъ соборовъ, происходившихъ при личномъ присутствіи той и другой стороны Такъ напр: Ива (обвиняемый), почтеннѣйшій епископъ, сказалъ: «пусть прикажетъ ваше человѣколюбіе прочитать письмо эдесскихъ клириковъ, дабы вы знали, что я и чуждъ того, что взведено на меня и потерпѣлъ насиліе». Послѣ прочтенія его, славнѣйшіе сановники, убѣдившіеся въ справедливости возраженій Ивы, сказали: «что прочитано, то ясно». Дѣянія IV. 229—230 и 236

[2]) Обвинитель долженъ былъ указать Iех, на основаніи котораго сдѣлано было обвиненіе и которымъ опредѣлялись границы судебнаго рѣшенія. Gottschalk. S. 195 и 194

[3]) Πηδάλιον. Изд. 1764 г. прим. къ 74 Апост. пр. Чит. образцы «libellus» въ актахъ всел. соборовъ напр. I. 466—474; III. 204—207. 143—145. и др.

1) Въ назначенный срокъ обвиняемый обязанъ былъ явиться въ судъ для оправданія. Срокомъ служилъ мѣсяцъ, считая съ того дня, въ который была получена обвиняемымъ пригласительная грамота. Въ случаѣ представленія какихъ либо уважительныхъ причинъ неявки, онъ могъ пользоваться еще однимъ мѣсяцемъ. Неявившійся въ судъ, не смотря на приглашеніе, въ теченіи цѣлаго года разсматривался какъ упорный и подвергался заочному осужденію: „Аще кто изъ епископовъ подвергнется обвиненію, читаемъ въ 28 пр. Карѳагенскаго собора, обвинитель да представитъ дѣло къ первенствующему въ области, къ которой принадлежитъ обвиняемый, и да не будетъ обвиняемый отчужденъ отъ общенія, развѣ когда, бывъ призванъ къ отвѣту грамотою, не явится въ судъ избранныхъ судити его въ назначенное время, то есть въ теченіе мѣсяца отъ того дня, въ который по дознанію получена имъ грамота. Аще же представитъ истинныя и необходимыя причины, препятствовавшія ему явитися къ отвѣту противу того, что на него представлено: то безъ предосужденія да имѣетъ свободу къ оправданію въ теченіе другаго мѣсяца: но по прошествіи другаго мѣсяца, да не будетъ въ общеніи, доколѣ не очиститъ себя доказательствами по дѣлу. Аще же предъ всецѣлый того лѣта соборъ явитися не восхощетъ, дабы, по крайней мѣрѣ, тамо его дѣло окончено было: то имѣетъ быти сужденъ, какъ произнесшій приговоръ самъ противъ себя“ [1]). Если необходимость личнаго присутствія обвиняемаго при разбирательствѣ дѣла является въ данномъ канонѣ лишь простымъ подтвержденіемъ требованія, строго соблюдавшагося уже въ первые три вѣка и ясно выраженнаго 74 Апост. правиломъ, то назначеніе сроковъ для явки представляетъ нововведеніе, возникшее, намъ думается, не безъ вліянія римскаго права. Личное присутствіе обвиняемаго при судопроизводствѣ было всегдашнимъ требованіемъ римскаго уголовно-процессуальнаго права. Въ случаѣ своей неявки обвиняемый долженъ былъ привести уважительныя причины, причемъ только самъ судъ могъ рѣшить—достаточно ли уважительны приведенныя подсудимымъ причины или нѣтъ. Особенно уважительными причинами считались болѣзнь, временное отсутствіе

[1]) Ср. Карѳ. 90 пр.

обвиняемаго по дѣламъ государственнымъ (absentia rei publicae), отправленіе магистратуры и друг. Доложить суду о такихъ или иныхъ причинахъ неявки обвиняемаго могъ не только спеціально-уполномоченный послѣдняго, но и каждый постороній. Если судъ находилъ причины уважительными, то допускалась временная отсрочка процесса. Если же обвиняемый не представлялъ никакихъ причинъ своей неявки или представленныя имъ судъ не признавалъ уважительными, то въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто формальное контумаціальное производство Прежде всего на его имущество налагалось запрещеніе, при этомъ особенно заботились о томъ, чтобы ему ничего не выдавалось изъ имущества съ цѣлію продлить отсутствіе; въ то же время противъ него издавались соотвѣствующимъ судомъ вызовы въ формѣ эдиктовъ или въ формѣ litterae ad magistratus, ubi consistunt, побуждающія магистратовъ зорко слѣдить за обвиняемымъ и въ случаѣ поимки арестовать его и препроводить разыскивающему его суду. Если со времени объявленія такихъ вызововъ проходилъ цѣлый годъ и обвиняемый не являлся въ судъ и не представлялъ никакихъ уважительныхъ причинъ своей неявки, то дальнѣйшій ходъ дѣла зависѣлъ отъ того, касалось ли обвиненіе тяжкаго уголовнаго преступленія или только болѣе или менѣе легкаго проступка. Въ послѣднемъ случаѣ законное наказаніе налагалось сейчасъ же; въ первомъ же случаѣ окончательная damnatio не произносилась, а все имущество, на которое ранѣе наложено было запрещеніе, формально конфисковалось и эта конфискація сохраняла юридическую силу даже и тогда, если отсутствующій являлся и начинался процессъ, который могъ закончиться, смотря по тому—была ли доказана виновность или невиновность подсудимаго,—присужденіемъ къ законному наказанію или полнымъ оправданіемъ [1]). Въ Юстиніановомъ законодательствѣ двухъ-годичный срокъ назначается какъ maximum для продолжительности уголовнаго процесса [2]).

Изложенными воззрѣніями римскаго права и руководствовалась церковь въ своей правообразующей дѣятельности по данному вопросу.

---

[1]) Geib. S. 596—599; Schulm. S. 606; Gottschalk. S. 192.

[2]) Geib. S 541.

Правда, въ разсматриваемомъ пунктѣ между римскимъ и церковнымъ правомъ есть нѣкоторое—на первый взглядъ довольно существенное различіе: въ то время какъ римское право не произносило надъ отсутствующимъ въ теченіи года окончательной damnatio, церковное право подвергало таковаго рѣшительному осужденію. „Опредѣлено и сіе, читаемъ въ 90 пр. Карѳ. собора, когда на состоящихъ въ клирѣ бываетъ доносъ, и объявляются нѣкоторыя обвиненія: тогда, частію для отклоненія нареканія на церковь, частію ради достоинства клира, по каковымъ причинамъ и оказывается имъ снисхожденіе, частію для избѣжанія гордаго злорадованія еретиковъ и язычниковъ, аще желаютъ, какъ и должно, защищати свое дѣло и попещися о доказательствахъ своея невинности, да учинятъ сіе въ теченіи года, въ который должны быти внѣ общенія. *Аще же въ теченіи года вознерадятъ очистити свое дѣло: то послѣ сего никакій гласъ отъ нихъ да не пріемлется*“. Но, съ одной стороны, канфискація имущества была тяжелымъ наказаніемъ, а она оставалась въ силѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы обвиняемый, потребовавшій разбирательства своего дѣла уже по истеченіи годичнаго срока, оказался по суду оправданнымъ и стало быть за свое упорство (contumacia) и по римскому праву онъ не оставался безнаказаннымъ. Съ другой стороны—что особенно важно, двухъ-годичный срокъ продолжительности уголовнаго процесса введенъ былъ Юстиніаномъ, въ до-Юстиніановскій же періодъ такимъ срокомъ считался одинъ годъ [1]); и церковныя правила, опредѣлящія сроки для явки подсудимаго въ судъ, относятся по времени своего происхожденія тоже къ до-Юстиніановскому періоду [2]). Такимъ образомъ, церковь назначила туже продолжительность для уголовнаго процесса, какая ко времени изданія указанныхъ правилъ существовала въ римскомъ правѣ и если, вслѣдъ за нимъ, она не только не увеличила этой продолжительности до двухъ лѣтъ, а узаконила еще бо́льшую строгость въ отношеніяхъ къ обвиняемымъ клирикамъ—„нера-

---

[1]) Geib. S. 541.

[2]) 28 карѳагенское правило принадлежитъ собору Гиппонскому 397 года, а правило 90—собору Карѳагенскому 401 г. 13 сент.—Остроумовъ. Введеніе въ церк. право 194 стр. 3 прим.

дящимъ“ о своей невинности [1]), то имѣла на это слишкомъ серьезные мотивы, указанные въ вышеприведенномъ правилѣ.

Не смотря на указанное различіе, точное регламентированіе сроковъ для явки обвиняемаго въ судъ, какое мы находимъ во вселенскомъ законодательствѣ, по своей идеѣ, по самому принципу, несомнѣно, римскаго происхожденія

2) Вселенское законодательство предоставляло обвиняемому право—просить нужнаго времени для приготовленія къ оправданію. Въ каноническомъ посланіи Кирилла, архіеп. Александрійскаго къ Домну Антіохійскому читаемъ „онъ (еп. Петръ, лишенный Домномъ епископіи) глаголетъ, яко можетъ оправдати себя: но ему не дано времени на оправданіе, и не предложено разсмотрѣти дѣло по правиламъ. Аще сіе было бы учинено: то самое дѣлопроизводство или обличило бы въ немъ преступника доказаннаго и признаннаго и потому не могущаго рещи, яко обиженъ, или представило бы его рѣшительно невиннымъ и возвратило бы ему начальство надъ церковію, которая была ему поручена. Поелику же ничего такого не сдѣлано: то онъ и вопіетъ противъ сего и глаголетъ, яко потерпѣлъ несносную обиду и яко неправедно изверженъ; присовокупляетъ же, яко и все, что онъ имѣлъ собственнаго, отъято у него. И такъ, твое преподобіе, пріемля въ разсужденіе, чего требуютъ божественныя правила и что прилично церкви и поставленнымъ въ ней для священнаго служенія, сверхъ же сего уваживъ и наше писаніе, да отретъ слезы старца“ [2]). Ничего подобнаго не было извѣстно церковному процессу первыхъ трехъ вѣковъ. Между тѣмъ по римскому праву не только во времена quaestiones perpetuae, но и во весь императорскій періодъ сторонамъ давалось время для приготовленія къ предстоящему разбирательству дѣла, причемъ, такъ какъ въ императорскій періодъ, личное присутствіе обвиняемаго при предварительномъ производствѣ (nominis delatio) уже не признавалась необходимымъ, обвинитель обязывался сообщить ему до открытія главнаго производства, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе пункты своего обвиненія [3]).

---

[1]) Это ясно изъ сравненія 90-го Карѳ правила—болѣе поздняго по времени происхожденія съ 28 пр.

[2]) Книга правилъ. III т. 363—364 стр. I прав

[3]) Geib. S. 560 и 549—552; Загурскій 319 стр

Не ближе ли къ истинѣ сказать, что въ этомъ пунктѣ церковь послѣдовала римскому праву, находя опредѣленія его согласными съ духомъ гуманности и пригодными для своихъ цѣлей, нежели предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые канонисты, что „болѣе полныя данныя о церковномъ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ, *можетъ быть*, раскрыли бы предъ нами и то, что узаконили относительно внѣшнихъ пріемовъ соборнаго судопроизводства правила IV вѣка, какъ общеизвѣстный обычай и порядокъ, выработавшійся ранѣе“ [1]).

3) Затѣмъ, въ цѣляхъ огражденія интересовъ обвиняемаго, предоставленія наибольшей возможности къ доказательству своей невинности, вселенское законодательство надѣлило его правомъ имѣть при себѣ спеціальнаго защитника—адвоката или, выражаясь языкомъ церковныхъ правилъ, экдика, дефензора и ему поручить защиту своего дѣла въ церковномъ судѣ (Карѳ. 86. 109; IV 2. 23). И объ этомъ правѣ подсудимаго ничего не говорится въ каноническихъ и историческихъ памятникахъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о церковномъ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ. Что удивительнаго въ томъ, что церковь, знакомясь съ римскомъ правомъ, пожелала имѣть для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, такое же учрежденіе, какое давно уже существовало въ государствѣ?!

По древнему римскому праву обвиняемый лично долженъ былъ вести свою защиту. Но съ теченіемъ времени изъ этого правила стали допускаться исключенія. Во времена quaestiones perpetuae обвиняемому, въ большинствѣ случаевъ, являлся на помощь ораторъ, который приводилъ въ болѣе или менѣе искусной формѣ все, что можно было сказать въ защиту обвиняемаго. Такого рода ораторы назывались patroni [2]). Въ императорскій періодъ въ положеніи этихъ лицъ, получившихъ новое наименованіе—advocati, произошли довольно существенныя перемѣны. Въ то время какъ ранѣе, говоритъ Гейбъ, выступать въ качествѣ судебнаго защитника почиталось дѣломъ прекраснымъ и благороднымъ, заниматься которымъ признавали за честь и нравственную обязанность даже самые

---

[1]) Заозерскій. Церковный судъ... 301 стр.

[2]) Geib. S. 320—322; Загурскій. 275—290 стр

видные и почитаемые граждане, теперь—уже во времена Плинія Младшаго это считалось недостойнымъ даже менѣе значительныхъ магистратовъ, хотя и продолжалъ сохранять юридическую силу прежній принципъ, по которому каждый изъ народа имѣлъ право взять на себя защиту обвиняемаго. Однако и этотъ принципъ былъ оставленъ во вторую половину императорскаго (послѣ—квесціоннаго) періода. При каждомъ судѣ теперь было образовано извѣстное число адвокатовъ, которые выступали исключительно въ качествѣ защитниковъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Эти адвокаты составляли особую коллегію съ корпоративными правами и многими личными привиллегіями и были подчинены особой дисциплинарной власти того магистрата, при судѣ котораго они находились и который могъ подвергать ихъ не только какому либо временному наказанію, но и совершенному отрѣшенію отъ должности

Такъ какъ теперь судьи при рѣшеніи вопроса о виновности или невиновности обвиняемаго стали руководиться не чувствомъ, а юридическими основаніями, то и защитники, естественно, могли больше разсчитывать на строго юридическое освѣщеніе вопроса, чѣмъ на свои риторическія украшенія, что побуждало ихъ къ серьезнымъ занятіямъ юриспруденціи. Вмѣстѣ съ этимъ совершенно исчезъ въ обществѣ прежній взглядъ на адвокатуру, какъ на профессію недостойную—средство къ наживѣ; репутація и авторитетъ адвокатовъ, какъ юристовъ, стояли теперь очень высоко Со второй половины IV столѣтія адвокаты, какъ особый институтъ, существовали во всѣхъ муниципальныхъ городахъ подъ именемъ *ἔκδικοι τῶν πόλεων* [1]).

Подобный институтъ судебныхъ защитниковъ пожелала имѣть и церковь для своихъ цѣлей. Установленіе его путемъ положительнаго законодательства относится къ самому началу V вѣка [2]). Ближайшимъ къ тому поводомъ послужило чрезмѣрное обремененіе епископовъ жалобами бѣдныхъ на несправедливыя притѣсненія со стороны богатыхъ. „Заблаговразсудили всѣ, читаемъ въ 86 Карѳ. правилѣ, по причинѣ при-

[1]) Geib. S. 602—607.

[2]) Это видно изъ 86 Карѳ. правила, принадлежащаго собору 401 г 13 сент, въ немъ въ первый разъ упоминаются церковные защитники.

тѣсненія убогихъ, которые непрестанно стужаютъ церкви жалобами, просити отъ царей, да избираются для нихъ, подъ смотрѣніемъ епископовъ, защитники отъ насилія богатыхъ". Съ теченіемъ времени кругъ вѣдомства этихъ лицъ постепенно расширяется: имъ предоставляется право выступать на защиту церковныхъ дѣлъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ и дозволяется входить съ этою цѣлію во всѣ свѣтскія судилища. Третьимъ канономъ Карѳагенскаго собора 407 года [1]) было постановлено „просити православныхъ царей, да будетъ позволено учредити ученыхъ экдиковъ, которые имѣли бы своею обязанностію дѣйствованіе въ защищеніи дѣлъ и которые бы, яко священники епархій, пріявшіе на себя ходатайство по дѣламъ церквей, свободно могли, когда нужда потребуетъ, входити въ присутствіе судилищъ для опроверженія возраженій и для предоставленія того, что нужно". Въ 409 году императоры Ѳеодосій II и Гонорій, утверждая своими декретами учрежденіе церковныхъ экдиковъ, опредѣлили, чтобы избраніе ихъ совершалось по приговору епископа, духовенства и знатнѣйшихъ гражданъ города. Въ 555 году 15-ою новеллою имп. Юстиніана, подтверждающею указанный порядокъ избранія церковныхъ адвокатовъ, послѣдніе были облечены правами настоящихъ магистратовъ и введены повсюду на Востокѣ при епископскихъ судахъ, какъ постоянныя должностныя лица Въ послѣдующее время, какъ видно изъ толкованія Вальсамона на 86 Карѳ. правило, экдики были поставляемы одними епископами, причемъ особенными преимуществами сталъ пользоваться протэкдикъ Константинопольскаго патріарха [2]).

Приведенная историческая справка свидѣтельствуетъ, что мало по-малу, по образцу римской адвокатуры, создалась адвокатура церковная, какъ постоянный институтъ.

4) Далѣе, во вселенскомъ законодательствѣ мы встрѣчаемся съ правомъ обвиняемаго отводить подозрѣваемыхъ имъ въ пристрастіи судей. Въ упомянутомъ выше каноническомъ посланіи Кирилла Александрійскаго къ Домну Аѳіохійскому говорится: „аще восхощетъ онъ (подсудимый—еп. Петръ) судитися съ тѣми, кои возлагали на него преступленія: то да

[1]) Въ книгѣ правилъ см. канонъ 109.

[2]) Книга правилъ. II т. 1512—1513 стр. Прав. Обозр. 1870. II. 758 стр.

судится по принятому обычаю предъ твоимъ благочестіемъ, въ соприсутствіи то есть подчиненныхъ тебѣ благочестивѣйшихъ епископовъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ не пріиметъ, какъ имъ подозрѣваемыхъ. Мы не полагаемъ, чтобы кто либо изъ благочестивѣйшихъ епископовъ имѣлъ враждебныя мысли противу брата: но дабы сей предлогъ не послужилъ къ ослабленію силы имѣющаго быти суда, аки бы сей неправедно произведенъ былъ, то ни мало не будетъ оскорбительно, аще нѣкоторые по сомнѣнію въ ихъ безпристрастіи, не будутъ въ судебномъ собраніи" [1]). И съ этимъ правомъ подсудимаго мы не встрѣчались при изученіи церковнаго процесса до—Никейскаго періода Между тѣмъ въ римскомъ процессѣ право отвода судей (jus recusationis) практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не только во времена quaestiones perpetuae. но и въ позднѣйшій императорскій періодъ [2]). И такъ какъ это право вполнѣ гармонировало съ тѣмъ духомъ кротости, какимъ всегда характеризовалось отношеніе церкви къ подсудимому—согрѣшившему члену ея, съ идеею пастырскаго о немъ попеченія, то совершенно естественнымъ нужно признать то, что оно нашло себѣ мѣсто въ церковномъ законодательствѣ вселенскаго періода.

Послѣ всего изложеннаго можно ли признать справедливымъ рѣшительное заявленіе г. Заозерскаго, будто опредѣленія вселенскаго законодательства касательно обвинителя т. е. его качествъ, правъ и обязанностей „*несомнѣнно* были примѣняемы и на церковномъ судѣ III вѣка" [3]); а тѣмъ болѣе опредѣленія касательно правъ и обязанностей обвиняемаго [4]).

---

[1]) Книга правилъ. III 564—565 стр. I кан.

[2]) Geib. S. 306—307 и слѣд.; Gottschalk. S. 185; Загурскій 346—355 стр.

[3]) Заозерскій. «Церковный судъ . 301 стр.

[4]) «То уже несомнѣнно, пишетъ г Заозерскій, что всѣ постановленія *относительно обвинителя, количества и качества свидѣтелей, личнаго присутствія обѣихъ сторонъ на судѣ при изслѣдованіи дѣла*, какія мы встрѣчаемъ въ законодательствѣ церкви и ея судебной практикѣ IV и V вѣковъ, были примѣняемы и на церковномъ судѣ III вѣка».—Ibidem. Относительно обвиняемаго—ни слова! Ничего не говорится о немъ и въ слѣдующихъ строкахъ, гдѣ исчисляются особенности церковнаго процесса, заимствованныя изъ римскаго права

Сопоставленіе опредѣленій вселенскаго законодательства съ требованіями римскаго уголовно-процессуальнаго права приводитъ насъ къ убѣжденію, которое съ удобствомъ можно было бы выразить тѣмъ же умозаключеніемъ г. Заозерскаго (приведеннымъ въ примѣчаніи), только, такъ сказать, перевернутымъ вверхъ ногами: все, что въ качествѣ общеизвѣстнаго обычая, примѣнялось въ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ касательно обвинителя и обвиняемаго, было усвоено, мотивировано и точно регламентировано вселенскимъ законодательствомъ. Но вмѣстѣ съ этимъ за несомнѣнное нужно признать и то, что многое относительно сторонъ, заинтересованныхъ въ судѣ, вошло въ это законодательство изъ римскаго права, какъ не противорѣчащее основной идеѣ церковнаго процесса.

Средства доказательства. Обвинитель, какъ мы уже видѣли, долженъ былъ доказать свое обвиненіе: одной молвы или одного подозрѣнія недостаточно было для постановленія судебнаго приговора. Въ 6 правилѣ Ѳеофила Антіохійскаго читаемъ: „о Іаковѣ надлежитъ быти изслѣдованію. Аще онъ, будучи чтецомъ, явился виновнымъ въ преступленіи любодѣянія и отъ пресвитеровъ изверженъ, а потомъ пріялъ руко положеніе: то да извержется отъ своея степени, впрочемъ по тщательномъ изслѣдованіи, *а не по единому подозрѣнію, происшедшему отъ наушничества и злословія.* Аще же не обрящется повиннымъ, да пребудетъ въ клирѣ. Ибо не должно внимати суетнымъ пареканіямъ“.

Спрашивается, какія же средства доказательства узаконяетъ вселенское законодательство?

Въ одномъ изъ полемическихъ сочиненій св. Василія Великаго говорится: „аще мы, какъ бы на судѣ, *при недостаткѣ письменныхъ доказательствъ, представили въ пользу нашего дѣла множество свидѣтелей*, то не получимъ ли отъ васъ оправдывающаго приговора? Я такъ думаю Ибо при двою или тріехъ свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ. *Аще укажемъ вамъ и на долговременность, ясно свидѣтельствующую въ нашу пользу:* то не явимся ли предъ вами право глаголющими, яко преніе не можетъ успѣшно быти противу насъ? Ибо древніе догматы нѣкоторымъ образомъ внушаютъ благоговѣніе, представляя въ своей древности, какъ бы въ

нѣкоей сѣдинѣ, досточтимый видъ“ [1]). Умозаключая на основаніи приведенныхъ словъ св. Василія Великаго обыкновеннымъ логическимъ путемъ, мы должны сказать, что церковная власть при разбирательствѣ дѣла иногда могла найти такія средства доказательства виновности или невиновности подсудимаго, которыя давали ей полное право произносить рѣшительный приговоръ осужденія или оправданія. Но выводить отсюда, будто церковному суду временъ св. Василія извѣстна была опредѣленная „*система юридическихъ доказательствъ* представлявшая собою рядъ отдѣльныхъ частей“ или „выражаясь ученымъ языкомъ“ извѣстна была „*своя теорія доказательствъ*“ значитъ допускать крупный логическій скачекъ [2]). Даже столь развитое и совершенное право, какъ римское, не успѣло еще создать для себя опредѣленной формальной теоріи доказательствъ [3]). Правда, въ періодъ послѣквесціонный въ римскомъ процессуальномъ правѣ замѣчается стремленіе выработать нѣкоторыя общія правила доказательства, такъ чтобы рѣшающее значеніе въ вопросѣ о виновности или невиновности подсудимаго имѣло не личное чувство судьи, а дѣйствительныя юридическія основанія. Однако и теперь, какъ и въ періодъ quaestiones perpetuae, предоставлялась еще слишкомъ широкая свобода личному усмотрѣнію судьи, а потому о какой либо опредѣленной формальной теоріи доказательствъ, юридически обязательной для каждаго судьи, не было и рѣчи. Гейбъ говоритъ: „вся теорія доказательствъ римлянъ, если мы сравнимъ ее съ системой нашего современнаго процесса, находилась, даже въ новѣйшемъ правѣ въ періодѣ младенчества и особенно относительно нѣкоторыхъ средствъ доказательства существовали здѣсь пробѣлы, которыхъ мы, съ точки зрѣнія современнаго права, почти не можемъ понять“ [4]). Правила касательно важнѣйшихъ видовъ доказательства, созданныя не столько путемъ законодательства, сколько ученою дѣятельностію юристовъ—классиковъ, содержали въ себѣ не категорическія предписанія, связывающія судью, а только руковод-

---

[1]) Книга правилъ. III т Василія Великаго пр 92.

[2]) Заозерскій Церковный судъ стр 262. Впрочемъ, и самъ г. Заозерскій не особенно настойчиво проводитъ свой взглядъ. См. 273 стр.

[3]) Geib, S 609—612; Gottschalk S 188

[4]) Geib. s 611.

ственныя начала для его личнаго усмотрѣнія: въ существѣ дѣла судья по прежнему произносилъ приговоръ ex animi sui sententia.

Тѣмъ болѣе, конечно, не можетъ быть рѣчи о какой либо опредѣленной системѣ или теоріи доказательствъ въ церковномъ процессѣ періода вселенскихъ соборовъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно присоединяемся къ мнѣнію профес. Соколова, утверждающаго, что правила вселенскаго канона „не связываютъ церковнаго суда какою либо опредѣленною теоріею доказательствъ, предоставляя судьѣ свободу принимать во вниманіе всѣ обстоятельства, открывающіяся въ дѣлѣ, на которыхъ можетъ основываться внутреннее убѣжденіе въ истинѣ“ [1]).

Не связывая судью никакою формальною теоріею, вселенское законодательство, какъ мы замѣтили выше, указываетъ нѣкоторыя средства доказательства, какъ вполнѣ достаточныя для произнесенія приговора надъ подсудимымъ.

1) Главнѣйшую доказательную силу должно имѣть для судьи, конечно, собственное судебное признаніе обвиняемаго, какъ объ этомъ ясно говорится уже въ 74 Апост. правилѣ; признаніе же внѣ—судебное, тайное нуждается въ разслѣдованіи и подтвержденіи. 147 Карѳагенскій канонъ предписываетъ; „аще епископъ глаголетъ, яко нѣкто ему одному исповѣдалъ свое преступленіе, а тотъ не признается: то епископъ да не обращаетъ себѣ въ обиду того, что не полагаются въ семъ на него единаго. Аще же речетъ, яко по возмущеніи совѣсти своея не хощетъ имѣти общенія съ непризнающимся: то доколѣ отлученнаго по сему случаю не пріемлетъ въ общеніе свой епископъ, дотолѣ сего епископа да не пріемлютъ въ общеніе прочіе епископы; да тѣмъ паче блюдется епископъ, *да не глаголетъ о комъ либо, чего передъ другими не можетъ утвердити доказательствами*“.

2) Не менѣе важное значеніе въ качествѣ судебнаго доказательства придается вселенскимъ законодательствомъ показаніямъ достовѣрныхъ свидѣтелей, которыхъ должно быть, согласно прямой заповѣди Господа (Мѳ. XVIII. 15—18) и 75 Апост. правилу, не менѣе двухъ или трехъ (I всел. соб. 2

---

[1]) Прав Обозр. 1870 г. II 767 стр.

пр.). О свидѣтеляхъ правила вселенскаго канона опредѣляютъ тоже самое, что и касательно обвинителей: „свидѣтелей же къ свидѣтильству не пріимати тѣхъ, отъ которыъ положено не пріимати доносовъ“ (Карѳ. пр. 146), т. е. кто не допускается къ обвиненію, поясняетъ Вальсамонъ, не долженъ быть допускаемъ и къ свидѣтельству [1]). Излишне, стало быть, и распространяться о томъ, что правила о свидѣтеляхъ были соображены съ гражданскими законами того времени, чего не отрицаютъ даже и тѣ канонисты, которые усиленно стараются стушевать черты сходства между римскимъ процессомъ и каноническимъ [2]) Сдѣлавъ общее опредѣленіе лицъ, неспособныхъ къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній, вселенское законодательство нашло нужнымъ въ дополненіе къ этому присоединить сюда еще слѣдующихъ, именно:

а) тѣхъ, которыхъ самъ доноситель представитъ изъ собственнаго дома (Карѳ. 146);

b) имѣющихъ менѣе четыренадесяти лѣтъ возраста (ibid)

и с) тѣхъ, кои сіе самое дѣло прежде разсматривали, а равно и домашніе ихъ. (Карѳ. 70).

Всѣ поименованныя здѣсь лица лишены были права свидѣтельствовать на судѣ и по гражданскимъ законамъ [3]). Только въ одномъ пунктѣ замѣчается здѣсь нѣкоторое различіе между римскимъ и церковнымъ правомъ. По церковному праву возрастъ лица, способнаго выступать въ качествѣ свидѣтеля, опредѣляется въ 14 лѣтъ, между тѣмъ какъ по римскому праву—въ 20 лѣтъ [4]). Но это различіе, по нашему мнѣнію, очень легко объясняется тѣмъ, что церковное право, полагая совершеннолѣтіе въ 14 лѣтъ, имѣло въ виду наступленіе момента половой зрѣлости, римское же право, отодвигая совершеннолѣтіе до 20 и даже 25-лѣтняго возраста (puberes minores и majores), принимало во вниманіе, главнымъ образомъ, способность вполнѣ сознательно, разумно относиться къ раз-

---

[1]) Книга правилъ. II. 1654 стр.

[2]) Заозерскій. Церковный судъ... Стр. 264—265.

[3]) Geib. s. 625 и слѣд.

[4]) Geib s. 629.

личнымъ явленіямъ юридической жизни (напр. заключеніе сдѣлокъ [1]).

3) Далѣе, вселенское законодательство узаконяетъ, какъ средство судебнаго доказательства, разнаго рода письменные документы. „Да сохраняется право первенствующихъ епископовъ Нумидіи и Мавританіи, читаемъ въ 97 Карѳ. правилѣ, *на основаніи Нумидійскаго письменнохранилища и списка престоловъ*. Потомъ угодно было всѣмъ епископамъ, подписавшимъ опредѣленія сего собора, чтобы *списокъ престоловъ и первоначальное постановленіе Нумидійское* находились и у перваго престола и въ митрополіи Константинѣ“ [2]).

4) Наконецъ, вселенское законодательство указываетъ и еще на одно средство доказательства, именно—древніе обычаи, соблюдавшіеся въ тѣхъ или иныхъ помѣстныхъ церквахъ. 8-ое правило III всел. собора гласитъ: „дѣло, вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ Апостоловъ, нововводимое и посягающее на свободу всѣхъ, возвѣстилъ боголюбезнѣйшій епископъ Ригинъ и сущіе съ нимъ благоговѣйнѣйшіе епископы Кипрскія области Зинонъ и Евагрій. Чего ради, понеже общественныя болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачевства, яко большій вредъ приносящія, и наипаче, аще *и древ-*

---

[1]) По поводу указаннаго различія Вальсамонъ замѣчаетъ: «сопоставляя настоящее правило, которое говоритъ, что имѣющіе менѣе 14 лѣтъ не должны свидѣтельствовать, а только старшіе, съ 20 гл 1 тит 21-й книги Василикъ, говорящею буквально такъ «обвинитель не можетъ призывать къ свидѣтельству того, кто публично обвиняется, ни того, кому меньше 20 лѣтъ», кто-нибудь спроситъ: на что же мы должны обращать вниманіе? И мнѣ кажется, что скорѣе на законъ: ибо тотъ, кому менѣе 20 лѣтъ, хотя и болѣе 14, не долженъ быть допускаемъ къ свидѣтельству въ уголовномъ дѣлѣ, какъ не обладающій еще твердымъ мышленіемъ. Притомъ законъ и много позднѣе правила, потому что онъ былъ принятъ въ пересмотрѣнный кодексъ Василикъ спустя много лѣтъ послѣ настоящаго собора» (т. е Карѳагенскаго 419 г, которому принадлежитъ комментируемое правило—146). Книга правилъ. II. стр. 1655.

[2]) Подобнаго рода спискомъ клириковъ Мареотиды воспользовался св Аѳанасій Великій, чтобы опровергнуть возведенное на него обвиненіе въ нападеніи на пресвитера Исхираса во время совершенія послѣднимъ литургіи. Fessler s. 39. Христ. Чтеніе. 1871 III 276. Вообще письменные документы, какъ мы увидимъ ниже, имѣли самое широкое примѣненіе въ церковно-судебной практикѣ.

няго обыкновенія не было, чтобы епископъ града Антіохіи совершалъ поставленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи, къ святому собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ отецъ и *по древнему обыкновенію* сами собою совершати поставленіе благоговѣйнѣйшихъ епископовъ. Тоже да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его или его предшественниковъ.... Итакъ святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ и безъ стѣсненія сначала принадлежащія ей права, *по обычаю издревле утвердившемуся*“ [1]).

Всѣ указанныя во вселенскомъ канонѣ средства доказательства употреблялись церковною властію и въ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ, хотя не какъ требованіе положительнаго законодательства, а только какъ общеизвѣстный, установившійся обычай; слѣдовательно, утверждать вмѣстѣ съ проф. Соколовымъ, будто и въ ученіи о судебныхъ средствахъ доказательства римское право оставило глубокіе слѣды въ церковномъ законодательствѣ, значитъ—грѣшить противъ показаній исторіи [2]). Если въ этомъ пунктѣ, дѣйствительно, и было вліяніе римскаго права, то во всякомъ случаѣ оно сказалось не на положительномъ законодательствѣ, а не церковно-судебной практикѣ,—о чемъ будетъ рѣчь впереди.

О подсудности. Принципъ подсудности, указанный еще св. Кипріаномъ въ одномъ изъ его писемъ,—по которому каждое преступленіе должно быть судимо тамъ, гдѣ оно совершено, гдѣ находятся обвинитель и свидѣтели,—сохранилъ свою полную силу и во вселенскомъ законодательствѣ. Въ немъ сдѣлано было на этотъ счетъ только слѣдующее важное дополненіе: „обвиняемому, или обвиняющему, *опасающемуся нѣкоего насилія отъ безпокойнаго многолюдства въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится обвиняемый, дозволяется избирати для себя*

---

[1]) Ср I вс. соб. пр. 6 и 7

[2]) Прав. Обозр. 1871. II. 506 стр.

ближайшее мѣсто, гдѣ не было бы ему трудности представити свидѣтелей, гдѣ и оканчивается дѣло“ [1]). Такимъ образомъ, каждая сторона, если опасается насилія со стороны многочисленной толпы безчиннаго народа, быть можетъ, приверженнаго къ противнику, или вообще встрѣчаетъ какое либо серьезное препятствіе къ свободному и безпристрастному обслѣдованію дѣла, пользуется правомъ избрать для суда другое мѣсто, но только лежащее по близости „такъ чтобы, мотивируетъ Зонара, ни противнику ея, ни судьямъ не было затруднительно отправиться на это мѣсто, чтобы удобно могли явиться тамъ и свидѣтели“ [2])

Было ли что-нибудь подобное въ римскомъ правѣ,—мы не знаемъ; знаемъ только, что подсудность опредѣлялась тамъ—а) мѣстомъ жительства и b) мѣстомъ совершенія преступленія, причемъ подсудность послѣдняго рода, имѣвшая и во времена quaestiones perpetuae преимущественное значеніе, въ императорскій періодъ обратилась въ законъ [3]). Едва ли для государства, вооруженнаго насильственными мѣрами—даже крайними, каковы—пытка и смертная казнь, обстоятельства, указанныя въ вышеприведенномъ правилѣ, могли имѣть настолько серьезное значеніе, чтобы изъ-за нихъ нужно было переносить разслѣдованіе дѣла съ одного мѣста на другое; между тѣмъ церковь, духовное царство, располагающее только нравственными мѣрами воздѣйствія на своихъ членовъ, не могла не считаться съ такими обстоятельствами. Отсюда можно заключить, что въ указанномъ правилѣ вселенское законодательство стоитъ на чисто церковной точкѣ зрѣнія.

Этимъ мы и закончимъ обозрѣніе правилъ вселенскаго канона по вопросу о церковномъ судопроизводствѣ, находя болѣе удобнымъ изложить воззрѣнія его на аппеляцію и самый способъ движенія суднаго дѣла по разнымъ инстанціямъ въ соотвѣтствующей главѣ.

Общій выводъ изъ всего сказаннаго здѣсь таковъ: не подлежитъ сомнѣнію, что вселенское законодательство не осталось безъ значительнаго вліянія со стороны римскаго права.

Но это вліяніе отразилось еще глубже и сильнѣе на церковно-судебной практикѣ.

---

[1]) Карѳ. пр 39

[2]) Книга правилъ. II. 1373 стр.

[3]) Geib. s. 487 и слѣд.; Gottschalk. s. 185.

Глава четвертая.

Вліяніе римско-византійскаго права на церковно-судебную практику сказалось прежде всего въ томъ, что практиковавшійся въ первые три вѣка христіанства способъ судопроизводства—публичный и устный—подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ томъ и другомъ отношеніи.

Принципъ публичности римскаго уголовнаго процесса, сохранявшій свою силу въ quaestiones perpetuae [1]), въ періодъ послѣ-квесціонный потерпѣлъ значительныя ограниченія. Начало этимъ ограниченіямъ было положено тѣмъ, что судъ былъ перенесенъ съ открытаго форума въ закрытыя аудиторіи (auditoria et tabularia). Но окончательная отмѣна прежняго порядка совершилась, конечно, не вдругъ: дѣло не обошлось безъ борьбы двухъ началъ—стараго и новаго. Исторія этой борьбы, продолжавшейся еще долгое время и послѣ Константина Великаго, свидѣтельствуетъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе римско-византійское процессуальное право склонялось къ ограниченію принципа публичности судопроизводства.

Въ началѣ V вѣка новый принципъ окончательно вытѣсняетъ собою старый: теперь входитъ въ силу правило, по которому судебное разбирательство дѣла должно было производиться исключительно въ секретаріумѣ, при чемъ непричастныя къ дѣлу лица были совершенно лишены права входить въ залъ судебныхъ засѣданій. Единственымъ классомъ гражданъ, пользовавшимся привиллегіей въ этомъ отношеніи, были такъ называемые honorati: только они имѣли теперь свободный

[1]) Geib. s. 253.

доступъ въ судъ и для нихъ были предназначены даже особыя почетныя мѣста непосредственно около магистрата [1]).

Соотвѣтствующія этому измѣнія произошли и въ церковно-судебной практикѣ. Въ процессахъ V вѣка уже ясно и настойчиво выражается требованіе, чтобы лица, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу судебнаго разбирательства, были удаляемы изъ судебной палаты. Такъ, на IV всел. соборѣ (451 г.), при чтеніи актовъ Ефесскаго собора (449 г.), Египетскіе почтеннѣйшіе епископы и бывшіе съ ними воскликнули: „мы просимъ вонъ выгнать лишнихъ“ [2]). На томъ же соборѣ, по приказанію Анатолія, архіеп. Константинопольскаго, были удалены изъ залы судебныхъ засѣданій низложенные пресвитеры Геронтій и Калоподій [3]). Церковь иногда прибѣгала къ содѣйствію свѣтской власти, чтобы она своими мѣрами воспрепятствовала постороннимъ лицамъ, особенно „привыкшимъ возмущать и разстраивать Богу пріятное благочиніе“ проникнуть въ мѣсто соборныхъ засѣданій, гдѣ вмѣстѣ съ иными дѣлами церковными разбирались и дѣла судебныя [4]). Всѣ лица, имѣющія какую нибудь надобность явиться въ судъ, должны были находиться „внѣ палаты“, пока не получатъ разрѣшенія войти со стороны суда—чаще всего въ лицѣ его предсѣдателя. Въ актахъ IV вселенскаго собора читаемъ: „Домнъ епископъ сказалъ: гдѣ подавшіе прошеніе? Діаконъ Татіанъ сказалъ: они—внѣ палаты. Епископъ Домнъ сказалъ: пусть войдутъ“ [5]). При разбирательствѣ дѣла Ивы Едесскаго, нѣкоторые изъ епископовъ сказали: „за дверями находятся обвинители его; пусть велятъ имъ войти [6]).

---

[1]) Bethmann Hollweg, Der Civilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwickelung. B. III. s. 189: Schulin. s. 593: Geib. s. 508—511. 536—537.

[2]) Дѣян. III. 165 стр.

[3]) Аэтій, архидіаконъ св. Константинопольской церкви, подошедши къ евнуху Калоподію, сказалъ ему: «архіепископъ говоритъ тебѣ черезъ меня—архидіакона, что ты низложенъ и выйди». Дѣян. IV. 61 стр.; Ск. V. 38 стр.

[4]) Дѣян. III. 113—114; I. 487—488.

[5]) Дѣян. IV. 298.

[6]) Дѣян. IV. 194; Ср. IV. 49, V. 26; VI. 211. 360. 426. 439. 449; VII 73. 124. 188 и др.

Съ другой стороны, начиная съ V вѣка, мы видимъ присутствующими въ судебныхъ засѣданіяхъ и занимающими почетныя мѣста рядомъ съ епископами славнѣйшихъ и знатнѣйшихъ сановниковъ и сенаторовъ (honorati) [1]).

Еще бо́льшимъ ограниченіямъ, какъ въ римскомъ такъ вслѣдъ за нимъ и въ церковномъ процессѣ, подвергся второй принципъ—устности судопроизводства.

Уже во время quaestiones perpetuae существовало правило, въ силу котораго преторъ обязанъ былъ главнѣйшее содержаніе представленнаго обвиненія занести въ формальный протоколъ (inscriptio), подлинность котораго утверждалась собственноручною подписью обвинителя (subscriptio) [2]). Закономъ имп. Августа было предписано, чтобы обвинитель представлялъ написанную въ установленной формѣ и имъ подписанную обвинительную записку (libellus) [3]). Дальнѣйшая исторія римскаго уголовнаго процесса свидѣтельствуетъ, что усиленія письменности въ судопроизводствѣ шло crescendo. Правда, никогда не теряло своей силы правило, чтобы обвинитель, обвиняемый и свидѣтели давали свои показанія предъ судомъ устно, но уже во времена юристовъ-классиковъ стали требовать составленія самыхъ подробныхъ протоколовъ судебнаго разбирательства спеціально призванными къ тому государственными чиновниками скорописцами (notarii, exceptores). Эти скорописцы исполняли роль секретарей: во время самаго судебнаго засѣданія они записывали все, что говорилось на судѣ и по этимъ записямъ, въ теченіе не болѣе пятидневнаго срока, составляли самый обстоятельный протоколъ, содержащій въ себѣ весь ходъ судопроизводства. На нихъ же, а иногда на особомъ чиновникѣ (instrumentarius) лежало и храненіе протоколовъ. Съ развитіемъ правильнаго апелляціоннаго производства подобные протоколы сдѣлались особенно необходимы:

---

[1]) Дѣян. III. 122—123. 494—495; IV. 5 124—125. 170—171; VI. 38, 50—51. 57—58. 145. 208—209. 217—218; VII. 70. 123 и др.

[2]) Geib. s. 281; Wlter. s. 517. 527. Вотъ образецъ этого протокола, сохраненный юристомъ Павломъ—Consul et dies: apud illum praetorem, vel proconsulem, Lucius Titius professus est se Maeviam lege Julia de adulteriis ream deferre, quod dicat eam cum Caio Seio, in civitate illa, domo illius, mense illo, consulibus illis adulterium commisisse.

[3]) Walter. s. 517.

они служили главнымъ основаніемъ для судебныхъ рѣшеній въ высшей инстанціи, въ силу чего каждый разъ, въ случаѣ аппелляціонной жалобы, всѣ протоколы, составленные судомъ низшей инстанціи, немедленно должны были передаваться въ высшую инстанцію [1]).

Оба указанныя нововведенія—libellus и нотаріи—не замедлили появиться и въ церковно-судебной практикѣ періода вселенскихъ соборовъ.

Въ самомъ началѣ IV вѣка Донатисты подали императору Константину письменную жалобу (libellus) на Цециліана, еп. Карѳагенскаго [2]). Тоже самое мы видимъ на соборѣ Тирскомъ 335 г., которому Александрійскіе клирики представили письменную жалобу на Евсевіанъ [3]). Такая же записка была подана противъ св. Златоуста двумя низложенными діаконами [4]). Въ V вѣкѣ libellus становится прочно установившеюся и часто повторяющеюся формальностію [5]).

Какъ въ римскомъ процессѣ, такъ и въ церковномъ, начиная съ IV вѣка, мы видимъ въ судебныхъ засѣданіяхъ обязательно присутствующихъ, въ качествѣ служебныхъ органовъ, спеціальныхъ скорописцевъ—нотаріевъ, изучившихъ въ школахъ при епископскихъ каѳедрахъ своеобразный способъ письма условными знаками или фигурами,—нѣчто въ родѣ нашей стенографіи. Нотаріи въ большинствѣ случаевъ имѣютъ санъ діакона; сравнительно рѣже встрѣчаются между ними чтецы. Это—особенный институтъ, получившій важную роль въ дѣлахъ церковной юрисдикціи. На обязанности нотаріевъ лежала вся письменная часть судопроизводства и кромѣ того, исполненіе многихъ другихъ порученій, тѣсно связанныхъ съ отправленіемъ правосудія. Въ частности, служебныя обязанности нотаріевъ состояли въ слѣдующемъ:

а) Они наводили справки и собирали разнаго рода свѣдѣнія и документы, имѣющіе отношеніе къ дѣлу судебнаго

---

[1]) Geib. s. 511—515.

[2]) Hefele. Conciliengeschichte. B. I. s 457,

[3] Hefele. B I, s. 451

[4]) Fessler. s 59.

[5]) Hefele B II. 80. 82. 302. Fessler. s 59 и др Дѣянія вс. соб I 466 744. II. 5 24. III. 143 197. 204. 356. 405. 436. 555. 571. 575 582; IV. 80. 205 и мн. др.

разбирательства [1]).

b) Открывали засѣданія чтеніемъ сущности подлежащаго разбору дѣла или разнаго рода докладами [2]).

c) Записывали стенографическимъ способомъ все, что происходило на судѣ: мнѣнія епископовъ, заявленія и пренія сторонъ, заинтересованныхъ въ судѣ, свидѣтельскія показанія, даже всѣ отрывочныя фразы, восклицанія одобренія и порицанія, которыя слышались со стороны засѣдавшихъ судей. „*Искони это велось*, заявляетъ на Константинопольскомъ соборѣ 448 г. нотарій Аэтій, что мы записываемъ, когда говоритъ одинъ“ [3]).

d) Читали, по повелѣнію епископовъ или ихъ предсѣдателя, различныя хартіи, относившіяся къ дѣлу, какъ-то: грамоты императоровъ, символы вѣры, святоотеческія творенія, посланія и письма епископовъ, обвинительныя записки и т.

---

[1]) Когда отцы Ефесскаго собора старались изобличить еретическій образъ мыслей Несторія путемъ сопоставленія его ученія со свидѣтельствами прежнихъ св. отцовъ и утвердить правую вѣру, Петръ—первенствующій изъ нотаріевъ—сказалъ: «*мы имѣемъ подъ руками* кодексы святѣйшихъ отцовъ и епископовъ и многихъ мучениковъ: *мы выбрали изъ нихъ* нѣкоторыя мѣста и, если угодно, прочитаемъ ихъ». Дѣян I 742 На V вселенскомъ соборѣ Діодоръ, архидіаконъ и первенствующій изъ почтеннѣйшихъ нотаріевъ, сказалъ. «у насъ подъ руками извлеченія, относящіяся къ вопросу о томъ, что должно осуждать еретиковъ и послѣ смерти. V 160. Ср I 498. 507—508 555 560—561. 575. III. 169 421—422. V. 108 150 160. 317. VII. 91. 112. 201 и мн. др

[2]) Засѣданія Ефесскаго собора открылись сообщеніемъ первенствующаго изъ нотаріевъ Петра о томъ, какое великое волненіе произведено по святымъ церквамъ ересью Несторія, какія мѣры были приняты св Кирилломъ Александрійскимъ и Целестиномъ Римскимъ, чтобы пріостановить нечестивый потокъ и какъ отнесся къ этимъ мѣрамъ самъ Несторій. «Долгомъ почитаемъ объявить, заключаетъ нотарій свою рѣчь, что хартіи объ этомъ мы имѣемъ въ рукахъ для представленія вашей святыни». I 497—498 Засѣданіе VII-е Константинопольскаго собора 448 г, подъ предсѣдательствомъ архіеп. Флавіана, открывается докладомъ нотарія Астерія: «назначенный (для суда) день насталъ и боголюбезнѣйшій епископъ Евсевій (обвинитель Евтихія) стоитъ у дверей и проситъ позволенія войти» III. 277. Ср. I. 740. V. 26. 46. 56. 59. 108. 357. VI. 211. 359. 439 и др

[3]) Дѣян... III. 341. 178—179; VI 431 и мн. др

п. [1]); не рѣдко и сами дѣлали предложенія о прочтеніи того или иного документа, находившагося подъ руками [2]).

e) Посылались вмѣстѣ съ другими лицами для вызова обвиняемаго въ судъ, при чемъ на нотаріевъ въ этомъ случаѣ возлагалась обязанность доставить суду отвѣтъ обвиняемаго съ буквальною точностію; этотъ отвѣтъ иногда служилъ однимъ изъ важныхъ средствъ доказательства виновности подсудимаго. Константинъ, еп. Бострскій, одинъ изъ пословъ къ обвиняемому Діоскору, говорилъ на соборѣ Халкидонскомъ: „просимъ чтеца и нотарія Илирія, который былъ съ нами и записывалъ, сказать, что говорили мы и какой отвѣтъ намъ далъ Діоскоръ... Пусть, подтвердилъ епископъ Пасхазинъ, нотарій прочтетъ то, что отвѣчалъ еп Діоскоръ, дабы этотъ блаженнѣйшій соборъ, при общемъ совѣщаніи, *могъ въ точности знать, что должно сдѣлать* [3]).

f) Нотаріи же докладывали суду о возвращеніи лицъ, отправлявшихся для приглашенія подсудимаго и предлагали имъ дать подробный отчетъ объ исполненіи этого порученія. На соборѣ Ефесскомъ Петръ, пресвитеръ Александрійскій и первенствующій изъ нотаріевъ, сказалъ: „такъ какъ посланныя св. соборомъ (къ Несторію) благоговѣйнѣйшіе и боголюбезнѣйшіе епископы прибыли, то мы желаемъ, чтобы они объявили, какой они получили отвѣтъ [4]).

g) Извѣщали о прибытіи лицъ, подлежавшихъ допросу въ качествѣ свидѣтелей или явившихся въ судъ съ разными просьбами и предложеніями. На четвертомъ засѣданіи Константинопольскаго собора 448 г. діаконъ и нотарій Асклепіадъ сказалъ: „какія то монахи отъ пресвитера и архимандрита Евтихія и почтеннѣйшій пресвитеръ и архимандритъ Авраамій стоятъ внѣ и просятъ позволенія войти“ [5]). На соборѣ Халкидонскомъ Аэтій, архидіаконъ и первый нотарій, сказалъ: „недавно нѣкоторые, называющіе себя клириками, пришедши

---

[1]) Дѣян... См. напр.: I. 498, 555. 561. 587. 670. III 176. 184. 203. 296. 405. IV. 202. V. 38. 60 151 VI. 48 296 348. VII. 91. 93 и мн. др.

[2]) Ibid. I. 555. 560—561. 742. III, 561 и др.

[3]) Ibid. III 560. Сн. 565—566. 595. 1 707. и др.

[4]) Ibid I. 502. Сн. 505. III. 249 257. 265. 283. 559. 565 и др.

[5]) Дѣянія... III. 262.

вмѣстѣ съ другими мірянами изъ Александріи, подали записки противъ благочестивѣйшаго Діоскора. Они находятся предъ святымъ вашимъ соборомъ, кричатъ и просятъ дозволенія войти сюда, заклиная васъ святою и единосущною Троицею, и спасеніемъ и побѣдою христолюбивыхъ императоровъ нашихъ [1]).

h) По окончаніи судебныхъ засѣданій, на основаніи сдѣланныхъ во время самыхъ засѣданій стенографическихъ записей, нотаріи составляли подробные протоколы, акты или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, „памятники вѣры“, куда вносили цѣликомъ всѣ письменные документы, прочитанные на судѣ, какъ то: обвинительныя записки, пригласительныя на судъ грамоты и пр., такъ что ничто изъ сказаннаго и прочитаннаго при разбирательствѣ дѣла не было оставлено не записаннымъ въ эти „памятники“, На Халкидонскомъ соборѣ восточные епископы воскликнули: „намъ не было читано это посланіе (Льва, архіеп. Римскаго); *если бы оно было читано, то, конечно, было бы внесено въ памятники*“ [2]).

i) Наконецъ, на обязанности нотаріевъ лежало храненіе судебныхъ протоколовъ и иныхъ документовъ, подъ строгою отвѣтственностію за ихъ поврежденіе или утрату. Въ посланіи папы Вигилія читаемъ: „сынъ нашъ Сургенцій, первенствующій изъ нотаріевъ, просилъ самый листъ нашего рѣшенія (приговоръ надъ Ѳедоромъ Мопсуетскимъ), *чтобы, по обычаю, хранить его у себя сообразно съ своею должностію* [3]). Въ актахъ собора Константинопольскаго 448 г. говорится: „Астерій (одинъ изъ нотаріевъ) обвинялъ почтеннѣйшаго Авраамія и нотаріевъ, будто они измѣнили нѣкоторыя главы въ документахъ и что онъ самъ, опасаясь такой злоумышленности, считаетъ нужнымъ доказать, что они сдѣлали это безъ его вѣдома“ [4]). Находящіеся на храненіи протоколы и документы

---

[1]) Ibid. III. 569. Сн. I. 556. III. 252. 273, 275 277. V. 49. VI. 211. 359. 439. 449 и др.

[2]) Ibid. III. 171. Сн. I. 560. 575. 587. 670. 692. III. 211. 308. 563 и др. Нотаріи не считали нужнымъ вносить въ судебные акты только того, что носило характеръ простой частной бесѣды. Дѣян... III. 348. 349.

[3]) Дѣян .. V 332. Сн. 310. III. 307. 309. 310, 354. 411 и др.

[4]) Ibid. III. 359. 348.

нотаріи обязаны были немедленно доставлять по требованію суда; равнымъ образомъ каждый, желающій подать аппелляцію, имѣлъ право взять у нотаріевъ копію судебныхъ протоколовъ [1]).

Если на судѣ присутствовало нѣсколько нотаріевъ, то, обыкновенно, обязанности главнаго секретаря исполнялъ первый изъ нихъ, носившій санъ пресвитера или архидіакона: его чаще всего мы и видимъ дѣйствующимъ въ судебныхъ засѣдяніяхъ [2]).

Постоянными аттрибутами и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы символическимъ изображеніемъ главнѣйшихъ обязанностей нотаріевъ служили находящіяся при нихъ „записныя дощечки и сумки съ писчими тростями“ [3])

Къ сказанному о способѣ судопроизводства въ періодъ вселенскихъ соборовъ, намъ слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ о самой внѣшней обстановкѣ судебныхъ засѣданій.

Мѣстомъ судебныхъ засѣданій служили—судебная палата епископіи [4]) или храмъ [5]) (предъ рѣшоткою св. алтаря [6]) или предъ священнымъ амвономъ [7]), въ святой крещальнѣ [8]) и въ молельнѣ [9]). Здѣсь засѣдали судьи-епископы или уполномоченныя епископами лица, каковыми могли быть: хорепископы [10]), пресвитеры [11]), архидіаконы [12]), діаконы [13]), и даже

---

[1]) Ibid III. 309. 310,

[2]) Иногда нотаріевъ замѣняли «благовѣрные секретари императорской консисторіи или благовѣрные записчики». Дѣян.. III. 143. 146. 152. 155. 180. 209; IV. 8. 10. 14; III. 299. 305 310, 316. 323. 330 и мн. др.

[3]) Ibid. III 179.

[4]) Ibid. III 161 204 209. 249 264 277. 333. IV. 297 V. 18. 45 и др.

[5]) Ibid I 311. 491. 611. II. 5. III. 122, 164. 494. IV. 74, 93. 170. 246. и др.

[6]) Ibid. III 509. IV 6. 79. 96. 185 и др.

[7]) Ibid. VII 70. 123. 187. 381 426 и др.

[8]) Ibid. III. 299.

[9]) Дѣянія. IV. 98. 100 102 и др

[10]) Дѣянія. III 129. 138. 500. 502 507. IV. 115. 122. и др,

[11]) Ibid. III 125. 131. 132 136. 139 168. IV. 96. 116. 117. 120. 121. и мн. др.

[12]) Ibid III 125 129 497. 500; IV. 115 и др.

[13]) Ibid. III 131. 138. 501. 507. IV. 117. 123 и др.

чтецы [1]). Кромѣ епископовъ, ихъ уполномоченныхъ и нотаріевъ, присутствовали въ судебныхъ засѣданіяхъ (преимущественно при разбирательствѣ преступленій противъ вѣры) [2]) спеціально назначаемые императоромъ чиновники и (съ половины V вѣка) сенаторы и высшіе государственные сановники [3]); но всѣ они пользовались только правомъ совѣщательнаго голоса [4]): въ большинствѣ случаевъ это были лишь почетные свидѣтели совершаемаго церковію суда. Такъ какъ судъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, то изъ лицъ непричастныхъ къ дѣлу допускались въ судебную палату развѣ только тѣ, которые въ какомъ либо отношеніи близко стояли или къ судьямъ (напр. ихъ клирики) или къ подсудимому (напр. во время суда надъ Евтихіемъ присутствовали подчиненные ему монахи). Судьи и высшіе государственные чиновники располагались въ опредѣленномъ порядкѣ—по чину [5]). По срединѣ судебной палаты полагалось на уготованномъ мѣстѣ „святое и неповрежденное“ Евангеліе, „ясно взывающее всѣмъ священнымъ мужамъ—*праведный судъ судите*“ [6]).

---

[1]) Ibid I 281.

[2]) Въ грамотѣ императора Ѳеодосія, уполномочивающей патриція Флоренція присутствовать при судопроизводствѣ надъ Евтихіемъ на Константинопольскомъ соборѣ 448 г., говорится: «знатнѣйшаго патриція Флоренція мы знаемъ за вѣрнаго и испытаннаго въ православіи и желаемъ, чтобы онъ присутствовалъ въ засѣданіи собора, *такъ какъ рѣчь идетъ о вѣрѣ*». Дѣян. III 278

[3]) Дѣянія. III. 122—123. 494—495. IV. 5. 124—125. VI. 38 50—51. VII. 70. 123. 187 и мн. др.

[4]) Значеніе, какое имѣли на судѣ разные государственные чиновники, съ особенною ясностію обнаруживается въ актахъ Ефесскаго собора 449 г.: изъ рѣчи императорскаго комиссара Елпидія и отвѣта на нее архіеп. Діоскора (Дѣян.. III. 198—199) видно, что императорскій комиссаръ относился къ судьямъ-епископамъ такъ же точно, какъ въ римскомъ процессѣ свѣдущій въ правѣ ассессоръ—къ судьѣ, которому онъ подавалъ совѣтъ (Geib. s 446—447); но при этомъ на императорскихъ комиссаровъ возлагалось еще спеціальное порученіе—слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ во время судебныхъ засѣданій. Подробнѣе—см. нашу книгу: «Каноническіе труды Іоанна, еп. Смоленскаго». Казань. 1895. стр. 274—275.

[5]) Дѣянія. VI. 389. 420. 439. 458. 464 и др.

[6]) Ibid. VII. 77—78. 668. Сн. I. 619. III. 141. 276. IV 6. V. 194. VI. 52 59. 147. 220. VII 71. 124. и мн др.

Обвинитель, обвиняемый, свидѣтели и прочія лица, входившія въ судебную палату съ разрѣшенія предсѣдателя суда, становились на средину какъ разъ противъ Евангелія и здѣсь давали свои объясненія и показанія [1]). Такая обстановка, конечно, не могла не дѣйствовать на допрашиваемыхъ лицъ. Вотъ что говоритъ діаконъ Андрей, свидѣтель по дѣлу Евтихія: „такъ какъ Богъ возсѣдитъ съ вами, и страхъ и трепетъ объемлетъ душу мою: то не могу отступить отъ истины“ [2]). Самымъ ходомъ судебныхъ засѣданій, обыкновенно, руководилъ предсѣдатель суда, старавшійся предупредить уклоненія преній въ сторону [3]).

Для нагляднаго ознакомленія съ внѣшней обстановкой судебныхъ засѣданій, позволимъ себѣ ввести читателя въ церковь св. мученицы Евфиміи, гдѣ происходилъ IV вселенскій соборъ, произнесшій судъ надъ Евтихіемъ и Діоскоромъ. Здѣсь представится намъ слѣдующая картина, изображенная въ актахъ вселенскихъ соборовъ.

„И возсѣли славнѣйшіе и знатнѣйшіе сановники и знаменитѣйшій сенатъ въ срединѣ предъ оградою святѣйшаго алтаря. По лѣвую сторону ихъ возсѣли святѣйшіе мѣстоблюстители боголюбезнѣйшаго архіеп. древняго Рима Льва и— Анатолій благочестивѣйшій архіеп. царствующаго Константинополя; Максимъ—почтеннѣйшій архіеп. Антіохійскій; Ѳаласcій, почтеннѣйшій еп. Кесарійскій; Стефанъ, еп. Ефесскій и прочіе почтеннѣйшіе епископы областей восточныхъ, и понтійскихъ, и асійскихъ, и фракійскихъ, кромѣ палестинскихъ. По правую сторону ихъ возсѣли: Діоскоръ, архіеп. Александрійскій, Ювеналій, еп. Іерусалимскій, Квинтиллъ, еп. Ираклійскій, въ первой Македоніи, мѣстоблюститель Анастасія, еп. Ѳессалоникскаго; Петръ, еп. Коринѳскій и прочіе епископы области Египетской и Иллирика, а также и Палестинскіе почтеннѣйшіе епископы.

По срединѣ положено было святѣйшее и чистѣйшее Евангеліе... И когда Діоскоръ, еп. Александрійскій, по приказанію

---

[1]) Ibid. III. 252. 256. 279. 330. IV. 179. V. 162. 212. VI. 172. 174. 213. VII. 79. 152 и мн. др.

[2]) Ibid. III. 324

[3]) Дѣянія. VII. 109.

славнѣйшихъ сановниковъ и знаменитѣйшаго сената (въ отвѣтъ на предложеніе папскихъ легатовъ) сѣлъ на срединѣ (какъ обвиняемый), а почтеннѣйшіе римскіе епископы сѣли на своихъ мѣстахъ и молчали, Евсевій, почтеннѣйшій еп Дорилейскій, вышедши на средину, сказалъ: „во спасеніе ваше, властители вселенной, повелите прочитать мое прошеніе, какъ это угодно благочестивѣйшему императору. Я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ епископа Флавіана и несправедливо осудилъ его вмѣстѣ со мною; повелите прочитать мое прошеніе". Славнѣйшіе сановники и знаменитѣйшій сенатъ сказали: „пусть будетъ прочитано прошеніе".

И когда, по приказаніи всѣхъ, почтеннѣйшій еп. Евсевій сѣлъ на срединѣ, Вероникіанъ, благовѣрный секретарь императорской консисторіи, взявши отъ него прошеніе, сталъ читать [1]). Чтеніемъ обвинительной записки (libellus) Евсевія началось формальное судопроизводство.

Для знакомства съ самой судебной процедурой мы считаемъ необходимымъ предварительно изложить хотя одинъ процессъ въ первой инстанціи, отлившійся въ болѣе или менѣе типичную форму. Остановимъ свое вниманіе на процессѣ противъ архим. Евтихія, разбиравшемся сначала на Константинопольскомъ соборѣ 448 г., такъ какъ этотъ процессъ, прошедшій три инстанціи, наиболѣе богатъ матеріаломъ для юридическихъ выводовъ и обобщеній—какъ съ положительной (первая и третья инстанція), такъ и съ отрицательной стороны (вторая инстанція). Кромѣ того, этотъ процессъ подкупаетъ въ свою пользу еще и тѣмъ, что на основаніи его читатель можетъ познакомиться съ порядкомъ судопроизводства какъ въ присутствіи подсудимаго (первая инстанція), такъ и въ отсутствіи его (третья инстанція).

Архимандритъ Евтихій былъ повиненъ въ преступленіи противъ вѣры: онъ распространялъ ложное ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, утверждая, что въ Немъ только одно естество (монофизитство). Давній другъ его Евсевій, еп. Дорилейскій, многократно увѣщевалъ Евтихія оставить свое заблужденіе, но такъ какъ всѣ увѣщанія оказались безплодными, то Евсевій рѣшился возбудить противъ него формальное судебное

[1]) Ibidem. III. 140—143

преслѣдованіе. Въ послѣднее засѣданіе Константинопольскаго собора 448 г, состоявшагося изъ 32 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Флавіана, архіеп. Константинопольскаго, когда уже было разсмотрѣно дѣло Ѳлоренція, еп Сардійскаго (въ области Лидійской), послужившее поводомъ къ созванію собора, Евсевій Дорилейскій, присутствовавшій на этомъ соборѣ, вышелъ на средину и подалъ св собору обвинительную записку (libellus) на Евтихія, умоляя прочитать ее и помѣстить въ памятники дѣяній. По приказанію предсѣдателя, пресвитеръ и нотарій—Астерій взялъ записку и сталъ читать. Вотъ ея содержаніе: „Я просилъ Евтихія, пресвитера и архимандрита, дабы онъ не предавался такому пораженію чувствъ, опьяненію мышленія и изступленію ума, чтобы забыть страхъ Божій и дерзнуть произносить языкомъ хуленія противъ Спасителя всѣхъ насъ Христа и называть еретиками тѣхъ отцевъ, которые считаются въ числѣ святыхъ и насъ—послѣдователей ихъ вѣры. Но онъ, имѣя невоздержныя уста и необузданный языкъ, не перестаетъ отрицать благочестивые догматы православія, отметаться отъ св. отцевъ и меня, который никогда не былъ подозрѣваемъ еретикомъ, а напротивъ всегда сражался съ еретиками, защищалъ, сколько позволяли мои силы, православную вѣру, пребывалъ въ вѣрѣ 318 святыхъ отцевъ, собиравшихся въ Никеѣ и пребывалъ вѣрнымъ всему, что сдѣлано святымъ и великимъ соборомъ въ митрополіи Ефесской (III-й вселенскій) и что мудрствовалъ и изложилъ блаж. Кириллъ, бывшій еп. великаго града Александріи, и Аѳанасій Великій, и Григорій, и Григорій, и Григорій, и Аттикъ, и Проклъ—святые епископы. Умоляю и прошу вашу святость, не оставьте безъ вниманія моей просьбы; но прикажите Евтихію, пресвитеру и архимандриту, явиться на святый вашъ соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я обвиняю его. Ибо я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго, и совершенно чуждъ православной вѣры... дабы, когда онъ будетъ обличенъ мною, исправились тѣ, которые были совращены имъ, а православная вѣра, объемлющая всѣ концы вселенной, и нынѣ явилась побѣждающею. Достигнувъ этого, я буду всегда исповѣдывать благодарность вашей святости—Евсевій еп. святой Божіей церкви Дорилейской, подавшій эту записку, подписалъ своею рукою".

По прочтеніи обвинительной записки, архіеп. Флавіанъ сказалъ: прочитанное удивляетъ насъ, потому что взводитъ такую укоризну на почтеннѣйшаго пресвитера и архимандрита Евтихія. Однако пусть удостоитъ твое благочестіе сходить къ нему и побесѣдовать съ нимъ о правой вѣрѣ; и если въ самомъ дѣлѣ онъ будетъ найденъ мудрствующимъ неправильно, тогда будетъ вызванъ святымъ соборомъ и станетъ защищаться.

Евсевій: я прежде былъ ему другомъ, и не одинъ разъ, не дважды, но часто приходилъ къ нему по этому дѣлу, которымъ онъ зараженъ; я бесѣдовалъ уже съ нимъ, и нашелъ его неправильно мудрствующимъ; я увѣщевалъ его и училъ, но онъ оставался непреклоннымъ, говоря то, что чуждо правой нашей вѣры. Это я могу доказать многими свидѣтелями. которые присутствовали и слышали. И такъ, заклинаю васъ опять Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, пошлите къ нему, чтобы онъ явился для объясненія и когда будетъ обличенъ мною, чтобы онъ оставилъ свое превратное ученіе; такъ какъ многіе заражены имъ.

Флавіанъ: пусть уступитъ намъ твое благочестіе и опять потрудится сходить въ монастырь, побесѣдуетъ съ нимъ, о чемъ слѣдуетъ и что относится къ примиренію, дабы не случилось опять какого-либо волненія и смятенія въ святыхъ церквахъ Христовыхъ.

Евсевій: это невозможно, чтобы я, послѣ того какъ часто ходилъ и не могъ убѣдить его, опять отправился къ нему, услышалъ хульныя слова; но пусть удостоитъ ваша святость послать къ нему, чтобы онъ явился: ибо я не согласенъ, чтобы это дѣло осталось не изслѣдованнымъ.

Святый соборъ сказалъ: надлежало бы твоему благочестію успокоиться убѣжденіями нашего архіепископа, но такъ какъ мы видимъ тебя непреклоннымъ, то пусть будетъ такъ, какъ ты требуешь. И такъ, пусть поданная тобою записка внесена будетъ въ памятники, для точнаго изслѣдованія дѣла. А Іоаннъ, почтеннѣйшій пресвитеръ и экдикъ (defensor) вмѣстѣ съ діакономъ Андреемъ, отправившись къ Евтихію, поданную противъ него записку (libellus) прочтутъ ему и попросятъ его явиться на сей святый соборъ и защищаться, потому что онъ обвиняется не въ маловажной винѣ [1]).

---

[1]) Дѣянія. III. 203—208.

Чрезъ нѣсколько дней послѣдовало второе засѣданіе Константинопольскаго собора, на которомъ Евсевій Дорилейскій обратилъ вниманіе собора на порядокъ суда надъ Несторіемъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ и предложилъ прочитать два посланія св. Кирилла, имѣющія важное значеніе для рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Оба посланія вмѣстѣ съ отрывками изъ дѣяній Ефесскаго собора были прочитаны и всѣми присутствующими епископами признаны за образецъ истиннаго церковнаго вѣрованія по вопросу, возбужденному Евтихіемъ. Въ этихъ посланіяхъ св. Кирилла отцы собора нашли норму для сужденія о новомъ ученіи. распространяемомъ Евтихіемъ [2]).

Третье засѣданіе открывается словами Евсевія: четвертый день истекъ сегодня, какъ я воззвалъ къ вашей святости, требуя пригласить на святый соборъ Евтихія, обвиняемаго мною въ искаженіи православныхъ догматовъ. Прошу, чтобы посланные къ нему сказали, какой они получили отъ него отвѣтъ.

Узнавъ отъ нотаріевъ, что послами были отправлены пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей и что они оба находятся на лицо, архіеп. Флавіанъ сказалъ: пусть предстанутъ они предъ святымъ соборомъ, и пусть скажетъ сперва почтеннѣйшій пресвитеръ и экдикъ Іоаннъ, ходилъ ли онъ вызывать пресвитера и архимандрита Евтихія, видѣлъ ли его и что отъ него слышалъ?

Вызванный къ отвѣту, пресвитеръ Іоаннъ разсказалъ, что онъ ходилъ въ монастырь вмѣстѣ съ діакономъ Андреемъ, прочиталъ Евтихію обвинительную записку, вручилъ ему копію съ нея, назвалъ имя обвинителя и предъявилъ вызовъ къ отвѣту предъ епископами. Евтихій совершенно отказался придти на соборъ для оправданія, ссылаясь на то, что—1) у него издавна положено за правило никогда и никуда не отлучаться отъ своего братства, а жить въ монастырѣ, нѣкоторымъ образомъ какъ въ гробѣ и 2) будто бы Евсевій—давній врагъ его и взвелъ на него это обвиненіе по ненависти и непріязни. Къ этому Евтихій прибавилъ, что онъ готовъ согласиться съ изложеніемъ св. отцевъ, составлявшихъ соборъ въ Никеѣ и Ефесѣ, и подписать ихъ толкованія; но если встрѣтится у

[1]) Ibid. III. 209—249.

нихъ въ нѣкоторыхъ словахъ что-нибудь ложное или погрѣшительное, этого онъ и не отвергаетъ, и не принимаетъ, а испытываетъ одно только Писаніе, какъ твердѣйшее отеческихъ изложеній. Послѣ воплощенія Бога Слова онъ покланяется одному естеству—естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчившагося.... Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся упостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцевъ, и если случится ему у кого либо вычитать что-нибудь подобное, онъ не приметъ этого, потому что Божественное Писаніе превосходнѣе ученія отцевъ. Въ заключеніе Евтихій исповѣдалъ, что родившійся отъ Дѣвы Маріи есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, не имѣющій плоти, единосущной намъ.

Флавіанъ: это слышалъ ты одинъ или и отправленный съ тобою діаконъ Андрей? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Флавіанъ предложилъ діакону Андрею сообщить то, что онъ слышалъ. Послѣ того, какъ второй посолъ подтвердилъ показанія своего предшественника—Іоанна, послѣдній заявилъ, что во время бесѣды съ Евтихіемъ присутствовалъ еще діаконъ Аѳанасій, обыкновенно сопровождающій Василія, еп. Селевкійскаго. По приказанію Флавіана, былъ приведенъ этотъ діаконъ, поставленъ на средину судебной палаты и подвергнуть допросу, который вполнѣ подтверждалъ донесенія посланныхъ къ Евтихію.

По окончаніи допроса, обвинитель обращается къ собору съ просьбою отправить къ Евтихію второе посольство, хотя и теперь уже, изъ показаній трехъ свидѣтелей, достаточно выяснился нечестивый образъ мыслей его.

Флавіанъ, находя причины неявки на соборъ, выставленныя Евтихіемъ, неосновательными, а просьбу Евсевія согласною съ канонами, отвѣтилъ: о, если бы онъ, придя сюда и сознавъ свое заблужденіе раскаялся!.. Посему посланные теперь почтеннѣйшіе пресвитеры Мама и Ѳеофилъ, отдавъ ему нашу вызывную грамоту, пусть убѣдятъ его придти на святый соборъ, соблазняемый не только обвинительною противъ него запискою, но и донесеніями Іоанна, Андрея и Аѳанасія.

Если онъ придетъ сюда и отвергнетъ прежнее свое нечестіе, то получитъ прощеніе, какое обыкновенно мы даемъ раскаявающимся.

Евсевій: пусть ваша святость напередъ прикажетъ прочитать высказанную отъ святаго собора вызовную грамоту, чтобы она внесена была въ памятныя записки.

Послѣдовало чтеніе самой грамоты, гласящей слѣдующее: „Нынѣ мы вызываемъ тебя этимъ вторымъ вызовомъ, чрезъ почтеннѣйшихъ пресвитеровъ Маму и Ѳеофила, придти безъ замедленія на святый соборъ для оправданія; ибо ты обвиненъ боголюбезнѣйшимъ еп. Евсевіемъ въ томъ, что ты мудрствуешь противно вѣрѣ и кое съ кѣмъ говорилъ объ этомъ. И такъ, безъ всякаго отлагательства явись на соборъ, дабы ты, какъ избѣгающій личнаго обвиненія, не подвергнулся наказаніямъ божественныхъ правилъ. Неразумно въ оправданіе себя говорить, что ты рѣшился не выходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ вещахъ".

Въ то время, какъ святый соборъ ожидалъ возвращенія отправленныхъ къ Евтихію пресвитеровъ, Евсевій, ставъ на средину, заявилъ, что онъ слышалъ, будто бы Евтихій разсылаетъ по окрестнымъ монастырямъ какую-то статью о вѣрѣ и ею возбуждаетъ монаховъ къ волненію. Въ подтвержденіе этого новаго обвиненія Евсевій указалъ на пресвитера Авраамія. Выставленный обвинителемъ свидѣтель былъ приведенъ въ судебную палату и допрошенъ. Сообразно съ его показаніями, соборъ отправилъ нѣсколькихъ лицъ въ разные монастыри собрать точныя свѣдѣнія касательно Евтихіевой статьи о вѣрѣ.

Когда окончены были эти распоряженія, нотарій Аецій доложилъ собору о возвращеніи втораго посольства къ Евтихію. Спрошенные о результатахъ (каждый—по очереди) послы сообщили слѣдующее: придя къ монастырю, гдѣ жилъ Евтихій, они встрѣтили тамъ около воротъ множество монаховъ, которые сказали, что архимандритъ боленъ и принятьословъ не можетъ и что поэтому, если угодно, они могутъ передать ему, что нужно имъ или зачѣмъ они присланы. Когда послы на это не согласились, монахи вошли къ Евтихію и скоро снова возвратились оттуда съ какимъ то монахомъ Елевсиніемъ, который подтвердилъ первоначальное заявленіе монаховъ о болѣзни архимандрита и прибавилъ, что послѣдній поручилъ ему выслушать словъ. И только послѣ того, какъ послы рѣшительно заявили, что они обязаны, по порученію святаго собора, лично вручить архимандриту пригласительную

грамоту,—Евтихій принялъ ихъ. По прочтеніи грамоты, онъ сказалъ: „я положилъ за правило не выходить изъ монастыря, кромѣ смертной нужды. Святый соборъ и боголюбезнѣйшій архіепископъ видятъ, что я и старъ, и хилъ.... Если они хотятъ что-нибудь сдѣлать, пусть дѣлаютъ, что имъ угодно. Я прошу только одного—никого не безпокоить здѣсь въ другой разъ... И такъ, пусть они не думаютъ вызывать меня въ третій разъ, потому что это для меня тоже, какъ бы и вызывали они". При этомъ онъ давалъ посламъ какую-то бумагу для передачи собору, но они отказались принять ее.

Послѣ такого сообщенія Евсевій сказалъ: у виновнаго всегда есть извиненіе и предлогъ. чтобы только промедлить.... Я прошу употребить теперь противъ обвиненнаго силу святыхъ каноновъ; прикажите ему явиться сюда, даже противъ его воли.

Святый соборъ сказалъ: нужно и въ третій разъ убѣждать архимандрита Евтихія, чтобы онъ пришелъ на этотъ св. соборъ.

Флавіанъ· почтеннѣйшіе пресвитеры, хранитель священныхъ сосудовъ Мемнонъ и Епифаній и діаконъ Германъ, идите къ архимандриту Евтихію и вручите ему третью вызывную грамоту, чтобы онъ пришелъ и оправдался въ дѣлѣ, въ которомъ его обвиняютъ. Отправленная грамота была такова же по формѣ и содержанію, какъ и предъидущая, но въ ней соборъ уже предостерегаетъ подсудимаго, что упорный, не явившійся послѣ троекратнаго приглашенія, подлежитъ по церковнымъ канонамъ строгому наказанію, и назначаетъ окончательнымъ срокомъ для явки въ судъ—утро слѣдующаго дня (17 ноября) [1]).

Четвертое засѣданіе (16 ноября) открылось докладомъ нотарія Асклепіада о прибытіи на соборъ какихъ то монаховъ отъ Евтихія и архимандрита Авраамія, которые просятъ дозволенія войти,—что и было позволено имъ.

Когда они вошли, Флавіанъ спросилъ: зачѣмъ пришли?

Авраамій: мы посланы отъ архимандрита Евтихія.

Флавіанъ: что особеннаго?

---

[1]) Дѣянія. III 249—261.

Авраамій: архимандритъ боленъ; твоими молитвами онъ цѣлую ночь не могъ уснуть, стеная: не спалъ и я, когда стеналъ онъ; потому что онъ призвалъ меня еще вчера вечеромъ и поручилъ сказать нѣчто господину архіепископу.

Флавіанъ: мы подождемъ, не будемъ настаивать. Отъ Бога зависитъ даровать здравіе, а наше дѣло ожидать его выздоровленія. Мы желаемъ не отсѣченія, а приращенія. Мы дѣти человѣколюбія, а не жестокости.

Авраамій: клянусь стопами ногъ твоихъ, онъ объявилъ мнѣ и нѣчто другое; если меня спросишь объ этомъ, я скажу.

Флавіанъ: какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому? Еще болѣе мы подождемъ, не будемъ настаивать. Пусть онъ придетъ сюда, онъ придетъ къ отцамъ и братьямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ этомъ и соблазняются; обвинитель его настаиваетъ, и онъ долженъ оправдываться.... Раскаяніе не приноситъ стыда; но постыдно упорствовать въ грѣхѣ... Пусть онъ придетъ сюда, и когда онъ исповѣдуетъ свое прегрѣшеніе и анаѳематствуетъ его, мы простимъ его за прошедшее, а въ будущемъ онъ обезопаситъ насъ и святый соборъ тѣмъ, что будетъ мудрствовать согласно съ изложеніями св. отцевъ нашихъ, и вопреки этому уже не будетъ ни учить кого либо, ни разглагольствовать съ кѣмъ либо. Такъ должно сдѣлать, прошу тебя. Прежде нежели ты его узналъ, я уже зналъ его; и прежде нежели онъ тебя узналъ, онъ уже зналъ меня.

Авраамій: это такъ. клянусь стопами ногъ твоихъ.

Послѣ того, какъ всѣ встали, Флавіанъ прибавилъ: вы знаете ревность обвинителя? Самый огонь кажется ему холодомъ по причинѣ ревности о благочестіи. Это вѣдаетъ Богъ. Я убѣждалъ и просилъ, говоря: прошу тебя, подожди. Когда же онъ сталъ настаивать: что я долженъ былъ дѣлать? Неужели я желаю расточить васъ? Да не будетъ этого. Не болѣе ли я желаю собрать васъ? Расточать свойственно врагамъ, а отцамъ свойственно собирать [1]).

[1]) Ibid. III 261—264.

Пятое засѣданіе (17-го ноября) открывается докладомъ нотарія Аеція о прибытіи пословъ, отправлявшихся къ Евтихію съ третьимъ вызовомъ. По распоряженію Флавіана, они были приглашены въ судебную палату и первый изъ нихъ пресвитеръ Мемнонъ сообщилъ слѣдующее: прочитавъ пригласительную грамоту, Евтихій объявилъ, что еще вчера онъ послалъ архимандрита Авраамія къ архіепископу и святому собору съ тѣмъ, чтобы онъ отъ моего лица согласился со всѣмъ, что сказано какъ св. отцами, бывшими въ Никеѣ и въ Ефесѣ, такъ и блаженнымъ Кирилломъ.

Евсевій прерываетъ здѣсь сообщеніе Мемнона. Зная, что обвинителю, въ случаѣ недоказанности обвиненія, угрожаетъ наказаніе тальономъ, Евсевій, испуганный указаннымъ въ сообщеніи посла оборотомъ дѣла, восклицаетъ: онъ намѣренъ теперь согласиться! Я обвинялъ его не забудущее, а за прошедшее. Теперь, если нѣкоторые поднесли ему какое-нибудь изложеніе, говоря: по необходимости согласись и подпиши, то неужели поэтому я побѣжденъ?

Флавіанъ: никто не позволитъ ни тебѣ отступаться отъ обвиненія, ни ему не оправдываться въ прошедшемъ.

Евсевій: прошу не осуждать меня за это слово. Ибо я имѣю достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей, при которыхъ онъ училъ и проповѣдывалъ превратно и пробовалъ спорить; не однажды, не дважды, а очень часто я убѣждалъ его мудрствовать правильно, и онъ все-таки не пересталъ. Скажи заключеннымъ въ тюрьмѣ: отнынѣ не разбойничайте—и всѣ они обѣщаются.

Флавіанъ: никакого осужденія не можетъ быть твоей святости за сдѣланное тобою обвиненіе, хотя бы онъ тысячу разъ обѣщался подписать изложеніе святыхъ отцевъ. Ибо, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, онъ долженъ быть напередъ уличенъ въ томъ, въ чемъ обвиненъ и потомъ оправдываться.

Послѣ этихъ объясненій между обвинителемъ и предсѣдателемъ суда, посланный Мемнонъ сталъ продолжать свое сообщеніе: „Евтихій говорилъ намъ“, прибавилъ Мемнонъ, „что такъ какъ самъ я боленъ, то послалъ архимандрита Авраамія умолить архіепископа и святый соборъ, чтобы они дали мнѣ отсрочку на эту недѣлю; а на слѣдующей недѣлѣ, если будетъ угодно Богу, я приду и буду оправдываться предъ господиномъ и святымъ соборомъ.

Показаніе Мемнона было подтверждено и остальными двумя послами.

Непосредственно за этимъ, по предложенію Евсевія, слѣдовалъ допросъ посланныхъ въ разные монастыри комиссаровъ для изслѣдованія о статьѣ Евтихія. Изъ этого допроса обнаружилось съ несомнѣнностію, что Евтихій, дѣйствительно, посылалъ двумъ архимандритамъ—Мартину и Фавсту статью о вѣрѣ, содержащую будто бы сочиненія Кирилла Александрійскаго и дѣянія Ефесскаго собора, и просилъ подписаться подъ нею, но они рѣшительно отказались, не взирая на угрозы со стороны Евтихія: „если вы не согласитесь теперь со мною, то епископъ (Флавіанъ) унизитъ меня, а послѣ достанется и вамъ“. При этомъ Фавстъ просилъ показать ему эту статью въ цѣляхъ сличенія ея съ хранящимися у него списками дѣяній Ефесскаго собора, но послы Евтихія удалились, не исполнивъ его просьбы. Архимандриту Іову Евтихій не присылалъ статьи, но говорилъ, что на этихъ дняхъ пришлетъ къ нему статью архіепископъ, и просилъ не подписываться.

Основываясь на всѣхъ этихъ показаніяхъ, Евсевій сталъ настаивать на осужденіи Евтихія сообразно съ канонами. „Ибо производящій возмущенія и мудрствующій противно вѣрѣ, говорилъ онъ, достоинъ ли быть въ числѣ священниковъ Божіихъ и архимандритовъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ вы видите, что онъ изобличенъ и въ клятвопреступленіи; такъ какъ сказавъ, что у него опредѣлено не выходить и что монастырь есть гробъ для него, онъ обѣщаетъ придти, стараясь объ отсрочкѣ и употребляя другія хитрости, чтобы избѣжать обличенія и подвергнуться наказанію“.

Флавіанъ: все изложенное противъ архимандрита Евтихія достаточно показываетъ намъ, что онъ мудрствуетъ противно правой вѣрѣ и старался возмутить церковь; такъ что и теперь его должно подвергнуть канонической эпитиміи и лишить принадлежащаго ему священнаго сана и начальства надъ монастыремъ; но для болѣе полнаго изслѣдованія, мы даруемъ ему испрашиваемую имъ отсрочку; ибо такимъ образомъ, когда онъ придетъ, будетъ изобличенъ лично. Если же пресвитеръ и архимандритъ Евтихій, вопреки собственному обѣщанію, не явится во второй день слѣдующей недѣли, то есть 22 числа

настоящаго мѣсяца ноября, то окончательно будетъ лишенъ и пресвитерскаго сана, и начальства надъ монастыремъ [1]).

Шестое засѣданіе (20 ноября) открывается просьбою Евсевія, чтобы во второй день слѣдующей недѣли, въ который обѣщался явиться Евтихій, были приглашены на соборъ необходимыя для поднятаго имъ дѣла лица—монахи изъ монастыря Евтихія: пресвитеръ Нарсесъ, архимандритъ Максимъ и два діакона—Константинъ и Елевсиній. Предсѣдатель сдѣлалъ нотаріямъ соотвѣтствующее распоряженіе. Евсевій продолжалъ, что ему сдѣлалось извѣстнымъ, будто бы посланные къ Евтихію со вторымъ вызовомъ пресвитеры Мама и Ѳеофилъ не сообщили полностію всей бесѣды съ нимъ и потому желательно было бы снова допросить ихъ предъ святымъ Евангеліемъ. Вызванные вторично, они показали, что Евтихій вступилъ съ ними въ пренія о вѣрѣ, при чемъ рѣшительно отрицалъ два естества во Христѣ: „да не будетъ того, чтобы я (Евтихій) говорилъ, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ или разсуждалъ о естествѣ Бога моего.... Если буду осужденъ, монастырь будетъ мнѣ гробомъ. Если Богъ попуститъ мнѣ потерпѣть что-нибудь, я охотно пострадаю, но двухъ естествъ я не исповѣдую“.

Флавіанъ спросилъ пословъ, почему они, слыша такія слова о вѣрѣ, въ первый разъ умолчали о нихъ? Послы отвѣтили, что они были отправлены не для преній о вѣрѣ, а только вызвать Евтихія въ судъ, Поэтому, не будучи спрошены, считали излишнимъ говорить о томъ, на что не имѣли порученія [2]).

Слѣдующее засѣданіе (22 ноября) было назначено для окончательнаго разслѣдованія дѣла. Когда положено было на срединѣ св. Евангеліе и архіеп Флавіанъ занялъ предсѣдательское мѣсто, пресвитеръ и нотарій Астерій сказалъ: назначенный день насталъ и боголюбезнѣйшій еп. Евсевій, какъ обвинитель, стоитъ у дверей и проситъ позволенія войти.

Флавіанъ: пусть войдетъ. Затѣмъ обращаясь къ діаконамъ Филадельфію и Кириллу, приказалъ имъ идти и поискать почтеннѣйшаго пресвитера и архимандрита Евти-

---

[1]) Ibid. 264—271.
[2]) Ibid. 271—276.

хія—пришелъ ли онъ, согласно своему обѣщанію, и позвать на соборъ.

Спустя нѣсколько времени, посланные возвратились и сказали, что искали его по всей церкви, но не нашли ни его самого, ни кого либо изъ его близкихъ. Посланы были другіе два діакона, которые скоро возвратились и донесли собору, что самого Евтихія нигдѣ не нашли, а слышали, будто онъ намѣренъ придти съ великимъ множествомъ воиновъ, монаховъ и префекторскихъ служителей. И дѣйствительно, недолго собору пришлось находиться въ ожиданіи. Вскорѣ пресвитеръ Іоаннъ доложилъ о прибытіи Евтихія съ множествомъ воиновъ, монаховъ и служителей префекта преторій, которые соглашаются отпустить Евтихія подъ тѣмъ условіемъ, если соборъ обѣщается оставить его личность неприкосновенною; явился также посланный императоромъ силенціарій Магнусъ и стоитъ у дверей судебной палаты.

Флавіанъ сказалъ: пусть войдутъ.

Императорскій чиновникъ: благоволите принять письмо императора, которое, если угодно, я прочитаю. Письмо было прочитано. Въ немъ императоръ выражалъ желаніе, чтобы на соборномъ засѣданіи присутствовалъ патрицій Флоренцій, извѣстный за человѣка вѣрнаго и испытаннаго въ православіи. Соборъ согласился съ желаніемъ императора и обратился съ вопросомъ къ обвиняемому: не встрѣтится ли на это препятствій съ его стороны?

Евтихій отвѣтилъ: дѣлайте, что угодно Богу и вашей святости; я поручаю себя вамъ.

Когда Флоренцій явился въ судебную палату, по приглашенію Флавіана, послѣдій сказалъ: пусть станутъ на срединѣ обвинитель и обвиняемый и пусть будутъ прочитаны сначала акты по дѣлу между боголюбезнѣйшимъ епископомъ Евсевіемъ, и почтеннѣйшимъ пресвитеромъ и архимандритомъ Евтихіемъ, дабы мы, руководясь предъидущимъ, могли дать начатому дѣлу рѣшеніе, согласное съ справедливостью и святыми канонами.

Нотарій Аеціи приступилъ къ чтенію дѣяній. Когда прочитано было ученіе св. Кирилла о воплощеніи Іисуса Христа, Евсевій сказалъ: клянусь стопами вашими—онъ не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ; но вопреки этому и мудрствовалъ и говорилъ всякому къ нему приходящему и училъ.

Флоренцій: если угодно вашей святости, пусть спросятъ о Евтихія, согласенъ ли онъ съ этимъ?

Евсевій возразилъ на это, что предварительно слѣдуетъ прочитать все дѣяніе, уже достаточно изобличающее неправомысліе Евтихія и что онъ опасается, какъ бы не подвергнуться осужденію, если Евтихій согласится теперь на принятіе ученія св. Кирилла о Сынѣ Божіемъ. Въ виду такихъ опасеній Евсевій заявляетъ собору, что онъ проситъ суда надъ Евтихіемъ за прежній образъ его мыслей, а не за настоящій. Когда Флавіанъ успокоилъ Евсевія на этотъ счетъ, заявивъ, что „бывшее уже дѣяніе никогда не потеряетъ своей силы", тогда послѣдній обратился къ обвиняемому Евтихію съ вопросомъ: согласенъ ли онъ съ прочитаннымъ изложеніемъ блаженной памяти Кирилла и исповѣдуетъ ли соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и въ одной упостаси или нѣтъ?

Флавіанъ: слышалъ ты, пресвитеръ Евтихій, что сказалъ твой обвинитель? И такъ скажи, исповѣдуешь ли ты соединеніе двухъ естествъ?

Евтихій: такъ, изъ двухъ естествъ.

Евсевій: Исповѣдуешь ли ты, господинъ архимандритъ, два естетства послѣ воплощенія и признаешь ли, что Христосъ единосущенъ намъ по плоти или нѣтъ?

Евтихій: я пришелъ не разсуждать, а внушить вашей святости, какъ я мудрствую. А какъ я мудрствую, написано въ этой бумагѣ. Прикажите прочитать ее.

Флавіанъ: читай самъ.

Евтихій: не могу.

Флавіанъ: почему? Ты ли изложилъ, или это изложеніе другаго? Если твое, то читай самъ.

Евтихій: мое изложеніе, а слововыраженіе равное тому, какое у святыхъ отцевъ.

Флавіанъ: какихъ отцевъ? Говори самъ собою, что за нужда тебѣ въ бумагѣ?

Евтихій: я вѣрую такъ—поклоняюсь Отцу съ Сыномъ и Сыну съ Отцемъ, и святому Духу съ Отцемъ и Сыномъ. Исповѣдую, что плотское пришествіе Его совершилось изъ плоти святой Дѣвы и что Онъ совершенно вочеловѣчился ради нашего спасенія. Такъ я исповѣдую предъ Отцемъ, и Сыномъ, и св. Духомъ и вашею святостію.

Флавіанъ: исповѣдуешь ли ты, что одинъ и тотъ же Сынъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единосущенъ Отцу по божеству и единосущенъ Матери по человѣчеству?

Евтихій: поручивъ себя вашей святости, я сказалъ, какъ я мудрствую объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Ни о чемъ другомъ еще меня не спрашивайте.

Флавіанъ: исповѣдуешь ли ты теперь, что Христосъ изъ двухъ естествъ?

Евтихій: исповѣдуя Бога моего, Господа неба и земли, я до сихъ поръ не позволялъ себѣ разсуждать о Его естествѣ; признаюсь, я до нынѣ не признавалъ прежде, что Онъ единосущенъ намъ.

Флавіанъ: ты не признаешь Его единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству?

Евтихій: до сего дня я не признавалъ тѣло Господа и Бога нашего единосущнымъ намъ, но святую Дѣву исповѣдую единосущною намъ и исповѣдую, что отъ Нея воплотился Богъ нашъ.

Флавіанъ: и такъ, единосущна ли намъ Дѣва, отъ которой воплотился Владыка Христосъ?

Евтихій: я уже сказалъ, что Дѣва единосущна намъ.

Евсевій: если Матерь единодущна, то и Онъ: ибо Онъ названъ сыномъ человѣческимъ. И такъ, если Матерь единосущна намъ, то и Онъ единосущенъ намъ по плоти.

Евтихій: я согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы теперь говорите.

Флоренцій: Когда Матерь единосущна намъ, то безъ сомнѣнія и Сынъ единосущенъ намъ.

Евтихій: до сего дня я не признавалъ этого, ибо такъ какъ я исповѣдую самое тѣло Божіе,—вникнулъ ли ты? —то я не признавалъ тѣло человѣка тѣломъ Бога, а человѣческимъ тѣломъ, и исповѣдую, что отъ Дѣвы воплотился Господь; если же должно признавать Его отъ Дѣвы и единосущнымъ намъ, то я и это признаю, господинъ; и кромѣ того, исповѣдую Его Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, Господомъ неба и земли, владычествующимъ и царствующимъ вмѣстѣ съ Отцемъ, съ которымъ Онъ возсѣдитъ и прославляется. Вначалѣ я не говорилъ, а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ сказала.

Флавіанъ: слѣдовательно, ты по необходимости, а не добровольно истинную вѣру исповѣдуешь?

Евтихій: теперь господинъ, я точно таковъ. До сего часа я боялся говорить; такъ какъ я знаю, что Господь есть Богъ нашъ, то и не позволялъ себѣ разсуждать о естествѣ Его, а такъ какъ ваша святость дозволяетъ и учитъ этому, то говорю.

Флавіанъ: мы не вводимъ новостей, но такъ изложили отцы; и какъ изложена ими вѣра, такъ вѣруемъ и желаемъ, чтобы всѣ пребывали въ этомъ и не было никакой новизны.

Флоренцій: признаешь ли ты Господа нашего, родившагося отъ Дѣвы, единосущнымъ и изъ двухъ естествъ послѣ воплощенія, или нѣтъ?

Евтихій: исповѣдую, что Господь нашъ состоялъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество.

Святый соборъ сказалъ: тебѣ должно ясно исповѣдать и анаѳематствовать все, противное читаннымъ теперь догматамъ.

Евтихій: я сказалъ вашей святости, что прежде сего я не признавалъ, а теперь, такъ какъ ваша святость учитъ этому, признаю и слѣдую отцамъ. И въ Писаніи ничего яснаго не нашелъ я объ этомъ, и не всѣ отцы говорили это. Если я стану анаѳематствовать, то—увы мнѣ!—я буду анаѳематствовать отцевъ моихъ.

Святый соборъ, вставши воскликнулъ: „анаѳема ему“!

Флавіанъ: пусть скажетъ святый соборъ, чего достоинъ присутствующій и не исповѣдующій ясно правую вѣру и не желающій согласиться съ разсужденіемъ сего святаго собора, а упорствующій въ своемъ извращенномъ и худомъ мнѣніи?

Селевкъ, еп. Амасійскій, сказалъ: онъ достоинъ низложенія; впрочемъ, все зависитъ отъ человѣколюбія вашей святости.

Флавіанъ: если бы онъ, исповѣдавши собственный грѣхъ, убѣдился анаѳематствовать свое ученіе и согласиться съ нами, слѣдующими изложеніямъ св. отцевъ, тогда по справедливости онъ удостоился бы милости. Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то подвергается каноническимъ эпитиміямъ.

Евтихій: я признаю это, потому что вы теперь приказали; однакожъ не анаѳематствую, ибо что я признаю, то признаю по истинѣ.

Флоренцій: скажи, признаешь ли ты два естества и единосущіе намъ?

Евтихій: я читалъ писанія блаженнаго Кирилла, святыхъ отцевъ и святаго Аѳанасія: они признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія они признавали уже не два естества, а одно.

Флоренцій: скажи, исповѣдуешь ли ты два естества послѣ соединенія.

Евтихій: прикажите прочитать писанія святаго Аѳанасія, и вы узнаете, что ничего подобнаго онъ не говорилъ.

Василій, еп. Селевкіи Исаврійской, сказалъ: если ты не признаешь двухъ естествъ послѣ соединенія, то признаешь смѣшеніе и сліяніе?

Флоренцій: не признающій изъ двухъ естествъ и два естества вѣруетъ неправо.

Весь святый соборъ, вставши воскликнулъ: по принужденію нѣтъ вѣры! Многая лѣта императорамъ! Вѣра наша всегда побѣждаетъ! Онъ не согласенъ; зачѣмъ убѣждать его?

Флавіанъ: изъ всего—и изъ бывшихъ уже дѣяній и изъ теперешняго его собственнаго сознанія открывается, что Евтихій, бывшій пресвитеръ и архимандритъ, страждетъ заблужденіемъ Валентина и Аполлинарія и неизмѣнно слѣдуетъ ихъ злохуленіямъ. Не устыдившись нашего убѣжденія и внушенія, онъ не захотѣлъ согласиться съ истинными догматами. Посему, воздыхая и оплакивая совершенную его погибель, мы о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, имъ злословимомъ, опредѣлили отчуждить его отъ всякой священнической службы, общенія съ нами и начальства надъ монастыремъ. Пусть тѣ, которые послѣ этого будутъ разговаривать или сходиться съ нимъ, знаютъ, что и сами они будутъ повинны епитиміи отлученія, какъ не уклонявшіеся отъ бесѣды съ нимъ.

Этотъ приговоръ былъ одобренъ соборомъ, запечатлѣнъ собственноручною подписью архіепископа Флавіана, 31 епископа и 23 архимандритовъ, обнародованъ въ церквахъ Кон-

стантинопольской епархіи и разосланъ къ остальнымъ епископамъ [1]).

Прежде всего, какое начало—обвинительное или слѣдственное положено было въ основу церковнаго процесса вселенскаго періода? Надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только при свѣтѣ исторіи римскаго уголовнаго процесса.

Въ періодъ послѣ—цвесціонный (съ имп. Септимія Севера 192—211) въ римскомъ уголовномъ процессѣ настолько усиливается элементъ слѣдственный, что этотъ послѣдній постепенно вытѣсняетъ собою начало обвинительное и тѣмъ самымъ лишаетъ процессъ accusatio прежней жизненной силы, прежняго практическаго значенія. Однако нельзя представлять себѣ дѣло такъ, замѣчаетъ Гейбъ, что будто бы на ряду съ существовавшимъ доселѣ аккузаціонномъ производствомъ, которое съ внѣшней стороны продолжало сохранять свою первоначальную форму, возникло новое, совершенно обособленное и самостоятельное инквизиціонное производство и что, такимъ образомъ, существовали рядомъ два различныхъ вида процесса. Въ дѣйствительности же было такъ, что производство стало отличаться инквизиціоннымъ характеромъ—все равно, была ли для виду соблюдена форма аккузаціи или нѣтъ; только въ однихъ случаяхъ этотъ характеръ выступалъ съ большею ясностію, чѣмъ въ другихъ: во всякомъ случаѣ онъ никогда не исчезалъ совершенно и не проявлялся въ чистомъ видѣ [2]).

Въ исторіи постепеннаго развитія слѣдственнаго начала Гейбъ различаетъ три стадіи:

1) Низшую стадію составляетъ та форма процесса, гдѣ выступаетъ дѣйствительный обвинитель, но самое производство, хотя по внѣшней сторонѣ сохраняетъ всѣ характерныя особенности аккузаціи, но по своему существу уже нѣсколько измѣняется сравнительно съ прежнимъ временемъ и пріобрѣтаетъ инквизиціонный отпечатокъ. Очень рано возникло и пустило глубокіе корни въ государственной жизни воззрѣніе, по которому преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ должно лежать на обязанности самого государства, а не частныхъ

---

[1]) Дѣянія III. 276—296.

[2]) Geib. S. 522—523.

лицъ. Этимъ воззрѣніемъ прежде всего объясняется то громадное значеніе, какое имѣлъ институтъ доносчиковъ, фискаловъ (indices et quadruplatores), а равно и тотъ фактъ, что само правительство, въ цѣляхъ поощренія обвинителей, стало назначать имъ опредѣленное вознагражденіе [1]). Это же воззрѣніе привело къ тому, что допросъ подсудимаго и свидѣтелей сталъ производиться преимущественно самимъ судомъ, а не частными лицами; оно же содѣйствовало усиленію пытки, какъ средства къ открытію истины и т. д. Въ общемъ ходъ судопроизводства оставался аккузаціоннымъ, но какъ много, по мнѣнію Гейба—уже къ началу III вѣка было въ немъ инквизиціоннаго элемента [2]).

2) Вторую стадію въ развитіи слѣдственнаго начала составляетъ та форма процесса, гдѣ требовалось не формальное обвиненіе, а простое донесеніе (denuntiatio) должностныхъ или, гораздо рѣже, частныхъ лицъ, отсюда и самое производство, основывающееся на такихъ донесеніяхъ, носило спеціальное названіе „denuntiatio“. Оно развилось слѣдующимъ образомъ.

Послѣ паденія республики вся сумма власти сосредоточилась въ рукахъ императора, который, по своему усмотрѣнію, надѣлялъ властію различныхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Судебная юрисдикція въ Римѣ (а затѣмъ и въ Константинополѣ) передана была, главнымъ образомъ, praefectus urbi, на обязанности котораго лежала забота объ общественномъ порядкѣ (quies populariuin). Съ этою цѣлью имъ разставлены были въ городѣ полицейскіе солдаты (milites stationarii), которые должны были доносить ему обо всемъ случившемся. Въ провинціяхъ судебную юрисдикцію получили намѣстники (praesides, proconsules), которымъ вмѣнено было въ обязанность очищать провинціи отъ опасныхъ людей, наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и порядкомъ, отыскивать и наказывать преступниковъ,—въ особенности: поругателей святыни, уличныхъ мошенниковъ, воровъ, разбойниковъ и укрывателей преступленій. Намѣстнику помогали въ этомъ дѣлѣ подчиненные ему чиновники, носившіе различныя наименованія и составлявшіе его officium; между ними самое

[1]) Geib. S. 521—525.
[2]) Geib. S. 532—535.

видное мѣсто занимали stationarii и curiosi. Въ отдѣльныхъ городахъ за общественнымъ порядкомъ смотрѣли defensores и irenarchae.

Всѣ перечисленные чиновники доносили (denuntiaverunt—отсюда и самое названіе denuntiatio) соотвѣтствующему магистрату въ своихъ рапортахъ (elogia, notoria) все, что знали касательно совершенныхъ преступленій, важныхъ въ политическомъ или общественномъ отношеніи. Съ такими донесеніями могли выступать иногда и частныя лица, которымъ было присвоено особое названіе—delatores. Магистратъ, облеченный уголовной юрисдикціей, на основаніи донесеній обязанъ былъ возбудить уголовное производство, отличавшееся краткостію и быстротою (упрощенное или суммарное). Простота и скорость производства и объясняются именно тѣмъ, что въ качествѣ обвинителя выступали здѣсь должностныя лица ex officio, и потому разные отдѣльные, самостоятельные акты (postulatio, delatio, receptio etc.), характеризующіе формальное, торжественное аккузаціонное производство, были излишни; равнымъ образомъ, теперь не требовалось особаго разрѣшенія для ареста однихъ, вызова въ судъ другихъ—на все это уже имѣлъ право обвиняющій магистратъ. Разбирательство начиналось безъ всякаго промедленія (statim, quam celerrime). Указанное въ донесеніи и вызванное въ судъ лицо судья объявлялъ заподозрѣннымъ въ преступленіи и подвергалъ допросу, причемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣнялась пытка, чтобы добиться признанія виновности. Если разбирательство дѣла убѣждало магистрата въ томъ, что полицейскій агентъ или частное лицо сдѣлали умышленно несправедливый доносъ, то съ ними поступали, какъ съ обыкновенными калумніаторами. Обвинительный приговоръ надъ подсудимымъ тотчасъ же приводился въ исполненіе [1]).

---

[1]) Geib. S 527—532 Munchen. Das canonische Gerichtsverfahren und Strafrecht. 1865 S 418—428 Къ такимъ суммарнымъ процессамъ (denuntiatio) Мюнхенъ относитъ четыре процесса изъ новаго завѣта (Io VIII. 3—10; Лук XXIII 1—10; Дѣян XXII. 29 30. и Дѣян. XXXIV. 2) и процессы изъ эпохи гоненій на христіанъ. Въ качествѣ примѣра онъ приводитъ процессъ противъ св Поликарпа, еп. Смирнскаго. Съ мальчикомъ, который донесъ на св. Поликарпа, явились полицейскіе агенты. Они удивлялись его преклонному возрасту, бодрости духа и нѣкоторые говорили· что за нужда

Мы съ бо́льшею подробностью остановились на суммарномъ производствѣ въ виду того, что оно уже въ значительной степени является носителемъ инквизиціонной идеи и потому совершенно справедливо признается посредствующимъ звеномъ между аккузаціоннымъ производствомъ и инквизиціоннымъ [1]).

3) Третью—высшую стадію въ развитіи слѣдственнаго начала составляетъ то производство, при которомъ сами судьи выступали къ преслѣдованію преступленій ex officio, не дожидаясь ни формальнаго обвиненія, ни denuntiationem полицейскихъ агентовъ (agentes in rebus). Особенно сильнымъ толчкомъ къ развитію такого производства послужило то обстоятельство, что существовавшіе съ самыхъ первыхъ временъ имперіи высшіе государственные чиновники—praefectus urbi (при Августѣ—временная, съ имп. Тиберія—постоянная должность) и отчасти—praefectus vigilum (съ 6 года по Р. Хр.) и praefectus annonae (между 8 и 14 г.г. по Р. Хр.) при Септиміи Северѣ (въ 205 г.) получили уголовную юрисдицію по всѣмъ преступленіямъ, совершаемымъ въ Римѣ и intra centesimum milliarium отъ города. Этимъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ ordo judiciorum publicorum [2]). Сначала только при нѣкоторыхъ преступленіяхъ (воры, разбойники, sacrilegii, plagiarii, servi fugitivi. дезертиры, составители

хватать этого старца съ такою поспѣшностью? На встрѣчу св. Поликарпу выѣхалъ іренархъ Іеродій (Herodes) со своимъ отцемъ, посадилъ его къ себѣ и сталъ уговаривать: «что дурнаго въ томъ, говорилъ онъ, если ты назовешь императора богомъ и поклонишься ему; этимъ ты только спасешь себя». Проконсулъ спросилъ его: «Поликарпъ ли онъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ убѣждать его отречься отъ Христа. Но не смотря на всѣ увѣщанія и даже угрозы, св. Поликарпъ оставался непоколебимъ Тогда проконсулъ, раздраженный стойкостію въ вѣрѣ св. отца, послалъ въ амфитеатръ своего герольда и приказалъ ему трижды прокричать: «Поликарпъ сознался, что онъ христіанинъ». Послѣдовалъ приговоръ. Все произошло гораздо скорѣе, чѣмъ можно передать на словахъ. Народъ приносилъ дрова и сучья: іудеи были, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, особенно усердны въ своей работѣ Munchen S. 367. Not. 10; S. 427.

[1]) Gross Die Beweistheorie im canonisch. Process. Wien. 1867. S. 14; Munchen. s. 439; Seib. s. 651.

[2]) Bethmann Hollweg. Der Civilprocess... B III. s. 53. 65—66; Schulin. s 77. 592; Geib. s. 527.

анонимныхъ памфлетовъ и др.), а потомъ и при всѣхъ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ требовалось отъ магистрата примѣненіе власти по долгу службы, если формальный обвинитель не желалъ выступить, не существовало и denuntiatio, а преступленіе уже получило огласку. „Какъ въ древнемъ каноническомъ правѣ, замѣчаетъ Гейбъ, такъ называемое Notorium et infamia считались достаточными, чтобы замѣстить обвинителя и послужить основаніемъ къ возбужденію процесса, такъ имп. Константиномъ было предписано, чтобы publicae sollicitudinis cura считалась равносильною обвиненію и побуждала соотвѣтствующаго магистрата къ употребленію своей власти ex officio. И это предписаніе было не только принято Юстиніаномъ, но впослѣдствіи тѣмъ же императоромъ узаконено [1]) вмѣшательство магистрата ex officio въ болѣе широкихъ размѣрахъ“ [2]).

Однако, относительно слѣдственнаго производства до конца императорскаго періода не существовало какихъ либо твердыхъ правилъ: по справедливому замѣчанію Шулина, каждый магистратъ, производящій судъ, старался узнать правду тѣмъ способомъ, какой ему казался лучшимъ [3]). Такимъ образомъ, опредѣленнаго и однообразнаго чисто инквизиціоннаго процесса не существовало еще и теперь. „Какъ бы высоко ни оцѣнивать то вліяніе, пишетъ Гейбъ, которое все болѣе и болѣе пріобрѣтало слѣдственное производство, все же не нужно забывать, съ одной стороны, того, что инквизиціонный процессъ въ собственномъ смыслѣ былъ неизвѣстенъ настоящему (послѣ—квесціонному) періоду, съ другой—что уже больше не существовало вполнѣ обособленнаго чисто-аккузаціоннаго процесса [4]).

Вотъ тотъ историческій путь, который со временемъ привелъ къ окончательной замѣнѣ аккузаціоннаго производства инквизаціоннымъ.

Историческая судьба римско-византійскаго уголовнаго процесса не могла не остаться безъ вліянія на церковное судопроизводство періода вселенскихъ соборовъ. Какъ въ римско-византійскомъ процессуальномъ правѣ скоро получило

---

[1]) См Nov. 128. c. 21.

[2]) Geib. s. 526—527.

[3]) Schulin. s. 594. сн. Walter. B. II. s. 535—536; Geib. s. 650—651.

[4]) Geib. s. 536.

громадное значеніе воззрѣніе, по которому само государство въ лицѣ своихъ служебныхъ органовъ (а не частныя только лица) должно преслѣдовать преступленія въ интересахъ общественной безопасности, такъ точно церковный интересъ, аналогичный интересу государственному, вызвалъ въ церкви потребность, для удовлетворенія которой нужно было внести въ церковное судопроизводство слѣдственный элементъ. Безусловно справедливо говоритъ проф. Соколовъ, что „обвинительный процессъ въ дѣлахъ церковныхъ не могъ остаться съ характеромъ частнаго иска или жалобы. На церковную власть возложена была обязанность надзора за дѣйствіями и служебными отношеніями подчиненнаго ей духовенства; слѣдовательно, ей же необходимо было предоставить и право обвиненія въ случаяхъ замѣченнаго ею въ подчиненныхъ уклоненія отъ предписаній закона. Являясь въ подобныхъ случаяхъ въ качествѣ обвинителя, церковная власть, естественно, должна была обладать средствами для предварительнаго дознанія и изслѣдованія“ [1]). Съ этой точки зрѣнія присутствіе слѣдственнаго элемента въ нѣкоторой степени можно найти и въ церковномъ судопроизводствѣ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, такъ какъ церковная власть, конечно, и тогда имѣла право надзора за подчиненнымъ ей духовенствомъ. Но усиленіе слѣдственнаго элемента, усматриваемое отчасти во вселенскомъ законодательствѣ [2]), и главнымъ образомъ въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода, не можетъ не стоять въ связи съ соотвѣтствующими измѣненіями въ римскомъ процессѣ [3]). Какъ тамъ, хотя процессъ былъ обвинительный, сама судебная власть не только по просьбѣ обвинителя, но иногда и по собственной иниціативѣ предпринимаетъ

---

[1]) Прав. Обозр. 1870. II. 765—766.

[2]) См. напр. I вс соб 10 пр.

[3]) Гроссъ говоритъ. церковь очень рано пришла къ признанію того, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ея постановленіяхъ и дисциплинѣ, о наказаніи нарушителей ея, она должна дѣйствовать по собственной иниціативѣ. Выставивъ такое положеніе, онъ присовокупляетъ. «къ такому воззрѣнію церковь *пришла тѣмъ легче* (курсивъ нашъ), что въ уголовномъ процессѣ позднѣйшаго римскаго права идея инквизиціоннаго производства ясно выступаетъ въ трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія, какъ это доказалъ Гейбъ».— Gross. Die Beweistheorie.. s 8. прим. 2.

цѣлый рядъ дѣйствій, чтобы собрать возможно большее количество данныхъ для удостовѣренія въ фактической истинѣ событія, тоже самое мы видимъ и въ церковно-судебной практикѣ. Въ изложенномъ процессѣ архіеп. Флавіанъ, по просьбѣ обвинителя Евсевія, наряжаетъ слѣдственныхъ комиссаровъ въ разные монастыри.“ Святѣйшій архіепископъ сказалъ: по просьбѣ боголюбезнѣйшаго епископа Евсевія, пусть отправятся въ монастыри: въ находящіеся въ городѣ—пресвитеръ Петръ и діаконъ Патрикій, въ находящіеся въ Сикахъ—пресвитеръ Риторій и діаконъ Евтропій, а въ наход. въ Халкидонѣ—пресвитеры Павелъ и Іоаннъ, дабы узнать тамъ, посылалъ ли имъ преситеръ и архимандритъ Евтихій статью, убѣждая ихъ или предлагая подписаться“ [1]). Изъ процесса противъ св. Аѳанасія Александрійскаго, относящагося еще къ болѣе раннему періоду времени,—именно къ первой половинѣ IV вѣка, мы можемъ извлечъ доказательства въ пользу того, что судебная власть и по собственной иниціативѣ предпринимаетъ мѣры къ надлежащему уясненію фактическаго состава преступленія. Въ числѣ многихъ обвиненій, взведенныхъ на св. Аѳанасія, было, между прочимъ, обвиненіе въ томъ, будто въ области Мареотидской въ его присутствіи пресвитеръ Макарій совершилъ насиліе надъ совершавшимъ богослуженіе Исхирасомъ—мирянином, выдававшимъ себя за пресвитера,—опрокинулъ жертвенникъ, сломалъ евхаристическую чашу и сжегъ священныя книги. Но такъ какъ судъ чувствовалъ недостатокъ въ доказательствахъ этого обвиненія, выставленнаго потерпѣвшимъ Исхирасомъ, то счелъ необходимымъ нарядить въ Мареотиду особую комиссію для разслѣдованія преступленія на мѣстѣ и разъясненія сомнительныхъ обстоятельствъ [2]).

Кромѣ того, суммарное аккузаціонное производство—denuntiatio, возникавшее по доносу органовъ власти или частныхъ лицъ, и послужившее переходною ступенью къ инквизиціонному процессу, нашло себѣ широкое примѣненіе,

---

[1]) Дѣянія. III 256—257, сп. 268—270

[2]) Hefele I 457—459; Fessler. s. 34—40 Суворовъ—Объемъ дисциплинарнаго суда.. стр. 300 и слѣд. Правда, дѣйствія суда въ этомъ процессѣ могутъ быть объясняемы особенными побужденіями судей, ихъ личнымъ отношеніемъ къ подсудимому. это были злѣйшіе враги св. Аѳанасія. Однако никто, не только изъ епископовъ не заинтересованныхъ въ процессѣ св.

особенно въ западной церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода [1]).

Не смотря на усиленіе слѣдственнаго элемента, обвинительное начало въ церковномъ судопроизводствѣ разсматриваемаго періода, какъ и въ римско-византійскомъ, оставалось господствующимъ: обвиненіе чаще всего возбуждалось не органомъ власти ex officio, а частнымъ лицемъ, которому и принадлежала въ процессѣ главная роль, именно—на обязанности обвинителя лежало: подать обвинительную записку (libellus), представить доказательства, довести судей до убѣжденія въ справедливости своихъ заявленій и отвѣтить за послѣдствія неправильнаго или недоказаннаго обвиненія.

По преобладающему обвинительному принципу и самый процессъ вселенскаго періода слѣдуетъ назвать „accusatio".

Однако при этомъ необходимо замѣтить, что основная идея, руководившая обвинителемъ въ аккузаціонномъ производствѣ, нѣсколько измѣнилась теперь сравнительно съ до-Никейскимъ періодомъ. Церковный процессъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства отличался, какъ мы уже говорили, двойственною природою: дисциплинарною и карательною, причемъ первая—дисциплинарная или духовно-исправительная, нравственная имѣла преобладающее значеніе: обвинитель имѣлъ въ виду не столько покарать согрѣшившаго брата, отмстить ему за совершенную несправедливость, сколько воздѣйствовать на него въ цѣляхъ нравственнаго исправленія. Въ церковномъ же процессѣ періода вселенскихъ соборовъ наблюдается скорѣе обратное отношеніе между указанными сторонами, или, во-всякомъ случаѣ, карательная сторона выступаетъ теперь съ бо́льшею ясностію, чѣмъ прежде. Правда, церковь и теперь принимаетъ

Аѳанасія, но и изъ епископовъ, искренно сочувствовавшихъ св. Аѳанасію, каковы епископы Египта, Ливіи и Пентаполя и даже самъ подсудимый не считалъ самаго факта отправленія слѣдственной комиссіи за дѣйствіе неправовѣрное. Въ своемъ окружномъ посланіи въ защиту св. Аѳанасія епископы Египта-Ливіи и Пентаполя порицаютъ только произволъ, насиліе и явное нарушеніе правилъ судопроизводства, допущенные комиссіей при разслѣдованіи дѣла въ Мареотидѣ. См. Защитительное слово Аѳанасія противъ аріанъ. Творенія. 208—210. Тоже самое порицалъ и папа Юлій. Ibid. 217—239.

[1]) Примѣры см. у München'a. s. 429—438.

всѣ мѣры, чтобы обратить преступника на правый путь, но самъ обвинитель, быть можетъ, подъ вліяніемъ сильной религіозной ревности, направляетъ дѣло къ тому, чтобы обвиняемый былъ наказанъ. И это измѣненіе произошло не безъ вліянія римскаго уголовнаго процесса, отличавшагося виндикативнымъ характеромъ: обвинитель выступалъ здѣсь въ качествѣ мстителя (vindex) за попранную справедливость, требующаго возмездія или наказанія обвиняемому имъ лицу. „Публичная кара и возмездіе“ — вотъ что составляетъ цѣль римской accusatio [1]). Такой же характеръ сталъ усвоять и церковный процессъ. Отказъ Евсевія на предложеніе предсѣдателя суда — архіеп. Флавіана — еще разъ сходить къ архимандриту Евтихію съ цѣлію братскаго увѣщанія и вразумленія, уже даетъ достаточное основаніе заключать, что обвинитель, настойчиво требуя формальнаго разслѣдованія дѣла, искалъ наказанія подсудимому, сообразнаго съ канонами [2]). Съ непререкаемою очевидностію выступаетъ карательная сторона церковнаго процесса въ обвинительной запискѣ, представленной Халкидонскому собору тѣмъ же Евсевіемъ противъ Діоскора Александрійскаго:, „прошу и припадаю къ вашей святости: смилуйтесь надъ нами св. отцы... постановите, что все, учиненное противъ насъ не имѣетъ силы... скверное ученіе его (Діоскора) анаѳематствовать, слово благочестія утвердить, а его самого за продерзости очистить наказаніемъ, чтобы онъ въ продолженіе остальной жизни служилъ примѣромъ для вразумленія всѣхъ, которые бы вздумали поступать подобно ему [3]). Въ западной канонической литературѣ признается доказаннымъ, что ко времени папы Григорія Великаго (къ началу VII в.) церковный процессъ вполнѣ усвоилъ характеръ римской accusatio [4]).

Проникновеніе церковнаго судопроизводства виндикативнымъ характеромъ было причиною того, что въ церковномъ процессѣ, кромѣ accusatio въ римскомъ смыслѣ, стали различать еще особое, самостоятельное производство, отлившееся

---

[1]) Gottschalk s. 194.
[2]) Дѣянія. III. 207—208.
[3]) Ibid III. 557
[4]) См. напр. Gross s. 13.

въ западномъ процессуальномъ правѣ въ опредѣленную форму denuntiatio evangelica. Этимъ именемъ стали называть производство, основывающееся на словахъ Евангелія (отсюда предикатъ—evangelica) предписывающихъ—какъ обиженный долженъ относиться къ своему обидчику (Мѳ. XVIII. 15—18): онъ не долженъ мстить ему или добиваться кары, а долженъ постараться изъ любви къ нему, какъ согрѣшившему брату, усовѣстить его, вызвать въ немъ сердечное раскаяніе и желаніе нравственнаго исправленія, въ крайнемъ-же случаѣ обратиться за содѣйствіемъ къ церкви; но и эта послѣдняя мѣра, какъ и предшествующее увѣщаніе (caritativa admonitio) должна быть плодомъ братской любви; церковь въ свою очередь старается вразумить виновнаго и въ случаѣ его нераскаянности лишаетъ церковнаго общенія. Изъ чувства братской любви, не только обиженный, но и всякій посторонній можетъ обратиться съ донесеніемъ къ церкви о чужомъ тяжкомъ прегрѣшеніи, а тѣмъ болѣе, конечно, лица начальствующія въ церкви, на которыхъ возложено попеченіе о нравственной жизни членовъ церкви. Такимъ образомъ, denuntiatio evangelica есть производство, при которомъ хотя и выступалъ опредѣленный обвинитель, но такъ какъ онъ руководился исключительно братскими чувствами, то былъ свободенъ отъ соблюденія разныхъ формальностей и отъ строгой отвѣтственности въ случаѣ недоказанности обвиненія. Этимъ denuntiatio evangelica и отличается отъ аккузаціоннаго процесса въ римскомъ смыслѣ [1]).

Обращаемся къ изложенію судебной процедуры формальнаго аккузаціоннаго производства.

Церковный аккузаціонный процессъ, какъ видно изъ представленнаго примѣра, распадался на двѣ части, отдѣлявшіяся одна отъ другой иногда довольно значительнымъ промежуткомъ времени: 1) предварительное производство и 2) главное [2]). Предварительное производство по своей внѣш-

---

[1]) München s. 441—446 Denuntiatio evangelica не слѣдуетъ смѣшивать съ суммарной аккузаціей или denuntiatio въ собственномъ смыслѣ, называемою нѣкоторыми канонистами denuntiatio judicialis; послѣдняя не вытекаетъ изъ чувства братской любви и потому не знаетъ никакой admonitio caritativa. München. s 443—444 446

[2]) Въ самыхъ канонахъ церковныхъ можно найти указаніе на то, что

ней структурѣ въ общихъ чертахъ представляетъ точный снимокъ съ предварительнаго же производства въ римскомъ уголовномъ процессѣ. Во времена quaestiones perpetuae подготовительная часть римскаго уголовнаго процесса состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ актовъ. Начальный актъ заключался въ томъ, что каждый, желающій выступить съ обвиненіемъ, долженъ былъ явиться къ претору или судьѣ квесціи, какъ предсѣдателю судебнаго учрежденія, и просить у него позволенія на обвиненіе такого-то гражданина; на обязанности претора лежало—удостовѣриться въ правоспособности обвинителя начинать уголовный процессъ противъ указаннаго имъ лица. Этотъ актъ носилъ названіе postulatio или nomen deferre. Если нѣсколько лицъ желали возбудить одно и тоже обвиненіе, то имѣло мѣсто, такъ называемое, divinatio, т. е. пренія о пріоритетѣ, которыя разрѣшались магистратомъ (иногда—самымъ судомъ), принимавшимъ во вниманіе личныя качества конкуррентовъ, ихъ опытность, отношенія къ обвиняемому и пр.; съ избраніемъ главнаго обвинителя, всѣ остальные поступали въ разрядъ subscriptores.

Слѣдовавшій за postulatio актъ носилъ названіе nominis vel criminis delatio и состоялъ въ томъ, что обвинитель, въ присутствіи претора, формулировалъ обвиняемому сущность возводимаго на него обвиненія. Такъ какъ обвиняемый, личное присутствіе котораго было необходимо при nominis delatio, могъ находиться въ отсутствіи, то римскимъ процессульнымъ правомъ требовалось—послѣ postulatio формально извѣщать обвиняемаго или его родственниковъ, чтобы онъ въ назначенный день явился in jure для выслушиванія обвиненія.

Если обвиняемый присутствовалъ при nominis delatio, то непосредственно за этимъ актомъ происходилъ новый актъ—interrogatio, состоявшій въ томъ, что обвинитель предлагалъ обвиняемому вопросы съ цѣлію уясненія нѣкоторыхъ пунктовъ обвиненія.

главное производство открывалось не непосредственно за обвиненіемъ, а послѣ нѣкотораго промежутка времени, назначавшагося для того, чтобы подсудимый имѣлъ возможность приготовиться къ оправданію. См. напр. I пр. св. Кирилла Александрійскаго.

По окончаніи interrogatio, преторъ заноситъ главные пункты обвиненія въ особый протоколъ (inscriptio), подлинность котораго удостовѣрялась собственноручною подписью обвинителя (subscriptio).

Наступалъ послѣдній актъ предварительнаго производства—nominis receptio: преторъ формально и публично объявлялъ, что противъ такого-то лица принято имъ обвиненіе въ такомъ-то преступленіи. Съ этого момента обвиняемый становился въ положеніе лица, находящагося подъ судомъ (reatus) и назывался reus, а обвинитель не могъ уже отказаться отъ своего обвиненія. Находясь in reatu, обвиняемый былъ значительно ограниченъ въ своей правоспособности на все время судопроизводства: онъ не могъ занять общественной должности и вообще никакого почетнаго мѣста, пока не былъ оправданъ по суду, даже и въ томъ случаѣ, если бы числился уже кандидатомъ на это мѣсто, такъ какъ по римскому праву никакой магистратъ не могъ быть привлеченъ къ суду во время отправленія служебныхъ обязанностей или въ теченіи своего lustrum; если reus былъ чиновникъ, то онъ до оправдательнаго приговора не могъ быть переведенъ на высшую по рангу должность; равнымъ образомъ, reus не могъ выступать въ качествѣ обвинителя и свидѣтеля.

Вмѣстѣ съ nominis receptio преторъ назначалъ день (diei dictio), въ который стороны должны были явиться in judicio—на судъ присяжныхъ для окончательнаго изслѣдованія обвиненія. Время до наступленія срока главнаго производства посвящалось сторонами приисканію доказательствъ (conquisitio) для обвиненія и защиты [1]).

Въ императорскій періодъ замѣчается стремленіе, съ одной стороны, упростить квесціонный процессъ въ предварительной его части (in jure), съ другой, согласовать его съ духомъ все болѣе и болѣе развивающагося инквизиціоннаго производства. Пока существовали quaestiones perpetuae, подготовительныя дѣйствія, происходившія предъ преторомъ—in jure, имѣли громадное значеніе: главною задачею претора было—подготовить каждый процессъ со стороны юридической

---

[1]) Geib s 265—286; Walter. B II. S. 516—517; Schulin. s. 560—562; Загурскій. 308—319.

для дальнѣйшаго публичнаго разбирательства in judicio—часто предъ такими присяжными (judices editicii vel selecti), которые не обладали никакимъ юридическимъ образованіемъ [1]). Въ силу этого преторъ долженъ былъ отнестись къ своей дѣятельности съ особеннымъ вниманіемъ и стараніемъ. Вотъ почему предварительное производство предъ преторомъ и отлилось въ такую форму, которая поражаетъ строгою пунктуальностію, правильностію и раздѣльностію своихъ частей. Когда ordo judiciorum publicorum, характеризующійся дѣленіемъ производства на jus и judicium, былъ упраздненъ имп. Септиміемъ Северомъ (въ 205 г.) и мѣсто его, въ качествѣ нормальнаго порядка, заняль процессъ extra ordinem, гдѣ обладающій юрисдикціей магистратъ отъ начала до конца функціонируетъ, какъ единственный судья, предварительное производство, хотя и продолжало составлять обособленную часть процесса, однако утратило уже свое первоначальное значеніе и все болѣе и болѣе стало сокращаться и упрощаться.

Прежде всего, postulatio и divinatio перестали существовать въ качествѣ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ актовъ предварительнаго производства. Правда, основаніе прежней postulatio—абсолютная или относительная неспособносрь нѣкоторыхъ лицъ къ обвиненію—оставалось въ полной силѣ и теперь; не утратилъ своего значенія и прежній принципъ, дозволяющій выступать въ уголовномъ процессѣ только одному главному обвинителю; слѣдовательно, обладающій юрисдикціей магистратъ и теперь обязанъ былъ, съ одной стороны, убѣдиться въ томъ, удовлетворяетъ ли обвинитель всѣмъ формальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему закономъ, съ другой—изъ нѣсколькихъ лицъ, ищущихъ jus accusandi, избрать одного—главнаго обвинителя, руководствуясь соображеніями цѣлесообразности, но все это совершалось одновременно съ nominis delatio и притомъ однимъ магистратомъ, безъ привлеченія его consilium'a, такъ что самые термины postulatio и divinatio стали выходить изъ употребленія Предварительное производство стало начинаться теперь прямо съ nominis delatio, которая была возможна и при отсутствіи обвиняемаго. Отсюда

---

[1]) О способахъ избранія судей—editio и sortitio можно подробно читать у Загурскаго. 346—355.

слѣдуетъ, что interrogatio, осуществимая только при наличности обвиняемаго, должна была утратить характеръ обязательнаго, самостоятельнаго акта судопроизводства, тѣмъ болѣе что прежнее формальное приглашеніе обвиняемаго къ nominis delatio совсѣмъ не считалось необходимымъ. Въ виду этого Гейбъ говоритъ, что если ранѣе „присутствіе обвиняемаго при nominis delatio было правиломъ, то къ концу императорскаго періода оно стало простымъ исключеніемъ“ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, хотя бы и очень рѣдкихъ, когда обвиняемый присутствовалъ при nominis delatio, обвинитель, а равно и судья, обращались къ нему съ вопросами съ цѣлію точнѣе установить главные пункты обвиненія—что и соотвѣтствовало прежней interrogatio

Непосредственно къ nominis delatio примыкали inscriptio и subscriptio обвинителя; но потомъ чаще сталъ практиковаться такой способъ: обвинитель подавалъ написанную въ установленной формѣ и подписанную имъ обвинительную записку (libellus), въ которой были указаны главные пункты обвиненія. Если судъ находилъ обвинительную записку неудовлетворительною въ какомъ нибудь отношеніи, то возвращалъ ее подавшему съ требованіемъ представить новую. Заключительнымъ актомъ, какъ и прежде, было nominis receptio со всѣми послѣдствіями для той и другой стороны, причемъ обвинитель ставилъ себя подъ строгую отвѣтственность за ложное или недоказанное обвиненіе (наказаніе тальономъ). Назначеніе срока для главнаго производства зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія магистрата.

Такимъ образомъ, предварительное производство, особенно съ IV вѣка, не отличалось уже тою строгою раздѣльностію своихъ составныхъ частей, какую оно имѣло во времена quaestiones perpetuae: если и существовали еще теперь nominis delatio, inscriptio et subscriptio и nominis receptio, то и эти три момента настолько тѣсно сливались между собою, что отличались другъ отъ друга больше по имени, чѣмъ по существу. Строго говоря, все предварительное производство концентрировалось теперь въ одномъ актѣ: судъ или выслушивалъ устное обвиненіе и заносилъ его въ особый протоколъ, под-

[1]) Geib s 550—551

писанный обвинителемъ, или принималъ составленную самимъ обвинителемъ записку и помѣщалъ ее въ свои регистры [1]).

Тоже самое мы видимъ и въ церковно-судебной практикѣ, начиная съ IV вѣка. Желающій выступить съ обвиненіемъ представлялъ компетентному суду составленную имъ обвинительную записку—libellus, замѣнявшую inscriptio, въ которой указывалъ обвиняемаго, точно обозначалъ предметъ обвиненія и скрѣплялъ собственноручною подписью (subscriptio). Получивъ обвинительную записку, судъ прочитывалъ ее (вм. устной формулировки обвиненія—nominis delatio) и не находя никакихъ формальныхъ препятствій къ принятію обвиненія, заносилъ „въ памятники для точнаго изслѣдованія дѣла“ (nominis receptio). Въ этомъ именно и состояли подготовительныя дѣйствія въ изложенномъ нами процессѣ Евсевія Дорилейскаго противъ архим. Евтихія (первое засѣданіе [2]).

---

[1]) Geib. s. 545—560

[2]) Образцы libellus съ subscriptio обвинителя см Дѣянія. I. 466—474. 744—746; II 5—8 24—26; III 143—145. 356—357. 405—408. 436—439. 555—558 571—574 575—581 и мн. др Nominis receptio—см. III. 208. 571 582 588 и др. Libellus была настолько прочно установившеюся формальностію, что въ процессахъ вселенскаго періода мы встрѣчаемъ только нѣкоторыя указанія на возможность ограничиться устнымъ обвиненіемъ вмѣсто представленія формальной libellus. Діаконъ Александрійской церкви Ѳеодоръ жаловался Халкидонскому собору на своего епископа Діоскора, говоря «Діоскоръ, безъ всякаго письменнаго обвиненія противъ меня, *даже безъ всякой простой жалобы* (т. е. устной), въ началѣ своего епископства исключилъ меня изъ клира» Дѣянія III. 572. Ср IV. 207.

Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что въ процессахъ вселенскаго періода мы почти совершенно не встрѣчаемъ примѣровъ того изслѣдованія, которое обязанъ произвести судъ для удостовѣренія въ томъ, что обвинитель удовлетворяетъ всѣмъ формальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему положительнымъ вселенскимъ законодательствомъ. Но это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что лица, выступавшія въ качествѣ обвинителей были уже извѣстны суду. Такъ, напр. если архіеп. Флавіанъ, предсѣдатель суда на Константинопольскомъ соборѣ 448 г., не поднимаетъ вопроса о личности обвинителя, то, конечно, потому, что Евсевій Дорилейскій былъ извѣстенъ суду, какъ человѣкъ «достойнѣйшій уваженія (Дѣянія III. 31), «мужъ вполнѣ знаменитый какъ славою учености и нравственными качествами, такъ и твердостію опроверженія еретиковъ». (III. 5). «Вы знаете ревность обвинителя»?—говорилъ на судѣ архіеп. Флавіанъ—«самый огонь кажется ему холодомъ по причинѣ ревности о благочестіи. Это вѣдаетъ Богъ» .. III. 264.

Какъ въ римскомъ процессуальномъ правѣ, такъ и въ церковно-судебной практикѣ возможны были случаи, когда судъ, находя записку (libellus), представленную обвинителемъ, неудовлетворительною, отказывался принять ее; такъ напр. если записка содержала въ себѣ обвиненіе неопредѣленнаго характера, то судъ или требовалъ подачи новой записки или приглашалъ обвинителя къ обстоятельному устному изложенію главныхъ пунктовъ обвиненія. Въ актахъ Бериτскаго собора 449 г, (читанныхъ въ Халкидонѣ 451 г.) по дѣлу Ивы Едесскаго говорится, что когда была прочитана обвинительная записка, представленная противъ Ивы его клириками „боголюбезнѣйшіе епископы воскликнули: поданная вами жалоба содержитъ *какое то общее обвиненіе*; *поэтому каждый изъ васъ пусть письменно изложитъ, въ чемъ имѣетъ обвинить и на какихъ пунктахъ хотѣлъ настаивать*. Самуилъ (одинъ изъ числа обвинителей) сказалъ: мы устно выскажемъ по порядку пункты предъ вашею святостію... Боголюбезнѣйшіе епископы сказали: *каждый пусть собственнымъ голосомъ заявитъ, настаиваетъ ли онъ на обвиненіи по поданнымъ пунктамъ*“ [1]).

Какъ въ римскомъ процессѣ, тамъ и въ церковномъ личное присутствіе обвиняемаго при предварительномъ производствѣ не признавалось необходимымъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь оно было только рѣдкостію или по выраженію Гейба „простымъ исключеніемъ“. Но если обвиняемый присутствовалъ, то и въ церковномъ процессѣ имѣло мѣсто нѣчто въ родѣ древней римской interrogatio. Такъ на Халкидонскомъ соборѣ путемъ такой interrogatio, обращенной къ подсудимому Діоскору, желавшему привлечь къ отвѣтственности и другихъ епископовъ за безчинія на соборѣ Ефесскомъ 449 г. (разбойничьемъ), было установлено судомъ, что Евсевій Дорилейскій обвиняетъ въ этихъ безчиніяхъ только одного Діоскора: „пусть Діоскоръ не ищетъ предлоговъ и не принуждаетъ меня обвинять другихъ, говоритъ Евсевій, кого я не желаю; потомучто, хотя бы я и былъ оскорбленъ другими, мнѣ позволительно было сдѣлать обвиненіе на одного, на кого бы я захотѣлъ“ [2]).

---

[1]) Дѣянія. IV. 207.

[2]) Дѣянія III. 159—164. 569. Сн. IV, 83—84.

Формальное принятіе судомъ обвиненія (nominis receptio), являющееся заключительнымъ моментомъ подготовительной части церковнаго процесса, сопровождалось такими же послѣдствіями для заинтересованныхъ сторонъ, какъ и въ римскомъ уголовномъ процессѣ, именно:

1) Обвинитель, согласно съ опредѣленіями положительнаго церковнаго законодательства (Карѳ. 28 и 29 пр.), уже не могъ отказаться отъ своего обвиненія. Въ изложенномъ процессѣ архіеп. Флавіанъ говоритъ обвинителю Евсевію: „никто не позволитъ тебѣ отступиться отъ обвиненія“ [1]) За уклоненіе отъ суда какъ въ римскомъ, такъ и въ церковномъ процессѣ грозила обвинителю строгая отвѣтственность—наказаніе тальономъ: subscriptio обвинителя подъ „libellus“ и обязывала его къ такой отвѣтственности, какъ мы уже видѣли изъ 6 пр. II го всел. собора, строго соблюдавшагося въ церковно-судебной практикѣ. На третьемъ вселенскомъ соборѣ св. Кириллъ Александрійскій говорилъ: „благоразуміе требуетъ, да это и необходимо, чтобы они (восточные епископы во главѣ съ Іоанномъ Антіохійскимъ) лично или доказали, что мы (св. Кириллъ и Мемнонъ) еретики и по ихъ словамъ, держимся мнѣній Аполлинарія, или, *если они откажутся придти и подтвердить доказательствами свое обвиненіе, сами подверглись бы этому обвиненію* (*т. е. въ ереси*)“ [2]). На Халкидонскомъ соборѣ папскій легатъ Пасхазинъ сказалъ діакону Ѳеодору, обвинителю Діоскора: „если онъ надѣется доказать взводимое имъ на Діоскора, пусть заявитъ собственными уставами, *ежели не хочетъ, чтобы опредѣленіе каноновъ обратилось противъ него самого*“ [3]).

2) Обвиняемый послѣ nominis receptio становился въ положеніе reatus и терпѣлъ такія же ограниченія своей правоспособности, какъ и reus по римскому праву: до оправдательнаго судебнаго приговора онъ не могъ быть, какъ намъ уже извѣстно изъ каноническихъ опредѣленій, обвинителемъ и свидѣтелемъ (II. 6. Карѳ. 146) и не могъ занять не только постоянной церковной должности, но и временной—свѣтской,

---

[1]) Дѣянія. III. 266. Сн 581—582, IV 216. и др.

[2]) Ibid. I 714.

[3]) Ibid. III. 570. Сн. I 732.

напр. быть императорскимъ делегатомъ по дѣламъ свѣтскаго правосудія. „Если кто-нибудь изъ еретичествующихъ будетъ опредѣленъ въ должность прежде, нежели будутъ разсмотрѣны правые догматы, (т. е прежде судебнаго разслѣдованія о еретичествующихъ), то необходимо разстроится все тѣло церкви, при общемъ разногласіи клира и народа“ [1]), читаемъ въ посланіи восточныхъ епископовъ имп. Ѳеодосію.

Такимъ образомъ, подготовительныя дѣйствія и ихъ юридическія послѣдствія въ церковномъ аккузаціонномъ процессѣ вселенскаго періода были таковы же, какъ и въ римскомъ уголовномъ процессѣ [2]).

Главное судопроизводство. По прошествіи нѣкотораго времени, назначеннаго для приготовленія сторонъ къ обвиненію и защитѣ (въ изложенномъ процессѣ 6 дней) открывалось главное разбирательство дѣла [3]). Такъ какъ здѣсь влія-

---

[1]) Ibid. I 822.

[2]) Къ совершенно инымъ выводамъ по данному вопросу пришелъ въ своемъ изслѣдованіи г. Заозерскій. «Церковный обвинительный процессъ, говоритъ онъ, также представлялъ собою двѣ главныя части, раздѣленныя между собою болѣе или менѣе долгимъ промежуткомъ времени, которое назначалось для приготовленія обвиняемаго къ оправданію Но здѣсь эта первая часть судопроизводства ограничивалась только принятіемъ отъ обвинителя его записки, допросомъ относительно его имени, сущности обвиненія и имени обвиняемаго. И все это производилось въ такой простой и краткой формѣ, что въ ней можно усмотрѣть только самое отдаленное сходство съ римскими postulatio, interrogatio, nominis receptio, inscriptio и subscriptio и т. п.» Церковный судъ... 308—309. Насколько справедливы такіе выводы— предоставляемъ судить самому читателю . Ошибочность ихъ объясняется тѣмъ, что говоря о церковномъ процессѣ IV-го и слѣдующихъ вѣковъ, г. Заозерскій сравниваетъ его въ предварительной части не съ *современнымъ* римскимъ процессомъ, а съ квесціоннымъ, существовавшимъ со времени учрежденія первой постоянной quaestio по lex Calpurnia въ 149 до Р. Хр.— до Септимія Севера (205 г по Р. Хр.), совершенно игнорируя то, что онъ нѣсколько выше сказалъ, хотя и черезчуръ кратко, о состояніи римскаго уголовнаго процесса въ послѣ—квесціонныя періодъ Зачѣмъ сравнивать подготовительныя дѣйствія церковнаго процесса съ предварительною частію римскаго—въ той формѣ, въ какой она уже не существовала?! Конечно, тутъ *можно усмотрѣть только самое отдаленное сходство!*

[3]) Подсудимый знакомился съ главными пунктами обвиненія во время предшествовавшаго формальному суду «троекратнаго увѣщанія».

ніе римскаго процессуальнаго права сказалось только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ, то, считая излишнимъ излагать весь ходъ главнаго судопроизводства въ римскомъ уголовномъ процессѣ, обращаемся прямо къ церковно-судебной процедурѣ.

Нечего и распространяться о томъ, что опредѣленія вселенскаго канона, признававшія безусловно необходимымъ во время главнаго судопроизводства личное присутствіе той и другой стороны, сохраняли свою полную силу въ церковно-судебной практикѣ. Относительно обвинителя это ясно уже изъ того, что было сказано о немъ въ предварительной части процесса. Но чтобы наше заявленіе не показалось голословнымъ, приведемъ слѣдующее мѣсто. На Халкидонскомъ соборѣ Евсевій Дорилейскій говорилъ: „обвиненный мною Евтихій, давши статьи, на святомъ соборѣ упомянулъ, что я—его обвинитель. Какимъ же образомъ, когда судившій блаженой памяти Флавіанъ приказывалъ, *чтобы я—обвинитель его вошелъ*, и когда ходъ дѣла и правила того же требовали, мнѣ запрещено было войти—прошу это изслѣдовать“ [1]). Равнымъ образомъ теперь считалось необходимымъ (согласно 74 Ап. пр.) и личное присутствіе обвиняемаго (чего не требовалось при предварительномъ производствѣ) съ тѣмъ, чтобы онъ могъ представить доказательства въ свое оправданіе. Церковно-судебная практика свидѣтельствуетъ, что церковь не признавала законности судебнаго приговора, произнесеннаго въ отсутствіи обвиняемаго, когда послѣдній оставался совершенно не выслушаннымъ и, такимъ образомъ, лишался принадлежащаго ему права защиты На томъ же Халкидонскомъ соборѣ Ива, еп. Едесскій, говорилъ: „прошу васъ—я осужденъ въ отсутствіи, я не присутствовалъ, и не имѣлъ возможности защищаться, меня не удостоили слова“. Въ отвѣтъ на такое заявленіе судьи воскликнули: „худо поступили осудившіе его вопреки канонамъ; пусть будетъ отмѣнено то, что сдѣлано противъ отсутствующаго, мы всѣ говоримъ это: отсутствующаго никто не осуждаетъ [2]).

---

[1]) Дѣянія. III. 197. Сн. 209. I. 714. 713. 722. 731 и др.

[2]) Дѣян IV. 193—194. Сн. 195. III. 183. 208. 365—366. 557 и др. См. у Fessler'a процессы противъ св. Аѳанасія и Златоуста

Представительство за обвинителя и обвиняемаго, по общему правилу, не допускалось. Въ изложенномъ процессѣ противъ Евтихія мы видѣли, что когда на судъ, вмѣсто самого Евтихія, явился уполномоченный имъ для отвѣта архим. Авраамій, предсѣдатель сказалъ ему: „какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому?“

Для уясненія же нѣкоторыхъ исключеній изъ этого правила, намъ необходимо сдѣлать маленькую справку въ исторіи римскаго процесса.

Въ римскомъ уголовномъ процессѣ представительство въ принципѣ не разрѣшалось [1]). Тоже самое было, за немногими исключеніями (pro populo, pro libertate, pro tutela, actio furti за отсутствующаго rei publicae causa или находящагося въ плѣну—qui apud hostes esset.) и въ гражданскомъ процессѣ въ эпоху господства legis actiones. nemo alieno nomine lege agere potest. Но съ появленіемъ формулярной системы (per formulas—no lex Aebutia приблизительно за 122 г. до Р. Хр.) представительство въ гражданскомъ процессѣ стало разрѣшаться обѣимъ сторонамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Появляются два рода судебныхъ представителей: cognitores и procuratores. Первые назначались посредствомъ произнесенія опредѣленныхъ торжественныхъ словъ въ присутствіи противной стороны (coram adversario) и потому полномочіе cognitor'a не могло подлежать никакому сомнѣнію: онъ вполнѣ замѣнялъ представляемаго (dominus litis), какъ бы отождествлялся съ его личностію, такъ что представляемый долженъ былъ отвѣчать за всѣ дѣйствія своего cognitor'a и нести всѣ послѣдствія веденнаго имъ процесса (за исключеніемъ того случая, когда dominus litis совершенно уступалъ cognitor'y свой искъ—cognitor rem suam). Procuratores назначались безъ всякихъ формальностей простымъ порученіемъ, которое давалось иногда даже въ отсутствіе противной стороны; такъ какъ въ виду неформальнаго назначенія procurator'a, полномочіе послѣдняго могло подлежать сомнѣнію, то онъ обязанъ былъ или самъ отвѣчать за всѣ свои выгоды и невыгоды или представить обезпеченіе въ томъ, что довѣритель его приметъ на себя послѣдствія процесса (satisdatio ratam rem dominum

[1]) Geib. s. 595.

habiturum). Со времени классическихъ юристовъ указанное различіе между cognitores и procuratores стало постепенно сглаживаться въ томъ отношеніи, что отъ procuratores—назначались ли они личнымъ заявленіемъ тяжущихся на судѣ (procuratores praesentis) или особеннымъ уполномочіемъ отсутствующей стороны (procuratores absentis)—какъ и отъ cognitores, уже не требовалось никакого обезпеченія. Въ Юстиніановомъ правѣ остались только одни procuratores, причемъ были ли они—praesentis или absentis, все равно они вполнѣ замѣняли своего вѣрителя, обязаннаго отвѣчать за всѣ дѣйствія ихъ и принимать на себя всѣ послѣдствія процесса [1]).

Весьма вѣроятно, что широкая свобода представительства въ формулярномъ процессѣ была причиною того, что и въ уголовномъ процессѣ—квесціонномъ, дѣйствовавшимъ рука объ руку съ первымъ, хотя и въ очень рѣдкихъ—исключительныхъ случаевъ, стало допускаться представительство если не за обвинителя, то за обвиняемаго, удержавшееся и въ позднѣйшій императорскій періодъ, какъ экстраординарная мѣра. Во всякомъ случаѣ извѣстно за несомнѣнное, что представитель обвиняемаго допускался въ квесціонномъ процессѣ—si-rei-absentia defendatur, а въ позднѣйшемъ императорскомъ правѣ и по дѣламъ, возникавшимъ въ случаѣ жалобы обвиняемаго (особенно изъ высшаго духовенства) на причиненную ему несправедливость [2]).

Съ такого рода исключительными примѣрами представительства мы встрѣчаемся и въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода: иногда и здѣсь, (согласно указанной новеллѣ), въ случаѣ жалобы обвиняемаго на причиненную ему несправедливость, вмѣсто него выступали уполномоченныя имъ лица, съ высочайшаго на то повелѣнія, и церковь допускала это—именно только какъ экстраординарную мѣру.

Въ актахъ Константинопольскаго собора 448 г. послѣ низложенія Евтихія, содержащихъ въ себѣ повѣрку протоколовъ этого собора по жалобѣ послѣдняго на допущенныя въ

---

[1]) Schulin. s. 524. 555—560; Walter. s. 429 и слѣд.; Боголѣповъ—Учебникъ исторіи рим. права. 408—411; Баронъ.—Система рим гражд права.—соотв. §§.

[2]) Nov. Valent. 12; Schulin. s. 556. Geib. s. 595—596.

нихъ неправильности (поданной имп. Ѳеодосію и Валентиніану [1]), читаемъ слѣдующія слова императорскаго чиновника Македонія: „здѣсь присутствуютъ тѣ, которые могутъ говорить за лицо монаха (Евтихія)".

Евсевій Дорилейскій замѣтилъ на это: „если онъ говоритъ *чрезъ повѣреннаго*, то мнѣ позвольте удалиться".

Знатнѣйшій Патрицій Флоренцій сказалъ: что повелѣла императорская власть, то всячески должно наблюсти; поэтому пусть скажутъ почтеннѣйшіе епископы, согласны ли они принять тѣхъ, которые приготовились дѣйствовать за лицо монаха"?

Еп. Мелифѳонгъ сказалъ: „послѣ такого обвиненія слѣдуетъ явиться обвиняемому, потому особенно, что обвиненія подобнаго рода бываютъ не безопасны. То, о чемъ идетъ дѣло (преступленіе противъ вѣры) и не маловажно и не обычно; и потому не слѣдуетъ допрашивать одного вмѣсто другого. А такъ какъ благочестивѣйшій императоръ по прародительскому преданію привыкъ содержать правую вѣру и ни въ чемъ не нарушать святыхъ правилъ, то просимъ представить ему, и если онъ повелитъ въ уголовномъ дѣлѣ допрашивать одного вмѣсто другаго, мы и это принимаемъ"...

Македоній: „государь нашъ, зная, что осужденъ поименованный мужъ (Евтихій), повелѣлъ посланнымъ вмѣсто него явиться, чтобы они изъ чтенія бумагъ узнали, что архіепископъ (Флавіанъ) сказалъ ему и что онъ (Евтихій) отвѣтилъ архіепископу".

Флоренцій: „ясно, что требуется; и такъ пусть войдутъ уполномоченные монахи: Константинъ, Елевсиній и Константій" [2].

Указанные здѣсь представители обвиняемаго выступаютъ въ церковномъ процессѣ въ значеніи procuratores absentis періода классическихъ юристовъ: отъ нихъ не требуется никакого обезпеченія, но они обязываются признавать не подлежащимъ уничтоженію и измѣненію все, что было до того времени сдѣлано или сказано при судопроизводствѣ самимъ представляемымъ и вести дальнѣйшій процессъ подъ строгою лич-

---

[1]) Дѣянія. III, 304—305.

[2]) Дѣянія III. 302 303. 314.

ною отвѣтственностію. Евсевій, еп. Анкирскій, сказалъ: „мнѣ кажется справедливымъ, что представляющій лицо архимандрита Евтихія *долженъ считать не нарушимымъ все, что высказано его устами, а не по произволу часть сказаннаго принимать, а часть отвергать*“. Къ этому еп. Селевкъ присовокупилъ: „за лицо архим. Евтихія посланы Константинъ и находящіеся съ нимъ; *они должны принять на себя все то, что взводится на него*“ [1]).

Приведенные примѣры, какъ простые эксцессы, нисколько не ослабляютъ значенія общаго принципа, требовавшаго личнаго присутствія обвиняемаго на судѣ. А потому главное производство въ церковномъ обвинительномъ процессѣ всегда открывалось троекратнымъ приглашеніемъ обвиняемаго въ судъ, согласно 74 Апост. пр. Въ этомъ правилѣ не указывается, въ какой формѣ—устной или письменной—слѣдовало дѣлать приглашеніе. Принимая во вниманіе устный способъ производства, какъ общій принципъ, соблюдавшійся въ процессѣ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, можно съ достаточною вѣроятностью утверждать, что письменная форма троекратнаго приглашенія, всюду набл[illegible]емая въ процессахъ вселенскаго періода, явилась въ церковно-судебной практикѣ, какъ нововведеніе, подъ вліяніемъ возрастающаго значенія письменности въ римскомъ уголовномъ процессѣ.

Судъ, на обязанности котораго лежалъ вызовъ обвиняемаго [2]), посылалъ къ нему особую депутацію съ письменной пригласительной грамотой, при чемъ епископа, обыкновенно, вызвали два или три епископа [3]), а пресвитеровъ и иныхъ клириковъ—лица соотвѣтствующихъ имъ церковныхъ степеней, какъ видно изъ процесса противъ Евтихія [4]). Соотвѣтствіе лицъ вызывающихъ съ вызываемыми со стороны церковной степени всегда строго соблюдалось церковію. Извѣстно, что когда къ св. Златоусту явилось второе посольство отъ собора подъ Дубомъ (403 г.), состоявшее изъ двухъ подчиненныхъ ему пресвитеровъ и приглашало его идти на соборъ и при-

[1]) Ibidem III. 313.
[2]) Ibid I. 701.
[3]) Дѣянія.. I 501. 702 706 715. III. 559. 593 и др
[4]) Ibid III. 208 254 260.

нести оправданіе въ сдѣланныхъ противъ него обвиненіяхъ, онъ отказался идти, отвѣтивъ посланнымъ чрезъ двухъ епископовъ: „что это за порядокъ суда?.. Меня приглашаютъ на судъ *даже чрезъ собственныхъ моихъ клириковъ*“ [1]). Депутація, отправляемая къ обвиняемому, какъ можно видѣть изъ процесса противъ Евтихія, иногда приглашала съ собой нѣкоторыхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей, могущихъ впослѣдствіи подтвердить справедливость донесеній ея. „Я, говорилъ діаконъ Аѳанасій, не былъ посланъ для этого дѣла (для вызова Евтихія) съ пресвитеромъ Іоанномъ и діакономъ Андреемъ, но былъ приглашенъ первымъ какъ бы для того, чтобы я присутвовалъ тамъ и слышалъ сказанное имъ, и будучи спрошенъ святѣйшими епископами, объявилъ, что и я, присутствуя тамъ, слышалъ то, что онъ объявилъ“ [2]). Въ большинствѣ же случаевъ посольство брало съ собой кого-нибудь изъ нотаріевъ и на него возлагало обязанность точно записать отвѣтъ подсудимаго [3]).

Пригласительная грамота, образецъ которой намъ уже извѣстенъ изъ процесса противъ Евтихія [4]), прочитывалась обвиняемому однимъ изъ членовъ депутаціи, при чемъ указывался обвинитель и предметъ обвиненія, а иногда прочитывалась и обвинительная записка (libellus), дабы подсудимый „не могъ воспользоваться никакимъ предлогомъ къ оправданію, отговариваясь невѣдѣніемъ“ [5]), и даже вручалась копія съ нея, какъ это было въ изложенномъ процессѣ [6]).

Нотаріи докладывали о возвращеніи посольства и судъ приглашалъ каждаго изъ депутатовъ дать подробный отчетъ

---

[1]) Fessler. s 61.

[2]) Дѣянія. III. 325 Сн 252—253

[3]) Ibid. I. 501. 504. III. 560—561. 565—566 и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣтъ подсудимаго записывали сами члены посольства, хотя и не были къ тому обязаны «Я, говорилъ пресвитеръ Іоаннъ, ходившій къ Евтихію съ первымъ вызовомъ, составивъ въ то время (во время самаго отвѣта Евтихія) памятную записку, храню, по моему мнѣнію, то, что онъ сказалъ и имѣю ее при себѣ». III. 318.

[4]) См еще—Дѣянія. I. 502. 504 715. III 564—565. 593—595 и др.

[5]) Ibid. I 717—718, Сн. III. 208.

[6]) Ibid. III 250 316. 320 594.

въ томъ, какъ онъ выполнилъ возложенное на него порученіе [1]); вмѣстѣ съ этимъ судъ допрашивалъ и тѣхъ лицъ, которыя присутствовали при бесѣдѣ пословъ съ подсудимымъ [2]).

Вызовъ обвиняемаго въ судъ въ указанной формѣ повторялся три раза [3]). Впрочемъ, церковь, изъ высоко-гуманныхъ побужденій, какъ чадолюбивая мать, допускала иногда и четвертый вызовъ. На III вселенскомъ соборѣ Ювеналій, еп. Іерусалимскій, говорилъ: „хотя церковныя постановленія повелѣваютъ довольствоваться и троекратнымъ вызовомъ приглашаемыхъ къ оправданію, въ чемъ ихъ обвиняютъ, однако мы готовы были, сверхъ долга, чрезъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ *еще четвертымъ предписаніемъ* снова пригласить благоговѣйнѣйшаго Несторія“ [4]).

Дальнѣйшій ходъ судопроизводства находился въ зависимости отъ того, являлся ли обвиняемый въ судъ, согласно сдѣланному вызову, или уклонялся подъ разными предлогами.

Когда обѣ стороны являлись въ судъ, судьи приступали къ разслѣдованію обвиненія, при чемъ обвиняемый могъ воспользоваться предоставленнымъ ему канонами (1 пр. Кир. Алекс.) правомъ, чтобы предварительно были исключены изъ числа судей лица, подозрѣваемыя имъ во враждѣ или пристрастіи. Такъ, на Тирскомъ соборѣ (335 г.) св. Аѳанасій потребовалъ, чтобы исключены были изъ числа судей Евсевій Никомидійскій, Ѳеогній Никейскій, Марій Халкидонскій и нѣкоторые другіе, какъ злѣйшіе враги св. Аѳанасія, явно покровительствовавшіе обвинителямъ [5]). Иногда обвиняемый прежде прибытія на судъ рѣшительно заявлялъ, что онъ согласенъ явиться къ оправданію лишь въ томъ случаѣ, если судъ уважитъ его законное требованіе отвода подозрѣваемыхъ имъ судей. Такъ поступилъ св. Іоаннъ Златоустъ: посланнымъ къ нему съ пригласительною грамотою отъ собора подъ Дубомъ онъ ска-

---

[1]) Ibid. I. 502—503. 505—506. 703—704. 715—717; III. 250—252 и мн. др. Послы не были обязаны доносить о томъ, что не имѣло прямого отношенія къ ихъ порученію. III. 274—275. 276.

[2]) Ibid. III 252. 325; I. 503.

[3]) Дѣян. I. 504. 611—612. 619. 700. 719. 724. III. 260. 569. 592 и мн. др.

[4]) Ibid I 507.

[5]) См. у Фесслера. Сн. Дѣян. I. 353.

залъ „пусть мои враги будутъ удалены изъ числа судей, а этими врагами я считаю четырехъ слѣдующихъ: Ѳеофила, который еще дома и потомъ на пути въ Ликіи говорилъ—„я иду ко двору, чтобы низложить Златоуста“, Акакія, Севериона и Антіоха. Если вы хотите, чтобы я явился, то удалите четырехъ изъ числа судей; обвинителями они, несомнѣнно, могутъ быть; если это будетъ сдѣлано, то я явлюсь не только на вашъ, но и на всякій соборъ“ [1]). Св. Аѳанасій, видя, что его требованіе относительно отвода судей не только не исполнено судомъ, но какъ разъ эти-то самыя лица назначены слѣдственными комиссарами въ Мареотиду по дѣлу объ Исхирасѣ, счелъ себя въ правѣ удалиться съ Тирскаго собора [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не предъявлялъ никакихъ требованій относительно наличнаго состава судей, какъ это мы видимъ въ процессѣ противъ Евтихія, судъ прямо приступалъ къ изслѣдованію обвиненія въ предѣлахъ, указанныхъ обвинительной запиской; если обвиненіе касалось нѣсколькихъ преступленій, то судебное изслѣдованіе направлялось, главнымъ образомъ, на важнѣйшее преступленіе, хотя, конечно, и остальные пункты обвиненія не могли быть игнорированы судомъ [3]). Главнѣйшую задачу суда составляло—собрать необходимыя для цѣлей правосудія доказательства виновности или невинности подсудимаго. Намъ уже извѣстно, что по каноническимъ опредѣленіямъ (II. 6) главная роль при выполненіи судомъ этой задачи принадлежала обвинителю: онъ обязанъ былъ довести судей до убѣжденія въ справедливости своего обвиненія. Такъ было и въ церковно—судебной

---

[1]) Fessler. s. 60.

[2]) Ibidem. s. 39—40.

[3]) Въ процессѣ противъ Ивы, еп Едесскаго, читаемъ «когда въ одномъ пунктѣ излагается обвиненіе, угрожающее опасностію душѣ», говорятъ судьи, «то изслѣдованіе прочихъ мы почитаемъ излишнимъ. Итакъ, что открыто воспрещено и канонами, и законами, и что явно ненавистно боящимся Бога, то сначала изберите и на томъ настаивайте . Изъ представленныхъ вами пунктовъ три преимущественно важны и могутъ быть изобличены удобнѣе другихъ. Ихъ то, если можете доказать, и изложите собственными устами.. Предложивъ вамъ представить доказательства на эти три пункта, мы еще не отказались отъ изслѣдованія прочихъ». Дѣян.. IV. 213—214.

практикѣ. Самуилъ, одинъ изъ обвинителей Ивы Едесскаго, говорилъ на судѣ: „наше дѣло, когда мы ставимъ пунктъ или обвиненіе, представить доказательства того, что мы сказали... я сказалъ, что было; мое дѣло и доказать“ [1].

Какія же средства доказательства извѣстны были церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода?.

Прежде всего, конечно, тѣ, которыя были узаконены положительнымъ вселенскимъ законодательствомъ, именно:

1) Главнѣйшимъ средствомъ доказательства служило собственное судебное признаніе обвиняемаго. Вотъ почему судебное дознаніе истины, послѣ изложенія первымъ изъ нотаріевъ или самимъ обвинителемъ сущности обвиненія, и начиналось, обыкновенно, подробнымъ допросомъ обвиняемаго, производимымъ самимъ судомъ, иногда при участіи обвинителя [2]): собственное признаніе подсудимаго устраняло необходимость иныхъ средствъ доказательства. Константинопольскій соборъ, какъ мы видѣли, произнесъ надъ Евтихіемъ приговоръ осужденія тотчасъ же послѣ того, какъ онъ признался, что отрицаетъ въ Іисусѣ Христѣ два естества [3]). Предсѣдатель этого собора архіеп. Флавіанъ, доказывая законность низложенія Евтихія, говоритъ въ письмѣ къ папѣ Льву: „когда онъ (Евтихій) былъ обвиненъ достойнѣйшимъ уваженія Евсевіемъ и послѣ того, какъ былъ призванъ на соборъ, *произнесъ собственными словами свойственное ему ученіе, мы осудили его, какъ чуждаго истинной вѣры* [4]).

2) Свидѣтельскія показанія Если подсудимый не хотѣлъ сознаться въ преступленіи, возводимомъ на него, судъ прибѣгалъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ [5]). Само собою разумѣется, что въ церковно-судебной практикѣ сохраняли полную силу всѣ опредѣленія вселенскаго канона относительно количества свидѣтелей [6]), ихъ нравственныхъ ка-

---

[1]) Дѣянія. IV. 216. Сн III. 581—582.
[2]) Дѣянія. III, 282. Сн. VII. 87—90. 124—126; III. 42 и др.
[3]) Ibid. III. 288—291.
[4]) Ibid. III. 31, Сн. VII. 676.
[5]) Ibid. I. 412. III. 266. 210. IV. 194. 214. VII. 766. и др.
[6]) Ibid. VII. 311; IV. 215 и др.

чествъ [1]), отношенія къ подсудимому [2]) и пр.—были ли они обязаны своимъ появленіемъ въ канонѣ самобытной правообразующей дѣятельности церкви или вліянію римскаго права.

Свидѣтели, вызванные въ судъ по распоряженію предсѣдателя [3]), подвергались тщательному допросу—сначала относительно имени, званія, образа жизни, мѣста жительства, а потомъ и касательно подлежащаго изслѣдованію дѣла. Вотъ образецъ такого допроса. Когда (въ изложенномъ процессѣ) ходившій съ первымъ вызовомъ къ Евтихію пресвитеръ Іоаннъ, въ доказательство справедливости своего донесенія, сослался на то, что при отвѣтѣ Евтихія присутствовалъ діаконъ еп. Василія, архіеп. Флавіанъ сказалъ: „пусть скажутъ почтеннѣйшіе нотаріи, здѣсь-ли діаконъ, находящійся при боголюбезнѣйшемъ еп. Василіѣ и упомянутый пресвитеромъ Іоанномъ“? Нотаріи сказали: „здѣсь“. Флавіанъ: „пусть станетъ на срединѣ“. Когда свидѣтель вышелъ на средину судебной палаты, предсѣдатель продолжалъ: „какъ тебя зовутъ?“ Отвѣтъ—„Аѳанасій“. Вопр.: „въ какой церковной степени состоишь?“ Отв.: „Я—діаконъ“. Вопр.: „какого города?“ Отв.: „Селевкіи, у святѣйшаго епископа Василія“. Вопр.: „скажи, что ты слышалъ, въ присутствіи почтеннѣйшихъ пресвитера Іоанна и діакона Андрея, отъ почтеннѣйшаго пресвитера и архиманд-

---

[1]) Діаконъ Исхиріонъ въ обвинительной запискѣ противъ Діоскора, поданной IV вселенскому собору, говоритъ: «во время разсужденій я готовъ, по приказанію вашей святости, *представить святѣйшихъ мужей, извѣстныхъ по вѣрѣ и жизни, которые могутъ быть свидѣтелями во всемъ этомъ*»... III. 581. Св. Кириллъ Александрійскій порицаетъ Несторія, между прочимъ, за то, что онъ «*выставилъ противъ меня какихъ-то скитальцевъ и людей, замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ*» I. 420. Сн. 323. 729 и др.

[2]) Ива Едесскій жаловался на то, что свидѣтелями противъ него на соборѣ въ Беритѣ «пришли какіе-то трое, живущіе вмѣстѣ съ тѣми самыми клириками, которые ругали, безчестили и поносили его... Какимъ образомъ они могутъ приводить въ свидѣтели тѣхъ, которые возстали противъ меня?.. IV. 197. 216. При пересмотрѣ дѣла Ивы на соборѣ Халкидонскомъ, на вопросъ сановниковъ: «былъ ли Ива (въ Беритѣ) изобличенъ своими обвинителями?»—Фотій, еп. Тирскій, (одинъ изъ судей) отвѣтилъ: «нѣтъ... мы сказали, что *живущихъ вмѣстѣ съ врагами нельзя принять въ свидѣтели*». Ibid. IV. 196—197.

[3]) Ibid. III. 272.

рита Евтихія касательно вѣры?“ Отвѣтъ: „слышалъ то, что сказали пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей“ [1]).

Кромѣ самого предсѣдателя, имѣли право обращаться съ вопросами къ свидѣтелю обвинитель и другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Допросъ этого рода, называемый „перекрестнымъ“, представляетъ обычное явленіе въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода, заимствованное, безъ сомнѣнія, изъ римскаго права, гдѣ перекрестный допросъ былъ извѣстенъ съ древнихъ временъ [2]). Приведемъ образецъ его изъ процесса, возникшаго по жалобѣ низложеннаго Евтихія на искаженіе подлинныхъ протоколовъ Константинопольскаго собора 448 г.

По прочтеніи отрывка изъ дѣяній этого собора, діаконъ Константинъ (одинъ изъ представителей Евтихія) сказалъ: „просимъ спросить ихъ, слышали ли они это?“ Знатнѣйшій патрицій сказалъ: „пусть и Ѳеофилъ, по обнародованіи его показаній, скажетъ: сознаетъ ли онъ, что онъ это слышалъ или говорилъ?“ Почтеннѣйшій пресвитеръ Ѳеофилъ, выйдя на средину, сказалъ: „я и пресвитеръ Мама, посланные святѣйшимъ архіепископомъ и святымъ соборомъ, ходили въ монастырь архимандрита Евтихія и точно... это самое, что и прочитано, мы слышали изъ устъ почтеннѣйшаго мужа (Евтихія) и объявили, не сдѣлавъ ни прибавленія какого-нибудь, ни опущенія“. Діаконъ Константинъ сказалъ: „онъ (Ѳеофилъ) не слышалъ ничего другаго?“ Патрицій: „кромѣ того, что объявилъ ты, ничего другаго ты не слышалъ?“

Ѳеофилъ: „онъ (Евтихій) говорилъ—„я слѣдую и изложеніямъ отцевъ“—это онъ говорилъ“.

Патрицій: (представителямъ Евтихія) чего еще требуете?“

Діаконъ Константинъ: „просимъ, чтобы спрошенъ былъ господинъ Мама“.

Патрицій: „пусть и почтеннѣйшій Мама также объяснитъ, что знаетъ“.

---

[1]) Ibid III. 252—253. Сн. 256. 262. 172—173. 272—273 I. 557—560. 612 729 и др.

[2]) Geib. s. 631—632.

Елевсиній (другой представитель Евтихія): „онъ (Θеофилъ) показалъ, что Евтихій говорилъ „слѣдую и изложеніямъ отцевъ“, а это не внесено въ документы“.

Патрицій (Θеофилу): „почему вовсе не содержится въ документахъ то, что, какъ сказанное Евтихіемъ, ты послѣ прибавилъ въ своемъ показаніи?“

Θеофилъ: „онъ сказалъ и другое, клянусь стопами ногъ вашихъ, чего я не помню: а что помню, то и объявилъ“.

Патрицій: „почему въ то время ты вовсе не включилъ этого въ документы?“

Елевсиній: „а выше онъ еще сказалъ, что онъ ничего ни прибавилъ, ни убавилъ изъ словъ Евтихія“.

Θеофилъ: „я сказалъ то, что слышалъ изъ устъ самого архимандрита. Если же хотитъ, чтобы я сказалъ больше, то я не слышалъ больше“.

Патрицій: „пусть дастъ показанія пресвитеръ Мама, какъ сказано“.

Мама: „ради стопъ вашихъ, пусть прочтется показаніе, данное тогда, потому что я забылъ его“.

Патрицій: „пусть прочтутся слова его изъ документовъ, чтобы, по прочтеніи ихъ, онъ сказалъ, что онъ слышалъ, по его сознанію“.

Мама: (по прочтеніи его показанія): „это такъ, клянусь стопами ногъ вашихъ; я показалъ то, что мнѣ прочитано, и больше ничего не показалъ“.

Константинъ: „думаю, что сказанное господиномъ пресвитеромъ противорѣчитъ само себѣ, сколько видно изъ прочитанныхъ объясненій Θеофила и Мамы“.

Патрицій: „развѣ въ документахъ говорится иначе?“

Елевсиній: „нѣтъ, клянусь стопами ногъ вашихъ“ [1])!...

Для дачи своихъ показаній свидѣтели становились предъ Евангеліемъ, лежащимъ на особомъ мѣстѣ, уготованномъ по срединѣ судебной палаты. И свидѣтельство, произнесенное „предъ божественнымъ и покланяемымъ Евангеліемъ“ церковь считала свободнымъ отъ всякаго подозрѣнія [2]). Свидѣтель-

---

[1]) Дѣянія. III. 330—332.

[2]) Въ донесеніи папѣ Вигилію епископовъ Киликіи, разсматривавшихъ дѣло о Θеодорѣ Мопсуетскомъ, читаемъ: «сошедшись въ Мопсуетѣ, мы собрали благочестивѣйшій клиръ и вѣрный народъ .. и положивъ предъ ними

скимъ показаніямъ, какъ средству доказательства, придавалось въ церковно-судебной практикѣ настолько важное значеніе, что, въ случаѣ неявки въ судъ нужныхъ свидѣтелей, разбирательство дѣла иногда пріостанавливалось [1]). Чтобы лишить свидѣтелей возможности уклониться отъ дачи показаній, обвинитель нерѣдко обращался къ суду съ просьбой — содержать ихъ подъ стражей; но церковь отвергала такія мѣры, какъ противныя духу христіанства [2]).

3) Если свидѣтелей не было или показанія ихъ судъ не находилъ достаточно-убѣдительными для произнесенія приговора, судьи обращались къ новому средству доказательства — **письменнымъ документамъ** Въ процессѣ противъ Ивы Едесскаго одинъ изъ обвинителей его—діаконъ Ѳеофилъ говорилъ: „если я стану обвинять, *а свидѣтели не присутствуютъ, онъ* (Ива) *отвергнетъ*“. Знатнѣйшіе епископы сказали на это: „*можешь ли ты представить письменныя доказательства на что нибудь?*“ Ѳеофилъ: „я имѣю документы, составленные касательно его въ Беритѣ и Ефесѣ“... [3]). Особенно широкое приложеніе имѣли письменные документы въ процессахъ по преступленіямъ противъ вѣры: словесныя показанія подсудимаго или его посланія и письма, изобличающія образъ религіозныхъ убѣжденій, сравнивались съ признаваемыми церковію символами вѣры, соборными опредѣленіями, сочиненіями извѣстныхъ отцевъ и учителей церкви и т. п., причемъ судьи, по предложенію предсѣдателя, должны были высказаться — „правильно ли новое ученіе, безукоризненно ли

божественное и поклоняемое Евангеліе, *чтобы очистить ихъ свидѣтельство отъ подозрѣнія*, мы приглашали сказать, если они знаютъ, въ какое время имя древняго Ѳеодора (епископа Мопсуетскаго) исключено изъ священныхъ диптиховъ» Дѣянія V 217 Для свидѣтелей, не могущихъ говорить вслѣдствіе физическаго недостатка, допускался языкъ жестовъ и движеній. «Когда предстанетъ предъ судьей свидѣтель для свидѣтельства и не можетъ говорить, то онъ киваетъ головою своею и имѣетъ достоинство свидѣтелей». Ibid. III 341.

[1]) Ibid. VII. 675

[2]) Ibid III. 574. 581 и др

[3]) Дѣянія IV. 194—195.

и согласно ли съ древне-церковнымъ ученіемъ“ [1]). *Самымъ яснымъ доказательствомъ* заблужденія Несторія, говоритъ папа Целестинъ, *были его посланія*, къ намъ присланныя, скрѣпленныя подписомъ его властной руки, такъ что уже нельзя больше сомнѣваться въ томъ [2]).

Нѣкоторые документы, имѣющіе особенную важность, запечатывались судьями въ цѣляхъ предохраненія ихъ отъ поддѣлокъ и поврежденій. На VI вселенскомъ соборѣ имп. Константинъ Погонатъ, лично присутствовавшій при судѣ надъ Макаріемъ, архіеп. Антіохійскимъ, обвинявшимся въ монофелитствѣ, сказалъ: „принесенный представителями святѣйшаго папы города Рима свитокъ *пусть запечатанъ будетъ печатями какъ славнѣйшихъ судей, такъ и обѣихъ сторонъ*, подобно свиткамъ, которые представлены боголюбезнымъ архіеп. Антіохійскимъ Макаріемъ.“—И свитокъ былъ запечатанъ [3]).

4) Наконецъ, и послѣднее средство доказательства, узаконенное положительнымъ вселенскимъ законодательствомъ—*древніе обычаи*, не-рѣдко употреблялось въ церковно-судебной практикѣ (чаще всего въ спорныхъ дѣлахъ о границахъ епархій и митрополій). Выслушавъ жалобу Кипрскихъ епископовъ на то, что архіепископъ Антіохійскій старается подчинить себѣ этотъ островъ и восхитить право рукоположенія, вопреки правиламъ и обычаю, который издавна имѣлъ силу—соборъ Ефесскій сказалъ: „благоволятъ святые епископы припомнить правило св. отцевъ, собравшихся въ Никеѣ, которое охраняетъ изначальныя преимущества каждой церкви. Тоже пусть помнитъ и Антіохійскій епископъ. И такъ *докажите древнимъ обычаемъ*, что Антіохійскій не имѣетъ у васъ права рукоположенія“ [4]).

Кромѣ указанныхъ средствъ доказательства, въ церковно-судебной практикѣ мы встрѣчаемъ еще два вида доказательства, совершенно неизвѣстныя положительному церков-

---

[1]) Ibid I. 508—509.

[2]) Ibid I. 412. 416. 360. 543. 554. II. 7 и мн. др.

[3]) Ibid. VI. 159—160. Сн. 153. 410 и др.

[4]) Ibid. II. 12.

ному законодательству, именно. a) *улики* и b) *присяга*. Источникомъ, изъ котораго церковь заимствовала ихъ, несомнѣнно, служило римское процессуальное право.

Подъ argumenta per indicia, издавна извѣстными уголовному процессу [1]), и получившими особенно широкое примѣненіе въ періодъ quaestiones perpetuae, римское процессуальное право разумѣло доказательства, выводимыя изъ обстоятельствъ, разныхъ вещественныхъ слѣдовъ и вообще всякаго рода признаковъ совершенія преступленія. Всѣ эти признаки римское право дѣлило на предъидущіе (antecedentia), сопутствующіе (conjuncta) и послѣдующіе (sequentia). Къ первымъ были отнесены: особенная непріязнь къ потерпѣвшему, предшествовавшая угроза преступленіемъ, опредѣленныя къ нему приготовленія, явное притѣсненіе потерпѣвшаго и т. п. Къ сопутствующимъ: слышанный на мѣстѣ дѣйствія зовъ на помощь и вообще всякій шумъ, по которому прямо нельзя было признать обвиняемаго и т. п. Къ послѣдующимъ: слѣды крови на одеждѣ или оружіи, владѣніе предметами, которые были употреблены при совершеніи преступленія; нахожденіе на мѣстѣ преступленія такой вещи, послѣднимъ владѣльцемъ которой безспорно былъ обвиняемый, его присутствіе вблизи этого мѣста, его боязливое и безпокойное поведеніе послѣ совершившагося преступленія и т. п. Различались также признаки близкіе (necessaria) и отдаленные (non necessaria vel probabilia); къ послѣднимъ причисляли: указаніе на мотивъ, достаточный для совершенія преступленія, въ особенности—на репутацію обвиняемаго, его обращеніе съ другими, наклонность къ недозволеннымъ дѣйствіямъ вообще или какъ разъ къ дѣйствіямъ разсматриваемаго рода и т. д. Улики (indicia) признавались полновѣснымъ доказательствомъ въ томъ случаѣ, если онѣ представляли изъ себя цѣпь явленій, дополняющихъ и подкрѣпляющихъ другъ друга. Каждый же отдѣльно разсматриваемый indicium могъ служить доказательствомъ, если подтверждался однимъ изъ естественныхъ доказательствъ — признаніемъ, свидѣтельскими показаніями, документами. Въ позднѣйшій императорскій

[1]) Geib s 144—146.

періодъ indicia, какъ средство доказательства, не утратили своего значенія: въ одномъ изъ постановленій имп. Ѳеодосія Великаго они, наравнѣ съ свидѣтельскими показаніями и документами, признаются достаточными для постановленія приговора надъ обвиняемымъ [1]).

Изъ римскаго процессуальнаго права argumenta per indicia перешли въ каноническое. Уже въ первой половинѣ IV вѣка въ процессѣ противъ св. Аѳанасія argumenta per indicia играли видную роль: этого рода доказательствомъ пользуются какъ обвинители, такъ и обвиняемый На Тирскомъ соборѣ враги св. Аѳанасія обвиняли его въ преступной связи съ распутной женщиной, которая была приведена въ судъ и здѣсь утверждала, будтобы Аѳанасій, явившись къ ней въ качествѣ гостя, изнасиловалъ ее. Когда начался допросъ по этому дѣлу, къ обвинительницѣ, по предварительному тайному соглашенію съ Аѳанасіемъ, подошелъ пресвитеръ Тимоѳей и обратился съ вопросомъ: „когда я былъ въ твоемъ домѣ и причинилъ тебѣ насиліе?“ Будучи увѣрена, что это и есть самъ Аѳанасій, женщина стала обзывать вопрошающаго пресвитера Тимоѳея виновникомъ совершеннаго надъ нею насилія;—„сего одного было достаточно для обличенія клеветы и посрамленія самихъ судей, устроившихъ это коварство“ [2]). Игнорировавъ законное требованіе св. Аѳанасія о наказаніи обвинителей за клевету, судъ перешелъ къ разсмотрѣнію новаго обвиненія — въ убійствѣ Аѳанасіемъ клирика Арсенія и отсѣченіи у него руки съ цѣлію волхвованій, при чемъ обвинителемъ, Мемфисскимъ еп. Архафомъ, былъ представленъ собору и ящикъ съ отсѣченною рукою. Св. Аѳанасій подготовился и по этому дѣлу къ рѣшительному пораженію своихъ наглыхъ обвинителей и злѣйшихъ враговъ—судей, вполнѣ увѣренныхъ въ его осужденіи, въ виду множества лжесвидѣтелей и осязательнаго доказательства обвиненія — лежавшей на глазахъ у всѣхъ отсѣченной руки. Спросивъ присутствовавшихъ и самихъ обвинителей—

---

[1]) Geib s. 358—360, 645—649; Загурскій 385—387

[2]) Ѳеодоритъ I 30 стр 102—3; Созоменъ 138—9; Христ чт. 1871. 273—274

знаютъ ли они Арсенія—и получивъ отъ многихъ утвердительный отвѣтъ, Аѳанасій велѣлъ своимъ приближеннымъ ввести Арсенія, закрытаго плащемъ; и затѣмъ, открывъ ему лицо, Аѳанасій спросилъ обвинителей: „это ли Арсеній, въ убійствѣ котораго его обвиняютъ?“ — Поразивъ судей такою неожиданностью, св. Аѳанасій, для полнаго ихъ посрамленія, сталъ съ нѣкоторою торжественною медленностью показывать одну за другою обѣ руки Арсенія, говоря при этомъ: „Арсеній, какъ видите, имѣетъ обѣ руки; а мѣсто, откуда отсѣчена третья, пусть покажутъ намъ обвинители!“ Произошло замѣшательство, во время котораго обвинитель скрылся, чтобы не подвергнуться наказанію за клевету [1]).

Такимъ образомъ, св. Аѳанасій для опроверженія возведенныхъ на него обвиненій воспользовался argumenta per indicia: улики были настолько очевидны и поразительны, что не оставляли никакого мѣста для сомнѣній въ наглой клеветѣ обвинителей.

Присяга или клятва какимъ нибудь священнымъ предметомъ, какъ средство доказательства, совершенно неизвѣстно процессу первыхъ трехъ вѣковъ христіанства; не знаетъ ее и положительное церковное законодательство вселенскаго періода. Между тѣмъ въ римскомъ процессѣ, особенно въ гражданскомъ [2]), съ древнѣйшихъ временъ употреблялась присяга (jus jurandum) или для дополненія доказательствъ (j. suppletorium) или для устраненія всякихъ подозрѣній (j. purgatorium). Подъ присягой римское право разумѣло подтвержденіе истины ссылкою на какой нибудь священный предметъ. напр. per Deum, per caput meum, per caput filiorum meorum и т. п. Отсюда этотъ способъ доказательства перешелъ въ церковно-судебную практику вселенскаго періода и нашелъ въ ней широкое примѣненіе [3]). Доказательная сила клятвы зиждется на томъ

---

[1]) Сократъ 107—8; Созоменъ 139—40; Ѳеодоритъ 103—4, Fessler 38—39. Христ. чт. 71. II. 274—275

[2]) Schulin. 578—579. 598. Въ уголовномъ процессѣ присяга встрѣчается сравнительно рѣже Walter s 527. Загурскій. 383—4.

[3]) Отъ произнесенія клятвы освобождались только епископы. Въ процессѣ, возникшемъ по жалобѣ Евтихія на искаженіе подлинныхъ дѣяній

предположеніи, что чувства почтенія, благоговѣйнаго страха къ предмету, на который ссылается клянущійся, могутъ воспрепятствовать сознательному уклоненію отъ истины. Произносящій клятву становился предъ св. Евангеліемъ и иногда касался его своею рукою. Когда VI вселенскій соборъ произнесъ осужденіе надъ Константинопольскими патріархами—монофелитами Пирромъ, Павломъ и Петромъ и потребовалъ отъ хартофилакса Константинопольской церкви діакона Георгія принести всѣ письменные документы, оставшіеся послѣ преемниковъ Петра,—Ѳомы, Іоанна и Константина, дабы надъ ними произнести справедливый приговоръ,— діаконъ Георгій, „прикоснувшись къ предлежащему непорочному слову Божію, произнесъ слѣдующую клятву: клянусь симъ святымъ Писаніемъ и говорившимъ чрезъ него Богомъ, что послѣ всѣхъ поисковъ я не нашелъ, чтобы кѣмъ либо были составлены и переданы патріархамъ Ѳомѣ, Іоанну и Константину книжки объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи". Выслушавъ такую клятву, соборъ сказалъ: „такъ какъ благочестивымъ діакономъ и хартофилаксомъ здѣшней великой Божіей церкви Георгіемъ произнесена вслухъ насъ и присутствовавшихъ вмѣстѣ съ нами славнѣйшихъ сановниковъ тѣлесная клятва, и *эта тѣлесная клятва доставила намъ полное удостовѣреніе въ томъ*, что упомянутые патріархи отнюдь не требовали какихъ либо книжекъ о дѣйствіи и волѣ, то постановляемъ оставить ихъ въ прежнемъ санѣ... [1]). Такимъ образомъ здѣсь клятва, подкрѣпляющая свидѣтельское показаніе (jusjurandnm suppletorium), сообщаетъ послѣднему такую силу, что оно признается достаточнымъ для постановленія приговора.

Приведемъ еще примѣръ, гдѣ клятва служитъ средствомъ къ опроверженію обвиненія (jusjurandum purgatorium „Вмѣ-

---

Константин собора 448 г, императорскій чиновникъ Македоній потребовалъ, чтобы присутствовавшіе на соборѣ епископы «подъ клятвою сказали, вѣрны ли изложенія читаемыхъ документовъ, принесенныя тою и другою стороною» (представителями Евтихія и нотаріями) Въ отвѣтъ на такое требованіе Василій, еп. Селевкійскій, сказалъ. «не знаемъ, чтобы до этого времени епископы давали клятву». Дѣянія III. 303—304.

[1]) Дѣянія VI 411—412.

стѣ со мной, писалъ св. Кириллъ Александрійскій имп. Ѳеодосію, стрѣлы необузданнаго языка (несторіанъ) испыталъ возлюбленный инокъ Викторъ. Нѣкоторые, привыкшіе лгать, распространяли относительно его клеветы, будто онъ говорилъ противъ меня нелѣпости, за что, когда онъ прибылъ въ Ефесъ, его строго осуждали нѣкоторые изъ отцевъ св. собора; даже всѣ отвратились отъ него и возненавидѣли его, какъ одного изъ нечестивцевъ; его называли отцеубійцею, братоубійцею и другими подобнаго рода именами. Когда узналъ объ этомъ старецъ Викторъ, въ присутствіи очень многихъ св. епископовъ, воздѣлъ руки къ небу и, вопреки своему обыкновенію, *поклялся святымъ крещеніемъ и честными Христовыми тайнами, что не знаетъ за собой ни одного изъ этихъ преступленій* [1]).

Какой-нибудь строго опредѣленной, однообразной клятвенной формулы не существовало въ церковно судебной практикѣ. Въ актахъ вселенскихъ соборовъ мы встрѣчаемся со слѣдующими клятвенными изреченіями: 1) клянусь этимъ благомъ—святымъ Евангеліемъ [2]), 2) клянусь этимъ святымъ Писаніемъ [3]), 3) клянусь этимъ благомъ и Богомъ, Который говорилъ чрезъ сіе Писаніе [4]), 4) клянусь этимъ святымъ Писаніемъ и Богомъ, Который говорилъ черезъ оное [5]), 5), клянусь этими святыми силами и говорившимъ чрезъ нихъ Богомъ [6]), 6) клянусь святымъ крещеніемъ и честными Христовыми тайнами [7]), 7) клянусь святою и единосущною Трой-

---

[1]) Ibid II 296—297 Сн. V. 199 212. 215. 217. VI. 216 и др. Этою клятвою, по нашему мнѣнію, и была подготовлена почва для особаго производства—purgatio canonica, примѣнявшагося уже въ VI в., но окончательно развившагося къ IX вѣк въ западно-церковномъ процессуальномъ правѣ, подъ вліяніемъ Германскаго юридическаго міровоззрѣнія. Molitor s. 54 и слѣд; Richter-Lehrbuch des kathol. und Evangel. Kirchenrechts. 1866. s. 830—832; Munchen. s. 431 и слѣд.

[2]) Дѣянія V. 207. 210. 211. 198.—200. 202. 204 и др.

[3]) Ibid. V. 200. 201. 203. 205. 207 и др

[4]) Ibid. V. 201.

[5]) Ibid. V. 202. VI. 411.

[6]) Ibid. VI. 423.

[7]) Ibid. II 297.

цею и благочестіемъ и побѣдою повелителей вселенной [1]), и 8) клянусь стопами ногъ твоихъ (или—вашихъ) [2]).

Теперь мы отмѣтили всѣ средства доказательства, которыя употреблялись въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода. Говорить о сравнительной важности ихъ нѣтъ возможности, такъ какъ вѣсъ доказательствъ опредѣлялся, главнымъ образомъ, тою степенью убѣжденія, какую могъ получить изъ нихъ безпристрастный судья, чтобы со спокойною совѣстію произнести справедливый приговоръ.

Прежде чѣмъ говорить о способѣ постановленія приговора, посмотримъ, какъ дѣйствовалъ судъ въ случаѣ отсутствія обвиняемаго.

Подсудимый, не явившійся къ оправданію послѣ сдѣланнаго ему приглашенія, долженъ былъ представить уважительную причину своей неявки и если таковая дѣйствительно была, судъ давалъ ему отсрочку. Въ изложенномъ процессѣ противъ Евтихія предсѣдатель суда архіеп Флавіанъ далъ обвиняемому отсрочку, когда уполномоченный имъ архим. Авраамій, явившись въ судъ, заявилъ, что Евтихій боленъ [3]). Не явившійся послѣ троекратнаго приглашенія безъ всякой уважительной причины трактовался какъ упорный, отказавшійся отъ защиты, какъ „произнесшій противъ самого себя приговоръ осужденія“ [4]). Въ этомъ случаѣ судъ считалъ себя въ правѣ приступить къ изслѣдованію дѣла въ отсутствіи обвиняемаго. Главнѣйшими средствами доказательства служили теперь письменные документы и свидѣтельскія показанія. Отцы III вселенскаго собора, судившіе Несторія въ его отсутствіе, сами указываютъ въ своемъ приговорѣ тотъ путь,

---

[1]) Ibid III. 444. 569. IV 197

[2]) Ibid III. 264. 326. 328 332. 410. IV. 50 83 и др. Послѣднее клятвенное изреченіе, по нашему мнѣнію, создалось по аналогіи съ римскимъ—per caput meum, per caput filiorum meorum Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ римскомъ процессуальномъ правѣ присяга чаще употреблялась для подтвержденія существованія, или несуществованія спорнаго права, (отсюда и самое названіе jus jurare) и рѣже относительно фактовъ; между тѣмъ въ церковно-судебной практикѣ почти исключительно въ послѣднемъ смыслѣ.

[3]) Дѣянія III. 262—263. Сн 560. 562 и др

[4]) Ibid. III. 595. 597. 610. 603. 611. IV 99 и др.

какимъ соборъ пришелъ къ убѣжденію въ его еретическомъ образѣ мыслей. „Такъ какъ нечестивѣйшій Несторій, говорятъ они, не захотѣлъ повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ благочестивѣйшихъ епископовъ, то мы вынужденными нашлись послѣдовать нечестивое его ученіе. *Открывши частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ сочиненій, частію изъ бесѣдъ, которыя онъ недавно имѣлъ въ сей митрополіи (Ефесѣ) и которыя подтверждены свидѣтелями*, что онъ и мыслитъ и проповѣдуетъ нечестиво, мы вынуждены были, на основаніи каноновъ и посланія святѣйшаго отца Целестина, еп. Римскаго, произнести противъ него опредѣленіе“ [1])

Только тогда, когда виновность подсудимаго, безразлично — присутствовалъ онъ или нѣтъ, была вполнѣ доказана, судъ приступалъ къ постановленію приговора [2]). Сначала предсѣдатель, а за нимъ и каждый изъ судей совершенно самостоятельно и свободно высказывалъ собственное мнѣніе о

---

[1]) Ibid. I. 592 Сн 620—621

[2]) «Распространенной молвѣ мы не должны вѣрить *безъ всякихъ доказательствъ*»—говорилъ патр Тарасій, предсѣдатель VII вселенскаго собора. VII. 189 Сн 190. Въ римскомъ процессѣ во времена quaestiones perpetuae, когда судьи въ своей дѣятельности руководствовались не столько юридическими принципами, сколько личнымъ чувствомъ, на постановленіе приговора имѣли большое вліяніе такъ называемые, laudationes publicae городъ или корпораціи, заинтересованные исходомъ процесса, отправляли въ судъ (in judicio) депутацію, которая говорила въ пользу обвиняемаго — о его добродѣтеляхъ, заслугахъ, оказанныхъ государству и др Иногда laudationes облекались въ письменную форму и прочитывались на судѣ Въ императорскій періодъ, въ виду многихъ злоупотребленій, они стали выходить изъ употребленія. (Geib. s 634, Загурскій, стр 373—375) Примѣръ такой laudationis publicae мы встрѣчаемъ и въ церковно-судебной практикѣ. цѣлая корпорація клириковъ Едесской митрополи представила въ пользу подсудимаго—своего епископа Ивы—письменное одобрительное свидѣтельство, которое было прочитано на судѣ въ Беритѣ и занесено въ протоколы (Дѣянія. IV. 230—231) Какое значеніе придавалъ церковный судъ подобнымъ свидѣтельствамъ при постановленіи приговора—сказать трудно, за неимѣніемъ достаточнаго для такихъ или иныхъ выводовъ количества фактическихъ данныхъ; но что они допускались въ церковно-судебной практикѣ, хотя и рѣдко—это не подлежитъ сомнѣнію.

подсудимомъ [1]· церковь со всею строгостью вооружалась противъ всякаго принужденія въ этомъ отношеніи. Такъ напр. папа Левъ осуждаетъ насильственныя мѣры, употребленныя Діоскоромъ Александрійскимъ на Ефесскомъ соборѣ 449 г. (разбойничьемъ) съ цѣлью склонить присутствовавшихъ епископовъ къ оправданію Евтихія и низложенію архіеп. Флавіана, и съ нѣкоторымъ упрекомъ говоритъ о тѣхъ епископахъ, которые уступили принужденію и „произнесли свои мнѣнія о заблудившихся не отъ чистаго и правильнаго сужденія, какъ этого требовало обыкновеніе .. но *простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ, такъ какъ они знали, что если бы они не исполнили того, что имъ было повелѣно, это повредило бы ихъ благосостоянію;*"—объ этомъ папа узналъ „отъ самаго точнаго повѣствователя"—своего діакона Иларія, который „едва убѣжалъ, чтобы противъ воли не быть вынужденнымъ подписаться" [2]. Потерпѣвшіе насиліе епископы съ глубокою скорбію восклицали на соборѣ Халкидонскомъ: „на осужденіе архіеп. Флавіана и еп. Евсевія никто не былъ согласенъ; сдѣлано было насиліе, насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами и мы убоялись палокъ и мечей.. *Гдѣ палки и мечи какой тутъ соборъ?* Діоскоръ взялъ съ собою воиновъ для того, чтобы устрашить насъ. Воины низложили ихъ болѣе, чѣмъ мы; *а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха.* Человѣкоубійцу (Діоскора, виновника насилія) вонъ изгоните"... [3].

Судебный приговоръ—единогласный или по большинству голосовъ [4], формулированный предсѣдателемъ суда, произносился, обыкновенно, предъ св. Евангеліемъ, которое указы-

---

[1] См. напр. Дѣянія III 601—646. IV 299—309. 311—321 и др.

[2] Дѣянія III. 72 и 67.

[3] Ibid III. 160. Сн. 69, 89. 180. 360 574 и др Выражаясь такъ, епископы имѣли въ виду то обстоятельство, что несправедливо низложенный Діоскоромъ и измученный его побоями архіеп. Флавіанъ не перенесъ тяжелаго испытанія и черезъ три дня скончался въ заключеніи отъ жестокихъ страданій.

[4] Ibid. V. 246—247. VI. 453.

вало на присутствіе Владыки всѣхъ Христа [1]), слѣдовательно какъ бы предъ очами Божіими, и подписывался всѣми согласными съ нимъ членами суда [2]).

За несправедливый приговоръ судьи подвергались тому же самому наказанію, къ какому ими былъ присужденъ обвиняемый—и это называлось „судомъ праведнымъ“ [3]).

Въ заключеніе изложенія судебной процедуры, соблюдавшейся въ аккузаціонномъ процессѣ вселенскаго періода, отмѣтимъ слѣдующее интересное обстоятельство: когда произнесеніе окончательнаго приговора надъ лицами, присутствующими при судопроизводствѣ, откладывалось на нѣкоторое время по ихъ личной просьбѣ, послѣдніе обязывались иногда представить обезпеченіе въ томъ, что они не удалятся изъ города, гдѣ происходятъ судебныя засѣданія. Здѣсь нельзя не видѣть вліянія порядковъ, соблюдавшихся въ римскомъ процессѣ. Древній способъ вызова въ судъ (in jus vocatio), допускавшій самоуправство истца, насиліе по отношенію къ отвѣтчику, сталъ постепенно замѣняться новымъ, болѣе гуманнымъ способомъ—vadimonium: такъ какъ производство in jure иногда, по сложности дѣла, затягивалось на нѣсколько дней, то преторъ, чтобы избавить истца отъ необходимости каждый разъ повторять непріятную процедуру in jus vocationem, требовалъ отъ отвѣтчика дать истцу торжественное обѣщаніе (въ формѣ стипуляціи) въ томъ, что онъ снова явится для продолженія процесса Это обѣщаніе иногда подкрѣплялось поручительствомъ (satisdatione) или произнесеніемъ клятвы (cautio juratoria). Съ теченіемъ времени рядомъ съ vadimonium, даннымъ in jure, стало примѣняться внѣ-судебное vadimonium. Въ Юстиніановомъ правѣ, когда вызовъ заинтересованныхъ сторонъ сталъ обязанностію самого суда, оба тяжующіеся должны были дать обезпеченіе въ томъ, что не будутъ уклоняться отъ процесса до его окончанія (usque ad terminum litis); характеръ обезпе-

[1]) Ibid. I. 854 V. 41—43.

[2]) Ibid. I. 592—607. 764—773. III. 291—296. IV 133—163. V. 381—393 и др. За больныхъ членовъ суда, по ихъ личной просьбѣ, подписывались уполномоченные. I. 605. 606. III. 659. IV. 149 и др. Самые образцы судебнаго приговора—см. изложенный процессъ. Сн. I. 592. 607. 718—720 и др.

[3]) Дѣянія III. 492—493. IV 7. VII-й вселенскій соборъ узаконилъ это 4-мъ канономъ. Сн. Карѳ. 16 пр.

ченія находился въ зависимости отъ достоинства самихъ тяжущихся: оно могло состоять въ простомъ обѣщаніи (nuda promissio), въ принесеніи присяги (cautio juratoria) или въ представленіи поручителей (cautio judicio sisti) [1]).

Въ церковносудебной практикѣ мы встрѣчаемъ, правда только единственный, примѣръ примѣненія подобнаго рода гарантіи въ указанномъ выше случаѣ. Когда Халкидонскій соборъ хотѣлъ произнести приговоръ осужденія надъ Египетскими епископами, какъ надъ ересиками за то, что они отказывались подписать посланіе Римскаго архіеп. Льва и низложеніе Діоскора, ссылаясь на существующій въ Египетскомъ округѣ обычай не дѣлать ничего важнаго безъ вѣдома и приказанія своего архіепископа, Египетскіе епископы стали на колѣнахъ умолять соборъ отложить произнесеніе приговора надъ ними до назначенія новаго архіепископа (вмѣсто Діоскора) „дабы, по древнему обычаю, мы послѣдовали его мнѣнію“. Въ отвѣтъ на эту мольбу присутствовавшіе на соборѣ сановники и сенаторы сдѣлали со своей стороны предложеніе „оставить просителей въ собственномъ ихъ положеніи, въ царствующемъ городѣ, и дать отсрочку до тѣхъ поръ, пока не будетъ рукоположенъ архіепископъ великаго города Александріи„. Тогда одинъ изъ предсѣдательствующихъ на соборѣ папскихъ легатовъ-Пасхазинъ сказалъ: „если повелитъ ваша власть и прикажете сдѣлать для нихъ что-либо по человѣколюбію, *пусть дадутъ они поручительство*, что не выйдутъ изъ этого города, пока Александрія не получитъ епископа“. Знатнѣйшіе сановники и знаменитый сенатъ сказали: „сужденіе еп. Пасхазина да будетъ утверждено. Посему почтеннѣйшіе епископы Египетскіе, оставаясь въ собственомъ своемъ положеніи, пусть или *представятъ поручительство*, если для нихъ возможно, или *завѣрятъ клятвою*, что они ожидаютъ рукоположенія будущаго епископа великаго города Александріи“ [2]).

Представленный здѣсь ходъ предварительнаго и главнаго судопроизводтсва къ концу VI вѣка сдѣлался обычнымъ въ цер-

---

[1]) Schulin. S. 522—523. 571; Боголѣповъ. Учебникъ исторіи рим. права стр. 298. 407. Муромцевъ. Гражд. право древ. Рима 73—76.

[2]) Дѣянія. IV. 57—58. Удалившихся изъ города прежде окончанія дѣла церковь подвергала наказанію. Ibid. IV. 203.

ковно-судебной практикѣ (modus procedendi ordinarius). Рѣшительное доказательство этого канонисты находятъ въ письмѣ и инструкціи папы Григорія Великаго († 604) къ дефензору Іоанну, отправленному въ Испанію для разбора разныхъ жалобъ, откуда видно, что церковный процессъ къ этому времени окончательно усвоилъ форму римской accusatio [1]) и въ въ этой формѣ оставался господствующимъ до IX вѣка [2]).

Только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ сложившійся порядокъ судопроизводства могъ нѣсколько модифицироваться въ зависимости отъ предмета обвиненія, личнаго характера заинтересованныхъ сторонъ и другихъ обстоятельствъ. Церковь строго слѣдила за соблюденіемъ этого порядка, осуждая уклоненія отъ него, какъ „дѣло неразумное и достойное презрѣнія“ [3]) и даже, какъ намъ уже извѣстно, поставляя въ зависимость отъ выполненія разныхъ процессуальныхъ формальностей самую законность судебнаго приговора.

Дальнѣйшая дѣятельность суда, послѣ постановленія приговора, состояла въ слѣдующемъ.

Если судебный приговоръ былъ произнесенъ надъ епископомъ, изобличеннымъ въ ереси, то лица, ранѣе отлученныя имъ, принимались въ церковное общеніе и возстановлялись въ прежнее достоинство (своего рода in integrum restitūtio). Въ посланіи папы Целестина къ еп. Антіохійскому Іоанну читаемъ: „если кто или Несторіемъ или кѣмъ либо изъ его послѣдователей, съ того времени какъ начали они разглашать свое ученіе, былъ удаленъ отъ общенія, лишенъ былъ іерейской чести или другаго сана въ клирѣ, тотъ всегда былъ и теперь пребываетъ въ общеніи съ нами. Не считаемъ его правильно отлученнымъ, потому что не могъ никого отлучить судъ такого человѣка, который самъ себя сдѣлалъ достойнымъ отлученія [4]).

Затѣмъ, епископы признавали за благо письменно извѣщать церкви и православный народъ о судебныхъ рѣше-

---

[1]) Molitor. S. 41—43; Gross. S. 13

[2]) München. I S. 367.

[3]) Дѣянія I. 722. 723. 786. 897 и др.

[4]) Дѣянія I 413. Сн. 408—409. 439. 458 и др. Третій вселенскій соборъ узаконилъ это своимъ третьимъ канономъ.

ніяхъ [1]). Побужденіе и цѣль подобныхъ извѣщеній ясно выражена въ окружномъ посланіи Александра, еп. Александрійскаго. „Такъ какъ каѳолическая церковь составляетъ единое тѣло и по заповѣди божественнаго писанія должна блюсти единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV. 3), то намъ надлежитъ посланіями извѣщать другъ друга о событіяхъ, случающихся у каждаго изъ насъ съ тѣмъ, чтобы страждетъ ли или радуется одинъ членъ, могли сострадать ему и сорадоваться и всѣ прочіе... А потому извѣщаемъ ваше благочестіе, возлюбленные и честнѣйшіе сослужители, съ тѣмъ, чтобы вы не принимали никакого изъ нихъ (аріанъ), когда бы кто захотѣлъ придти къ вамъ и не вѣрили ни Евсевію (еп. Никомидійскому), ни кому другому, кто сталъ бы писать за нихъ“ [2]).

Подобныя же посланія епископы отправляли и къ императору вмѣстѣ съ судебными протоколами [3]) и просьбою о томъ, чтобы императоръ, утвердивъ судебный приговоръ собственноручною подписью, присовокупилъ къ наказанію по церковнымъ канонамъ и наказаніе по государственнымъ законамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно—когда осужденные церковію не хотѣли добровольно подчиниться церковному наказанію, епископы eo ipso прямо вынуждались обращаться за содѣйствіемъ къ государственной власти, такъ какъ церковь-духовное царство-располагала только духовными средствами воздѣйствія на членовъ своихъ и не могла употреблять внѣшне-принудительныхъ мѣръ, находящихся въ распоряженіи государства. Въ донесеніяхъ отцевъ III вселенскаго собора имп. Ѳеодосію и Валентиніану читаемъ: „мы лишили его (Несторія) священства и права учительства, которое онъ во зло употреблялъ и низложили его законнымъ порядкомъ... Да повелитъ же, ваше величество, да постановленное вселен-

---

[1]) Ibid. I. 186—197. 282—289. 726—734. II 14—16. III 664—665. IV 398—405 и мн. др. Иногда о судебномъ приговорѣ извѣщались письменныя объявленія и возвѣщали публичные глашатаи. Императорскій чиновникъ Кандидіанъ, разсказывая о дѣяніяхъ Ефесскаго собора (431) замѣчаетъ «грамота о низложеніи его (Несторія) была выставлена публично.. Спустя немного я услышалъ, что даже публичные глашатаи ходятъ по площади и торжественно возвѣщаютъ о низложеніи Несторія». I 648 Сн. 303.

[2]) Ibid. I. 32 и 39. Сн. 40—41. 62—63. II. 16. 300 III 38 и др.

[3]) Ibid. I 613. 622. III 669 и др.

скимъ соборомъ возъимѣло свою силу, бывъ подтверждено согласіемъ и одобреніемъ вашего благочестія.. Умоляемъ-повелите истребить въ церквахъ все его ученіе и книги его, какія гдѣ найдутся, предать огню, такъ какъ онъ посредствомъ ихъ старается уничтожить благодать Бога... Для яснѣйшаго и полнѣйшаго уразумѣнія дѣяній собора прилагаются присемъ акты его [1]). *Если же будутъ стараться убѣжать* (т. е. избѣжать церковнаго наказанія), говорятъ отцы Халкидонскаго собора о монахахъ Каросѣ и Дороѳеѣ, послѣдователяхъ Евтихія, то вселенскій соборъ опредѣляетъ, что *надъ ними имѣетъ силу то самое наказаніе, т. е. когда внѣшняя власть вспомоществуетъ опредѣленію противъ непокорныхъ*“ [2]).

Императоры, не зараженные сочувствіемъ къ еретикамъ и не опутанные ихъ происками, а высоко державшіе знамя православной вѣры, не отказывали церкви въ своемъ содѣйствіи: они издавали эдикты или даже писали цѣлыя посланія [3]), въ которыхъ говорили, что къ наказанію, наложенному на осужденныхъ самою церковію, они присоединяютъ еще и свое собственное, напр.: сожженіе еретическихъ книгъ [4]), запрещеніе еретикамъ явныхъ и тайныхъ собраній [5]), увеличеніе (иногда въ 10 разъ) государственныхъ налоговъ [6]), лишеніе общественной должности [7]), изгнаніе изъ царствующаго города [8]), ссылка [9]). Вотъ что узаконили относительно Евтихія и его послѣдователей, осужденныхъ Халкидонскимъ соборомъ, императоры Валентиніанъ и Маркіанъ: „постановляемъ симъ законамъ, чтобы они (евтихіане) не имѣли никакого позволенія сходиться или собираться или созывать монаховъ или

---

[1]) Ibid. I стр. 621. 725—726 и 622

[2]) Ibid IV 78 Сн. I 721—726. IV 584—585 539. 666 и мн. др.

[3]) См. напр. Дѣянія I. 176—185. 199—203 IV 404—443. V 460—560.

[4]) Ibid. I 179. II 488—492 и др

[5]) Ibid II 488. 490.

[6]) I. 84.

[7]) I 85 IV 166

[8]) IV 166.

[9]) I 202 306. II. 298—299 IV. 469

строить монастыри; и самыя мѣста, гдѣ они, можетъ быть, попытались бы когда собраться, конфисковать, если впрочемъ они собрались бы съ вѣдома владѣльца мѣста, если же безъ его вѣдома, то постановляемъ, управителя или съемщика того мѣста, наказавъ розгами, по конфискованіи, подвергнуть изгнанію. Кромѣ того, мы настаиваемъ, чтобы они ничего по завѣщанію не получали и не предоставляли тѣмъ, которые находятся въ томъ же заблужденіи, и не были допускаемы ни въ какую военную службу, развѣ только въ когортную или пограничную. Если же кто будетъ найденъ въ другой военной службѣ, кромѣ сказанной, или потому, что неизвѣстно было его уклоненіе въ богопочтеніи или потому, что онъ дошелъ до этого заблужденія послѣ вступленія въ полкъ, тотъ, по изгнаніи изъ военной службы, пусть получитъ такой плодъ своего безславія, что лишится сообщества лучшихъ людей и двора, и живетъ не иначе, какъ только въ томъ селеніи или городѣ, гдѣ родился. Если же нѣкоторые изъ нихъ рождены въ этомъ благополучномъ городѣ (столицѣ), то пусть будутъ изгнаны и изъ этого царственнаго города, и изъ императорскаго округа и изъ всякой митрополіи. Это мы опредѣляемъ вообще о всѣхъ, одержимыхъ этою болѣзненною скверною или имѣющихъ подвергнуться ей... Вездѣ, гдѣ найдутся сочиненія ихъ, предавать огню, а тѣхъ, которые ихъ списывали, или давали другимъ для чтенія, по конфискаціи имѣнія, наказывать ссылкою... Осмѣливающійся учить противозаконному будетъ наказанъ тяжкимъ наказаніемъ, а тѣхъ, которые стараются слушать употребляющихъ скверныя разглагольствія, мы укрощаемъ пенею въ десять литръ золота. Ибо тогда устранится поводъ къ заблужденію, когда исчезнутъ и ученикъ и учитель грѣховъ“ [1]).

Нарушителямъ своихъ опредѣленій касательно осужденныхъ церковію лицъ императоры угрожали самыми строгими наказаніями: денежнымъ штрафомъ и инфаміей [2]), конфискаціей имущества [3]) и даже самымъ крайнимъ наказаніемъ

---

[1]) Дѣянія IV 429—432 Тоже самое узаконяетъ имп. Маркіанъ въ своемъ «повторительномъ законѣ» Ibid. 454—460.

[2]) Ibid. IV 432 V 438

[3]) Ibid I 308. II 488. V. 439 VI. 539

(ἐσχάτην τιμωρίαν)—смертною казнію „Повелѣваемъ, говорится въ эдиктѣ имп. Ѳеодосія противъ Несторіанъ, чтобы всѣ такого рода сочиненія (несогласныя съ православной вѣрой)... были сожигаемы и совершенно истребляемы, такъ чтобы никто не могъ ихъ читать, а тѣ, которые будутъ у себя держать и читать эти сочиненія, должны имѣть въ виду смертную казнь“ [1]) Еще рѣшительнѣе выражается импер. Константинъ Великій въ окружномъ посланіи ко всѣмъ епископамъ и народамъ, написанномъ послѣ осужденія Арія: „всякое сочиненіе, написанное Аріемъ, какое у кого найдется, повелѣваемъ предать огню... Если же кто будетъ обличенъ въ утаеніи книгъ аріанскихъ и не представитъ ихъ тотчасъ же для сожженія, таковый, объявляемъ напередъ, будетъ наказанъ смертію: тому немедленно, по открытію вины, будетъ отсѣчена голова“ [2]).

Таковы-заключительные моменты процессульной дѣятельности церкви (преимущественно по преступленіямъ противъ вѣры) и отношеніе императорской власти къ церкно-судебнымъ рѣшеніямъ.

---

[1]) Дѣянія II. 493.

[2]) Ibid. I 179—180.

Глава пятая.

Вопросъ объ организаціи судебныхъ инстанцій и о порядкѣ движенія по нимъ суднаго дѣла, детально разработанный церковнымъ законодательствомъ вселенскаго періода, не представляетъ особенныхъ затрудненій и, въ предѣлахъ самаго законодательства, не служитъ предметомъ ученыхъ контроверсъ въ канонической литературѣ, а потому мы ограничимся краткимъ изложеніемъ.

Недовольный приговоромъ первой инстанціи, безразлично—обвинитель или обвиняемый, могъ обратиться съ аппелляціей къ высшему суду. Право аппелляціи извѣстно было и процессу первыхъ трехъ вѣковъ христіанства: и тамъ недовольный рѣшеніемъ своего епископа могъ искать правосудія на помѣстномъ соборѣ, собиравшемся ежегодно два раза. А что помѣстные соборы и въ то время были не только законодательными и правительственными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными установленіями для дѣлъ, превышающихъ компетентность отдѣльныхъ епископовъ, это ясно изъ 37 Апостольскаго правила, узаконяющаго обычай двукратныхъ ежегодныхъ соборахъ, которое указываетъ для этихъ соборовъ, между прочимъ, слѣдующую цѣль: „да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія“. Однако въ періодъ до—Никейскій мы не находимъ яснаго разграниченія судебныхъ инстанцій, точныхъ предписаній касательно ихъ компетенціи, способа представленія аппелляціонной жалобы и самаго порядка аппелляціоннаго судопроизводства. Все это явилось только въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Организація судебныхъ инстанцій развивалась постепенно вмѣстѣ съ централизаціей церковнаго управленія.

Общепризнанный фактъ, что вся вообще организація церковнаго строя при христіанскихъ императорахъ стала сообразоваться съ политической организаціей, съ государственнымъ распорядкомъ римской имперіи (IV. 17; VI. 38): появлялось въ государственномъ строѣ новое дѣленіе на административные округи, обнимающіе извѣстный территоріальный районъ, съ опредѣленнымъ административнымъ центромъ—это дѣленіе отражалось и на организаціи церковнаго строя. Соотвѣтственно государственной провинціи появляется церковная провинція, территоріально совпадающая съ первой: епископы городовъ, входящихъ въ предѣлы митрополіи, составляли изъ себя какъ бы юридическое лицо, одну корпорацію—провинціальный соборъ; центральное же мѣсто между ними занималъ епископъ главнаго города митрополіи. Политическое объединеніе провинцій въ діоцезы послужило образцомъ для объединенія церковныхъ митрополій въ экзархаты или патріархаты—опредѣленные церковные округи, во главѣ которыхъ стояли патріархи. Такимъ образомъ, ко времени Халкидонскаго собора (451 г.) въ церковной организаціи вполнѣ опредѣлились слѣдующіе административные центры: епископъ во главѣ общины, митрополитъ—въ митрополіи и патріархъ—въ патріархатѣ. Одновременно и въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ развилась цѣльная, вполнѣ опредѣленная и законченная система судебныхъ инстанцій, черезъ которыя должно пройти судное дѣло для законнаго разрѣшенія.

Первою судебною инстанціею *для низшихъ клириковъ* до пресвитера включительно былъ судъ мѣстнаго епархіальнаго епископа [1]).

---

[1]) Что касается хорепископовъ, служившихъ помощниками для епископа въ участкахъ, на которые дѣлилась его парикія (епархія), то они не имѣли самостоятельной юрисдикціи и если иногда производили судебныя разбирательства между членами клира и мирянами по маловажнымъ спорамъ и жалобамъ, то дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ качествѣ делегатовъ отъ епископа. Ограничительныя мѣропріятія многихъ помѣстныхъ соборовъ, начиная съ IV в., направленныя противъ института хорепископовъ (Неокес. 14; Анкир. 13. Антіох. 10 Сард 6. Лаодик. 57), привели къ тому, что этотъ институтъ сталъ постепенно вымирать, замѣняясь новымъ институтомъ—періодевтовъ или странствующихъ съ цѣлію наблюденія визитаторовъ. (Лаодик 57)

Законно поставленыя епископомъ (съ совѣтомъ пресвитеровъ) рѣшенія должны имѣть безусловно обязательную силу для всѣхъ клириковъ: неподчиненіе епископскому суду влекло за собою тяжкія послѣдствія. „Аще пресвитеръ или діаконъ, извергаемый изъ сана своимъ епископомъ, дерзнетъ совершити какую либо священную службу, таковому отнюдь не позволяется на соборѣ ни надежду возстановленія въ прежній чинъ имѣти, ниже до принесенія оправданія допущену быти". (Антіох. 4. Карѳ. 10. 11 и др.). Никто не только изъ клириковъ, но и изъ свѣтскихъ лицъ не долженъ самовластно препятствовать привести рѣшеніе епископа въ исполненіе, подъ угрозою денежнаго штрафа и инфаміи (Карѳ. 73). Ограждая самостоятельность епископскаго суда, церковныя правила стого воспрещаютъ другимъ епископамъ принимать въ общеніе клириковъ осужденныхъ ихъ собственнымъ епископомъ: „аще который епископъ пріиметъ въ общеніе праведно извергаемыхъ за свои преступленія отъ церкви, да будетъ и самъ повиненъ равному осужденію съ уклоняющимися отъ правильнаго приговора своего епископа" (Карѳ. 9. Сн. 1. 5. Ант. 6, 1. Сард. 13 и др.) [1]).

Недовольные приговоромъ своего епископа могли обратиться съ апелляціей къ областному собору, составлявшемуся сначала дважды, а потомъ одинъ разъ въ годъ. (Ап. 37, I. 5. IV. 19. Ант. 20; VI 8. Карѳ. 27 и др.). Такимъ образомъ, областной соборъ, подъ предсѣдательствомъ епископа главнаго города области (митрополита), служилъ второю судебною инстанціею по дѣламъ низшихъ клириковъ. Никейскій соборъ въ своемъ пятомъ канонѣ, подтверждая прежде всего самостоятельность епископскаго суда и ограждая его независимость отъ всякаго сторонняго произвола—„чтобы отлученные одними

---

[1]) Нѣкоторую особенность въ организаціи церковнаго суда первой инстанціи указываютъ правила для церкви Африканской, тамъ мѣстный епископъ единолично судилъ только самыхъ низшихъ клириковъ: иподіаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ, заклинателей и др; судъ же надъ діаконами и пресвитерами долженъ быть коллегіальный діакона судили три, а пресвитера—шесть ближайшихъ епископовъ вмѣстѣ съ соботвеннымъ епископомъ (Карѳ. 29. Сн. 12). Возможность подобной организаціи легко объясняется особенною многочисленностью епископовъ въ Африканской области Fessler s. 76—77.

епископами не были пріемлемы другими"—присовокупляетъ: „впрочемъ, да будетъ изслѣдываемо не по малодушію ли или распрѣ или по какому либо подобному неудовольствію епископа подпали они отлученію И такъ, дабы о семъ происходити могло приличное изслѣдованіе, за благо признано, что-бы въ каждой области дважды въ годъ были соборы: чтобы всѣ вообще епископы области, собравшися воедино, изслѣдывали таковыя недоумѣнія и такимъ образомъ, достовѣрно оказавшіеся несправедливыми противъ епископа, основательно всѣми признаны были недостойными общенія, доколѣ не заблагоразсудить собраніе епископовъ произнести о нихъ болѣе снисходительное рѣшеніе". Тоже самое предписываетъ и Антіохійскій соборъ: „къ симъ соборамъ да приступаютъ пресвитеры и діаконы и всѣ почитающіе себя обиженными и отъ собора да пріемлютъ судъ". (пр. 20).

Конечно, нерѣдко возможны были такіе случаи, когда обвиняемые клирики имѣли серьезныя причины выражать недовольство и приговоромъ областнаго собора (второй инстанціи) „Церковная практика показывала, пишетъ проф. Соколовъ, что помѣстный судъ, хотя бы и многихъ епископовъ одной области, не всегда оказывался достаточнымъ и удовлетворительнымъ. Мѣстныя воззрѣнія или интересы, симпатіи или антипатіи могли быть раздѣляемы почти всѣми епископами какой либо области, и однако же оказывалось, что подобное согласіе не служило еще гарантіею безпристрастія и справедливости судебнаго приговора по дѣлу одного изъ нихъ (а равно, прибавимъ мы, и по дѣлу низшихъ клириковъ, напр. по дѣлу пресвитера Евтихія). Бывало и такъ, что судьи высшей областной инстанціи не сходились между собою во мнѣніяхъ, и одни признавали подсудимаго виновнымъ, а другіе невиннымъ" [1]) (примѣромъ можетъ служить процессъ по дѣлу пресвитера Евтихія на Ефесскомъ соборѣ 449 г., который мы и изложимъ нѣсколько ниже). Въ виду этого, пока не существовало иного административнаго центра, кромѣ митрополіи, ощущался недостатокъ въ высшей судебной инстанціи, гдѣ бы могли получить окончательное рѣшеніе своего дѣла лица, недовольны приговоромъ областнаго собора. Для такихъ

[1]) Прав. Обозр. 1870. II 606.

лицъ предстояла слѣдующая альтернатива: ждать открытія вселенскаго или другаго бо́льшаго собора или обратиться за правосудіемъ къ свѣтской власти. Съ объединеніемъ провинцій въ экзархаты, съ патріархами во главѣ, въ этихъ высшихъ центрахъ и указана была правилами третья и послѣдняя судебная инстанція. Въ западной церкви высшею судебною инстанціею служилъ епископъ города Рима, которому канонами предоставлено было право или назначить новыхъ судей изъ ближайшихъ епископовъ для пересмотра дѣла или отправить туда своихъ мѣстоблюстителей (Сард. 3. 4. 5.) [1]).

Судебный процессъ по жалобамъ и обвиненіямъ *противъ епископовъ* въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства проходилъ двѣ инстанціи: 1) областный соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита и 2) окружный или „большій соборъ великія области". Второй веленскій соборъ (6 пр.) повелѣваетъ обвиняющимъ епископа „представити свои обвиненія всѣмъ епископамъ области, и предъ ними подтверждати доводами свои доносы на епископа подвергшагося отвѣту (первая нистанція). Аще же епископы соединенныхъ епархій, паче чаянія, не въ силахъ будутъ возстановити порядокъ, по возводимымъ на епископа обвиненіямъ: тогда обвинители да приступятъ къ большему собору епископовъ великія области, по сей причинѣ созываемыхъ (вторая нистанція—со времени

[1]) Такъ какъ Африканская церковь строго запрещала переноситьсудебныя дѣла для рѣшенія «за море», т. е къ Италійскимъ епископамъ вообще и римскому престолу въ частности, угрожая за это лишеніемъ церковнаго общенія во всей Африканской области (Карѳ. 37. 139 118), то судебныя инстанціи для низшихъ клириковъ опредѣлены были здѣсь слѣдующимъ образомъ: 1) судъ мѣстнаго епископа (съ тремя другими епископами для діакона и шестью—для пресвитера—Карѳ. 29, 12); 2) судъ ближайшихъ епископовъ, избираемыхъ аппеллирующими съ согласія собственнаго епископа (Карѳ. 139, 37. 11) и 3) областной соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. «Опредѣлено, чтобы, когда пресвитеры и діаконы и проч. низшіе причетники, по возникшимъ у нихъ дѣламъ жалуются на судъ своихъ епископовъ (первая инстанція), выслушивали ихъ сосѣдніе епископы и чтобы, съ согласія собственныхъ ихъ епископовъ прекращали возникшія между ними неудовольствія приглашенные ими епископы (вторая нистанція). Аще и отъ сихъ къ высшему суду восхотятъ пренести дѣлъ: да не преносятъ въ суды по ту сторону моря, но къ первенствующимъ епископамъ своихъ областей»... (третья инстанція) Карѳ. 37.

Халкидонскаго собора—Константинопольскій патріархъ для для восточныхъ епископовъ и римскій престолъ—для Западныхъ—IV. 9. 17. 28.) Впрочемъ, иногда и судебныя дѣла епископовъ могли пройти три инстанціи: первую инстанцію въ этихъ случаяхъ составлялъ соборъ ближайшихъ епископовъ, назначаемыхъ митрополитомъ области, вторую—областный соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита [1]) и третью окружный соборъ или Константинопольскій патріархъ. „Обыкновенный порядокъ судопроизводства надъ епископами, говоритъ преосв. Іоаннъ, еп. Смоленскій, въ древнія времена былъ таковъ, что преступленія ихъ или обвиненія и жалобы на нихъ отъ другихъ сперва были разсматриваемы соборами нѣсколькихъ епископовъ, по назначенію митрополитовъ. Отсюда дѣло могло перейти къ бо́льшему собору областному, подъ личнымъ предсѣдательствомъ митрополитовъ, или еще могло быть перенесено къ полному собору окружному“ [2]).

Обыкновенною судебною инстанціею по преступленіямъ *областныхъ митрополитовъ* и жалобамъ на нихъ служилъ окружный соборъ; недовольные рѣшеніемъ этого собора могли обратиться на востокѣ—къ Констант. патріарху, а на западѣ—къ римскому папѣ. (IV 9. 17 28. Сард, 3. 4. 5.).

---

[1]) По правиламъ собора Антіохійскаго, въ случаѣ разногласія между епископами областнаго собора, митрополитъ имѣлъ право пригласить на соборъ епископовъ изъ сосѣднихъ областей (Ант. 14.). Въ случаѣ же единодушнаго приговора епископовъ областнаго собора, обвиняемый епископъ уже не могъ обращаться съ аппелляціей къ епископамъ иныхъ областей. (Ант. 15). Послѣднее правило, по объясненію преосв. Іоанна, ограждало независимость суда областныхъ соборовъ и направлено было противъ тѣхъ, которые, изъ личныхъ видовъ, принимали къ себѣ и оправдывали осужденныхъ единогласнымъ рѣшеніемъ епископовъ своей области: Подобное отношеніе къ рѣшеніямъ областныхъ соборовъ нерѣдко допускали римскіе папы, какъ видно напр. изъ письма отцевъ Африканскаго собора (427 г.) къ папѣ Целестину. Опытъ курса... I 405 Письмо—См. Дѣяній помѣстныхъ соборовъ въ русск. перев.

[2]) Опытъ курса церк. Законовѣд. в. I. стр. 405. Въ Африканской церкви порядокъ судебныхъ инстанціи по дѣламъ епископовъ былъ таковъ: 1) судъ двѣнадцати сосѣднихъ епископовъ (Карѳ 12) 2) соборъ нѣсколькихъ епископовъ по назначенію митрополита и 3) областной соборъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ послѣдняго (Карѳ. 37. 139). Подробный анализъ правилъ правилъ Африканской церкви касательно церковнаго судопроизводства сдѣланъ Фесслеромъ. Стр. 76—83.

Судъ *надъ патріархами* принадлежалъ собору патріарховъ или вселенскому собору.

Вселенскій соборъ не входилъ въ кругъ инстанцій обыкновеннаго судопроизводства: это была временная и притомъ чрезвычайная мѣра, вызываемая исключительными обстоятельствами церковной жизни Онъ простиралъ свою власть на всю вселенскую церковь и произносилъ окончательный приговоръ по всякаго рода процессамъ между епископами, митрополитами и патріархами.

Вотъ установленный вселенскимъ законодательствомъ порядокъ судебныхъ инстанцій, чрезъ которыя въ строгой постепенности могъ проходить церковный процессъ. Церковь заботливо охраняла этотъ порядокъ движенія суднаго дѣла отъ всякихъ нарушеній, угрожая наказаніемъ тѣмъ епископамъ и клирикамъ, которые, пренебрегая церковнымъ судомъ, стали бы просить у императора свѣтскихъ судей. „Аще кто, говоритъ II вселенскій соборъ (381 г.), презрѣвъ, по предварительному дознанію, постановленное рѣшеніе, дерзнетъ или слухъ царскій утруждати или суды мірскихъ начальниковъ или вселенскій соборъ безпокоити, къ оскорбленію чести всѣхъ епископовъ области: таковый отнюдь да не будетъ пріемлемъ со своею жалобою, яко нанесшій оскорбленіе правиламъ и нарушившій церковное благочиніе (6 пр. сн. IV 9) Еще яснѣе и рѣшительное выражается на этотъ счетъ Гиппонскій соборъ 397 г.: „кто бы то ни былъ изъ епископовъ или пресвитеровъ или діаконовъ или причетниковъ, аще имѣя возникшее въ церкви дѣло обвинительное или тяжебное, отречется отъ церковнаго суда и восхощетъ оправдатися предъ судилищами свѣтскими, лишался своего мѣста, хотя бы и въ пользу его рѣшеніе послѣдовало. И сіе по дѣлу обвинительному, по дѣлу же тяжебному да лишается того, что пріобрѣлъ по рѣшенію дѣла, аще хощетъ удержати мѣсто свое“. (Карѳ. 15) [1]).

---

[1]) Правда, въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода нерѣдки случаи обращенія духовныхъ лицъ за правосудіемъ къ императорской власти. Но чаще всего эти случаи наблюдались тогда, когда несправедливо гонимые истощали всѣ средства, указанныя церковнымъ законодательствомъ къ дознанію истины, къ возстановленію попираемой справедливости, когда они видѣли въ судьяхъ враговъ, явно покровительствовавшихъ обвините-

Указанный порядокъ инстанцій церковнаго суда былъ окончательно утвержденъ имп. Юстиніаномъ съ незначительными дополненіями, не противорѣчащими духу и требованіямъ вселенскаго законодательства, именно: въ церковномъ судопроизводствѣ императоръ отводитъ больше мѣста началу единоличному сравнительно съ коллегіальнымъ—соборнымъ въ виду того, что соборы представляютъ изъ себя явленіе періодическое, а не постоянное. Въ 137 новеллѣ Юстиніанъ говоритъ, что если обвиняется епископъ, то дѣло разбираетъ его митрополитъ; если—митрополитъ, то блаженѣйшій патріархъ, рукоположившій его; если обвиняется пресвитеръ, діаконъ или другой клирикъ, или настоятель, или монахъ, то изслѣдуетъ обвиненіе честнѣйшій епископъ, поставившій ихъ. Коль скоро истина преступленія изслѣдована и доказана, то каждый, смотря по преступленію, подвергается церковнымъ нака-

---

лямъ и не внимавшихъ ихъ законнымъ требованіямъ (см напр: процессъ противъ св. Аѳанасія, изложенный у Фесслера. s 33 исл.) Между тѣмъ вышеприведенныя правила вооружаются главнымъ образомъ противъ тѣхъ, которые обращаются къ свѣтской власти, обходя церковные суды (Карѳ. 15) или пренебрегая законно поставленными рѣшеніями ихъ (II. 6). Кромѣ того, каноны, запрещая клирикамъ судиться по церковнымъ дѣламъ и отношеніямъ въ свѣтскихъ судилищахъ, не возбраняютъ имъ «просити себѣ отъ царя суда епископскаго» (Карѳ 117) Церковная практика свидѣтельствуетъ, что императоры не присвоивали себѣ права суда по вопросамъ, подлежащимъ церковной компетенціи, а отсылали просителей къ церковному суду (см. напр. акты IV в соб.—III и IV т. Дѣяній). Бл Августинъ говоритъ объ отношеніи Константина Великаго къ обращавшимся къ нему за судомъ донатистамъ: «majores vestri (донатисты) causam Caecciliani ad Imp. Constantinum detulerunt. *Sed quia Constantinus non est ausus de causa episcopi judicare, eam discutiendam atque finiendam episcopis delegavit.* Quod et factum est in urbe Roma praesidente Melchiade. episcopo illius ecclesiae, cum multis collegis suis». Epist. 105 n. 8. Еще: Neque enim ausus est christianus Imperator sic eorum tumultuosas et fallaces querelas suscipere, ut de judicio episcoporum, qui Romae sederant, ipse judicaret, *sed alios episcopos dedit* Epist. 43 n 20. Много такихъ мѣстъ приводится у Фесслера s. 26—33 въ прим. Сн. Суворовъ: Курсъ цер. права II. 166 прим. 145) Такъ какъ право суда и въ подобныхъ случаяхъ, по сознанію самихъ императоровъ, принадлежало церковной власти то заключать отсюда, будто бы императоръ служилъ высшею церковно-судебною инстанціею, нѣтъ еще достаточныхъ основаній.

заніямъ судомъ, изслѣдовавшимъ это преступленіе [1]). Самый порядокъ постепеннаго движенія суднаго дѣла по инстанціямъ указанъ Юстиніаномъ въ 123 новеллѣ. Если честнѣйшіе епископы, говорится здѣсь, имѣютъ между собою тяжбу по церковному или по другому какому-либо дѣлу, то да разбираетъ ихъ дѣло прежде всего ихъ митрополитъ съ двумя другими епископами изъ собственнаго собора; и еслибы какая либо изъ сторонъ осталась недовольною, въ такомъ случаѣ блаженнѣйшій патріархъ того округа выслушиваетъ ихъ и полагаетъ рѣшеніе, согласное съ церковными канонами и законами, такъ что ни одна изъ сторонъ не можетъ возражать противъ его опредѣленія. Если же на епископа будетъ принесена жалоба отъ клирика или другаго кого либо, то ихъ тяжбу разбираетъ честнѣйшій митрополитъ по святымъ правиламъ и нашимъ законамъ; и если какая либо изъ сторонъ не будетъ довольна, то дѣло восходитъ къ блаженѣйшему патріарху того округа и онъ на основаніи правилъ и законовъ полагаетъ конецъ жалобѣ. Если же на митрополита будетъ принесена подобная жалоба—отъ епископа-ли или клирика, или другого какого либо лица, то разбираетъ дѣло патріархъ того округа подобнымъ образомъ [2]).

Послѣ того какъ порядокъ церковно-судебныхъ инстанцій въ періодъ вселенскихъ соборовъ, окончательно опредѣлился, аппелляція сдѣлалась явленіемъ обычнымъ, заурядным. Какъ въ римскомъ уголовномъ процессѣ императорскаго періода аппелляція практиковалась настолько часто, что представляла, по выраженію Гейба, какъ бы необходимую составную часть судопроизводства—только съ нею процессъ считался дѣйствительно законченнымъ (въ противоположность прежнему времени, когда она въ формѣ provocatio разсматривалась какъ уклоненіе отъ существующаго производства) [3]), такъ точно и въ церковно судебной практикѣ вселенскаго періода рѣдкій процессъ не восходилъ къ высшему суду въ порядкѣ аппелляціонномъ. И какъ тамъ допускались только двѣ аппелляціи по одному и тому же дѣлу, слѣдовательно каждое дѣло могло

---

[1]) Nov. 137. c 5.
[2]) Nov. 123. c. 22.
[3]) Geib: s. 675—676.

пройти не болѣе трехъ судебныхъ инстанцій [1]), такъ точно было и въ церковномъ процессѣ. Послѣ собора Сардикійскаго (347 г.) св. Аѳанасій Александрійскій писалъ въ своей апологіи противъ Аріанъ: „мое дѣло не требуетъ дальнѣйшаго суда—оно уже рѣшено и не одинъ разъ, не дважды, но болѣе. Въ первый разъ въ моей собственной области Египетской ближайшими 100 епископами; другой разъ—въ Римѣ болѣе чѣмъ 50 епископами; третій разъ на великомъ соборѣ въ Сардикѣ; и съ этими рѣшеніями согласны болѣе 300 епископовъ изъ различныхъ провинцій отъ Египта до Далматіи, Паннонiи, Италіи, Африки, Испаніи, Галліи и Британіи. То, что изслѣдовано и рѣшено столь многими епископами,—по истинѣ, излишне снова изслѣдывать и рѣшать, дабы не подать повода всегда снова начинать изслѣдованіе и не сдѣлать процессъ безъ конца“ [2]). Даже такіе горячіе защитники самобытности церковнаго судопроизводства, какъ Фесслеръ, а за нимъ и нашъ канонистъ г. Заозерскій, согласны съ тѣмъ, что въ приведенныхъ словахъ св. Аѳанасія обнаруживается основное начало церковнаго процесса,—*безъ сомнѣнія общее съ гражданскимъ*, по которому каждое дѣло, если оно однажды рѣшено, не можетъ быть привлечено къ изслѣдованію неограниченное число разъ; ограниченіе находитъ себѣ мѣсто въ третьемъ приговорѣ [3]).

По правиламъ вселенскаго законодательства аппелляція не допускалась только въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) (Въ спорныхъ дѣлахъ) отъ тѣхъ клириковъ, дѣло которыхъ было рѣшено судьями, избранными полюбовнымъ соглашеніемъ: аще по согласію обѣихъ сторонъ судящихся избраны будутъ судьи. то, хотя бы число ихъ было менѣе опредѣленнаго въ правилахъ (12-по дѣлу епископа, 6—пресвитера и 3—діакона) да не будетъ позволено преносити судъ къ другимъ (Карѳ. 17. Сн. 107. 135). Причина, въ силу которой приговоръ третейскихъ судей не могъ подлежать обжалованію, заключается, по объясненію Аристина, въ томъ, что „отзывъ исправляетъ неискусство или несправедливость

[1]) Schulin. s. 601, Geib. S. 675 683.
[2]) Апологія противъ аріанъ. Гл. I.
[3]) Fessler. s. 54 Заозерскій 296 стр.

судьи; но какимъ образомъ выбравшій самъ себѣ церковныхъ судей, которыхъ призналъ безукоризненными и по разуму и по жизни, будетъ допущенъ говорить, что его судили или неискусно, или несправедливо, и наводить какъ бы нѣкоторое нареканіе на священныхъ мужей, якобы осужденныхъ имъ“ [1]). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ случаѣ церковь усвоила воззрѣнія римскаго права на арбитровъ, какъ это видно изъ сопоставленія церковныхъ правилъ съ ученіемъ римскихъ классическихъ юристовъ [2]).

2) отъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, лишенныхъ сана компетентнымъ судомъ, если они, прежде разсмотрѣнія ихъ жалобы въ аппелляціонномъ порядкѣ, дерзнутъ совершить какую либо службу, свойственную ихъ прежнему сану и тѣмъ обнаружатъ непокорство законной власти и желаніе насильственно удержать свой санъ и дѣйствовать его правами [3]).

и 3) отъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя, пренебрегая установленнымъ вселенскимъ законодательствомъ порядкомъ обжалованія судебныхъ рѣшеній, будутъ искать пересмотра своего дѣла свѣтскою властію (Антіох. 12; II. 6. Карѳ. 117.)

На основаніи этихъ правилъ, говоритъ преосв. Іоаннъ, св. Аѳанасій Великій и Іоаннъ Златоустъ, хотя и несправедливо осуждены были нѣкоторыми соборами, но и бывъ возвращены царскою властію изъ заточенія, не рѣшались занять своихъ каѳедръ, пока не были оправданы соборами, бо́льшими и важнѣйшими тѣхъ, которыми осуждены были [4]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда аппелляція допускалась, пересмотръ дѣла высшей судебной инстанціей не заключалъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для суда низшей инстанціи, если только приговоръ послѣдняго не былъ основанъ на личномъ

---

[1]) Книга правилъ II. 1314. Толк. на Карѳ. пр. 14—18.

[2]) Вотъ для примѣра: Карѳагенскій соборъ 418 г. говоритъ въ 121 канонѣ (въ книгѣ правилъ—135): «ut si tres elegerint, omnium sententiam sequantur aut duorum; тоже самое говоритъ и Ульпіанъ: si in tres fuerit compromissum, sufficere duorum consensum, si praesens fuerit et tertius. Dig. IV, 8. fr. 17. § 7. Сн. § 6.

[3]) Антіох. 4. Карѳ. 38. Сард. 14. См. Толк. преосв. Іоанна. Опытъ I 392—393.

[4]) Опытъ курса I. 404.

пристрастіи, враждѣ или какихъ либо своекорыстныхъ побужденіяхъ: аще отъ какихъ бы то ни было судей церковныхъ судное дѣло перенесено будетъ къ другимъ судьямъ церковнымъ, имѣющимъ высшую власть: да не будетъ никакого нареканія тѣмъ, коихъ приговоръ отмѣненъ будетъ, аще не могутъ быти обличены, яко или по враждѣ или по пристрастію осудили, или нѣкимъ угожденіемъ прельщены были. (Карѳ. 16).

Пока высшій судъ не пересмотритъ дѣло самымъ тщательнымъ образомъ и не постановитъ новое рѣшеніе, приговоръ низшаго суда долженъ сохранять полную силу (Ант. 6. Сард. 13.); по церковнымъ правиламъ исполненіе этого приговора могло быть на нѣкоторое время пріостановлено въ тѣхъ случаяхъ, если приговоръ былъ результатомъ *минутнаго раздраженія, вспышки гнѣва*: аще обрящется нѣкій епископъ, склонный ко гнѣву (что въ таковомъ мужѣ не должно имѣти мѣста) и *внезапно бывъ раздраженъ на пресвитера или діакона*, восхощетъ изринути нѣкоего изъ церкви: *подобаетъ предохраненіе употребити, да не тотчасъ таковый будетъ осуждаемъ и лишаемъ общенія*. Всѣ епископы рекли: извергаемый да имѣетъ право прибѣгнути къ епископу митрополіи тоя же области. Аще же епископа митрополіи нѣтъ намѣстѣ, прибѣгнути къ сосѣдственному епископу и просити, да со тщаніемъ изслѣдуется дѣло. Ибо не должно заграждати слуха отъ просящихъ. А епископъ оный, праведно или неправедно извергшій таковаго, благодушно сносити долженъ, да будетъ изслѣдованіе дѣла, и приговоръ его или подтвержденъ будетъ или получитъ исправленіе. Но прежде нежели тщательно и вѣрно изслѣдованы всѣ обстоятельства, отлученный отъ общенія до разсмотрѣнія дѣла, не долженъ присвояти себѣ общенія. Аще же сошедшеся нѣкоторыя изъ клира увидятъ въ немъ пренебреженіе власти и надменность, то... долженствуютъ нѣсколько суровыми и тяжкими словами обращати его къ порядку, да соблюдается покорность и повиновеніе повелѣвающему должное... (Сард. 14).

Аппелляціонное судопроизводство открывалось чтеніемъ аппелляціонной жалобы и судебныхъ протоколовъ низшей инстанціи [1]), доставлявшихся высшему суду или самими судьями,

[1]) Дѣянія... III. 145. 509; V 250 и др.

рѣшеніе которыхъ было обжаловано, [1]) или чаще всего нотаріями, хранителями протоколовъ; послѣдніе, по требованію высшаго суда, обязаны были представить всѣ документы, необходимые при пересмотрѣ дѣла [2]).

При чтеніи судебныхъ протоколовъ низшей инстанціи высшій судъ слѣдилъ за тѣмъ, не было ли допущено нарушенія основныхъ правилъ судопроизводства или уклоненій отъ выработаннаго церковно-судебной практикой порядка его. Наличность такихъ нарушеній или уклоненій могла служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора низшей инстанціи и постановкѣ новаго рѣшенія. Во всемъ остальномъ при апелляціонномъ судопроизводствѣ соблюдались тѣже требованія и тотъ же порядокъ, какъ и при разбирательствѣ дѣла въ первой инстанціи.

Въ качествѣ иллюстраціи изложимъ тотъ-же процессъ противъ архимандрита Евтихія во второй и третьей судебныхъ инстанціяхъ. Первую инстанцію, какъ мы видѣли, составлялъ областный соборъ—Константинопольскій изъ 32 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Флавіана (448 г.); вторую—бо́льшій соборъ Ефесскій изъ 128 епископовъ разныхъ областей подъ предсѣдательствомъ Діоскора Александрійскаго (449 г.); на этомъ соборѣ (предполагавшемся—быть вселенскимъ) присутствовали іерархи всѣхъ знатнѣйшихъ восточныхъ церквей и папскіе легаты; третью инстанцію составлялъ соборъ Халкидонскій—четвертый вселенскій (451 г.) Правда, Ефесскій соборъ, получившій въ исторіи позорное наименованіе „разбойничьяго“, вслѣдствіе допущенныхъ на немъ незаконныхъ и насильственныхъ дѣйствій, не пользуется уваженіемъ въ церкви; однако, при изученіи вопроса о церковномъ судопроизводствѣ, онъ не лишенъ интереса—именно своею отрицательною стороною: знакомство съ дѣяніями этого собора и отношеніемъ къ нимъ собора Халкидонскаго даетъ изслѣдователю фактическое подтвержденіе того, что церковь, дѣйствительно, строго осуждала нарушеніе узаконеннаго ею порядка судопроизводства.

---

[1]) Дѣянія вс. соб. III 203.

[2]) Ibid. стр. 309.

На Ефесскій соборъ [1]) были командированы имп. Ѳеодосіемъ два комиссара—Елпидій и Евлогій—съ порученіемъ, какъ гласило о томъ высочайшее повелѣніе: не допускать ни въ какомъ случаѣ никакого безпорядка; заключать подъ стражу и извѣщать императора о всѣхъ, начинающихъ возмущеніе и безпорядки, къ оскорбленію святой вѣры; наблюдать за тѣмъ, чтобы разслѣдованіе дѣла происходило въ порядкѣ, чтобы рѣшеніе собора было скорое и осмотрительное, дабы никто изъ прежнихъ судей не принималъ участія въ новомъ процессѣ, чтобы прежде окончанія споровъ о вѣрѣ судъ не занимался никакимъ другимъ спорнымъ вопросомъ, имѣющимъ частно-правовой интересъ; въ случаѣ надобности, комиссары могутъ пригласить на помощь гражданскія и военныя силы; наконецъ, они обязаны были, по окончаніи соборныхъ засѣданій, доставить императору свѣдѣнія по этому дѣлу [2]).

Послѣ того, какъ первый изъ нотаріевъ пресвитеръ Іоаннъ прочиталъ подписанную Евтихіемъ аппелляціонную жалобу на Флавіана и Евсевія и приложенное къ ней исповѣданіе вѣры, архіеп. Флавіанъ, присутствовавшій на соборѣ, заявилъ, чтобы еп. Евсевій Дорилейскій, обвинитель Евтихія, былъ допущенъ къ суду, какъ этого требуютъ судебный порядокъ и церковные законы. Императорскій комиссаръ Елпидій возразилъ на это: „императоръ, будучи самъ первымъ исполнителемъ устава законовъ, котораго онъ есть виновникъ и хранитель, повелѣлъ прежнимъ судьямъ встать въ ряду подсудимыхъ и не имѣть права учить другихъ. А потому на сдѣланное архіеп. Флавіаномъ заявленіе я замѣчаю: обвинитель (Евсевій) уже представилъ свое обвиненіе и, какъ онъ думаетъ, доказалъ его; а теперь прежній судья долженъ дать отвѣтъ за произнесенный имъ по тому обвиненію приговоръ, какъ за свое собственное дѣло,—какъ это наблюдается въ гражданскомъ правѣ. И такъ вы (епископы собора) собрались теперь чтобы судить судей, а не выслушивать снова обвинителя и тѣмъ подавать поводъ къ новому волненію Поэтому прикажите прочитать по порядку все, учиненное по этому дѣлу,

---

[1]) Судебные протоколы этого собора—см. Дѣянія вс. соб III 146—491.
[2]) Дѣянія III 154—155.

сколько вамъ покажется нужнымъ". Предложеніе Елпидія, одобренное Діоскоромъ, было принято соборомъ и, такимъ образомъ, Евсевій не былъ допущенъ къ суду [1]).

Началось чтеніе судебныхъ протоколовъ первой инстанціи, изрѣдка прерываемое отдѣльными замѣчаніями и незначительными преніями присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ По окончаніи чтенія, Діоскоръ сталъ собирать голоса объ Евтихіѣ отъ всѣхъ епископовъ порознь и въ результатѣ получилось оправданіе Евтихія и возстановленіе его въ прежнее достоинство Послѣ этого, согласно докладу перваго изъ нотаріевъ, была прочитана записка монаховъ подвѣдомственнаго архимандриту Евтихію монастыря, въ которой они просили соборъ разрѣшить „отъ узъ неправеднаго отлученія", наложеннаго архіеп. Флавіаномъ и тяготѣющаго надъ ними уже въ теченіи девяти мѣсяцевъ, и возвратить отнятое право на участіе въ богослуженіи Предложивъ монахамъ нѣсколько вопросовъ о вѣрѣ и убѣдившись въ томъ, что они согласны съ исповѣданіемъ Евтихія, Діоскоръ склонилъ соборъ возвратить просителямъ „и достоинство, и общеніе таинствъ".

Когда затѣмъ, по предложенію Діоскора, были прочитаны опредѣленія о вѣрѣ третьяго вселенскаго собора, Діоскоръ сказалъ: „думаю, что всѣмъ нравится изложеніе св. отцевъ, собиравшихся нѣкогда въ Никеѣ, которое утвердилъ и святый соборъ, собиравшійся здѣсь (въ Ефесѣ) прежде и опредѣлилъ содержать его одно, какъ пріятное Богу и достаточное

---

[1]) Когда Халкидонскій соборъ потребовалъ у Діоскора объясненія, почему онъ не допустилъ къ суду Евсевія. Діоскоръ въ свое оправданіе сталъ ссылаться на заявленіе Елпидія, говоря «я не думалъ запрещать, если бы Елпидій не представилъ предложенія, утверждая, что императоръ повелѣлъ ему (Евсевію) не входить». Въ отвѣтъ на такое оправданіе присутствовавшіе на соборѣ сенаторы замѣтили: «когда дѣло идетъ о судѣ по преступленіямъ противъ вѣры, тогда не имѣетъ силы подобное извиненіе» (Дѣянія III 197—198) Слова сенаторовъ имѣютъ высокую важность: они показываютъ, какъ свободна и независима была церковь въ своемъ судѣ— ни императоръ, ни его комиссаръ не могли нарушить судебнаго порядка и церковныхъ законовъ; даже по мнѣнію самого сената, для предсѣдателя суда, если онъ поступилъ вопреки церковнымъ правиламъ, не могла служить извиненіемъ ссылка на то, что въ данномъ случаѣ онъ слѣдовалъ приказанію императора или его комиссара

для спасенія. А мы знаемъ, что они опредѣлили такъ: если кто вопреки этому будетъ говорить или мудрствовать, или вводить новое или изслѣдовать, тотъ подвергается осужденію. Что вы думаете? Пусть каждый письменно выскажетъ, какое онъ имѣетъ мнѣніе. Можемъ ли мы изслѣдовать или вводить новое вопреки этому? Если же кто либо изслѣдовалъ свыше того, что опредѣлено и одобрено, тотъ не будетъ ли по всей справедливости подлежать осужденію отцовъ"?. Не трудно было понять, что Діоскоръ, превратно толкуя опредѣленія Ефесскаго собора, направлялъ дѣло къ осужденію архіеп. Флавіана, такъ какъ послѣдній, кромѣ Никео-цареградскаго символа, потребовалъ отъ Евтихія исповѣданія двухъ естествъ во Христѣ. И дѣйствительно, какъ только епископы заявили свое полное согласіе съ опредѣленіями прежнихъ соборовъ о вѣрѣ, Діоскоръ сказалъ: „Ефесскій соборъ постановилъ, что никому не позволяется излагать другую вѣру, кромѣ этой.. а тѣхъ, которые покушаются составлять что нибудь новое... подвергъ извѣстнымъ наказаніямъ, именно: если то будутъ епископы, отчуждать отъ епископства, если клирики— отъ клира, а если міряне—отлучать отъ общенія съ церковію. Флавіанъ же Константинопольскій и Евсевій Дорилейскій, какъ ясно видитъ весь соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими и подали поводъ къ соблазну и смятенію святымъ церквамъ и всѣмъ православнымъ народамъ; ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ, нѣкогда соборно опредѣленнымъ св. отцами. Поэтому и мы, утверждаясь на ихъ опредѣленіяхъ, присуждаемъ Флавіана и Евсевія къ лишенію всякаго священническаго и епископскаго достоинства. Каждый изъ присутствующихъ епископовъ пусть изложитъ свое мнѣніе и съ ясностію внесетъ его въ документы". На это архіеп. Флавіанъ сказалъ: „аппеллирую на тебя". Вслѣдъ за нимъ римскій легатъ—діаконъ Иларій повторилъ: „contradictur, то есть—возражается". Изъ показаній присутствовавшихъ здѣсь епископовъ, данныхъ Халкидонскому собору, видно, что они сильно протестовали противъ низложенія Флавіана, но Діоскоръ насильственными мѣрами вынудилъ ихъ согласиться на несправедливый приговоръ и подписаться подъ соборными актами. Такъ закончился пересмотръ дѣла Евтихія во второй инстанціи. Черезъ два года, согласно письменной аппелляціи, врученной арх. Флавіаномъ бѣжавшимъ съ собора

папскимъ легатамъ, это дѣло перешло въ третью инстанцію—на Халкидонскій, четвертый вселенскій соборъ (451 г.).

Халкидонскій соборъ [1]) составленъ былъ изъ 630 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ трехъ папскихъ легатовъ; здѣсь присутствовали, занимая почетныя мѣста, многіе сановники и сенаторы, называвшіеся общимъ именемъ „сенатъ“.

Соборныя засѣданія, происходившія въ церкви св. Евѳиміи. открылись рѣчью папскаго легата Пасхазина: „блаженнѣйшій епископъ города Рима, главы всѣхъ церквей, далъ намъ инструкцію, которою соблаговолилъ повелѣть, чтобы Діоскоръ не присутствовалъ на соборѣ, если же онъ попытается сдѣлать это, то былъ бы изгнанъ. И такъ, если ваша знатность (сенатъ) повелитъ, то или пусть онъ выйдетъ или мы удаляемся“. Сановники спросили: „какая вина возводится на Діоскора?“ Пасхазинъ отвѣтилъ: „когда онъ будетъ введенъ сюда въ качествѣ обвиняемаго, тогда и будетъ изложено обвиненіе“ Такъ какъ сенаторы продолжали настаивать на томъ, чтобы указана была причина, по которой Діоскоръ долженъ занять мѣсто подсудимаго, то другой папскій легатъ Луценцій сказалъ: „пусть онъ отвѣтитъ за свой судъ въ Ефесѣ, ибо тамъ онъ предвосхитилъ право судьи, котораго не имѣлъ и дерзнулъ составить соборъ безъ дозволенія апостольскаго престола, чего никогда не было и не должно быть... мы не потерпимъ такого оскорбленія намъ и вамъ, чтобы вмѣстѣ съ судьями засѣдалъ тотъ, кто долженъ быть подсудимымъ“.

Когда Діоскоръ вышелъ на средину, гдѣ обычно становились обвиняемые, а папскіе легаты заняли свои мѣста, выступилъ впередъ Евсевій, еп. Дорилейскій и сказалъ: „я оскорбленъ Діоскоромъ, оскорблена вѣра; онъ умертвилъ еп. Флавіана и несправедливо осудилъ вмѣстѣ со мною; повелите прочитать мое прошеніе“. Сказавъ это, онъ сѣлъ рядомъ съ подсудимымъ.

По прочтеніи libellus, Діоскоръ, приглашенный отвѣчать на обвиненіе, сказалъ въ свое оправданіе, что соборъ Ефесскій созванъ былъ имъ не самовольно, а по высочайшему изволенію на то благочестивѣйшаго императора; что же ка-

[1]) Соборные акты—см. въ III т. Дѣяній вс. соб. съ 122 стр.

сается низложенія архіеп. Флавіана, то объ этомъ составлены судебные протоколы, которые и слѣдуетъ прочитать. Обвинитель—еп. Евсевій присоединился къ желанію Діоскора и, такимъ образомъ, началось чтеніе актовъ Ефесскаго собора 449 г., подъ предсѣдательствомъ Діоскора (второй судебной инстанціи) и Константинопольскаго 448 г. подъ предсѣдательствомъ арх. Флавіана (первой инстанціи). Чтеніе было не разъ прерываемо замѣчаніями епископовъ, присутствовавшихъ на Ефесскомъ соборѣ, изъ которыхъ съ ясностію обнаружилось насиліе, допущенное Діоскоромъ надъ епископами въ цѣляхъ низложенія Флавіана и вообще нарушеніе имъ установленнаго порядка судопроизводства [1]).

Въ виду наступленія ночи, сенаторы предложили со своей стороны слѣдующее мнѣніе: такъ какъ оказывается, что Флавіанъ и Евсевій осуждены несправедливо, какъ это видно изъ разсмотрѣнія документовъ и дознаній; также изъ самыхъ словъ нѣкоторыхъ, бывшихъ тогда на соборѣ, и теперь сознающихся, что они заблуждались и напрасно осудили ихъ, ни въ чемъ не согрѣшившихъ противъ вѣры: то намъ кажется справедливымъ и богоугоднымъ, испросивъ предварительное разрѣшеніе у императора, подвергнуть тому же наказанію имѣвшихъ тогда власть и предсѣдательство на соборѣ—Діоскора, Ювеналія, Ѳалассія, Евсевія, Евстафія и Василія—и святымъ соборомъ, по канонамъ, лишить ихъ епископскаго достоинства и обо всемъ воспослѣдовавшемъ довести до свѣдѣнія высочайшей власти. Громкимъ одобреніемъ было встрѣчено епископами предложеніе сената: „это — праведный судъ!“—воскликнулъ соборъ.

Второе засѣданіе не имѣло судебнаго характера: оно было посвящено изслѣдованію догматическаго вопроса о двухъ естествахъ во Христѣ, о чемъ настойчиво просили сенаторы, говоря: „вы (епископы) дадите отчетъ Богу и за свою душу и за всѣхъ насъ, которые желаемъ, чтобы ученіе о предметахъ вѣры было правильное и всякое сомнѣніе было устранено единомысліемъ и согласнымъ изложеніемъ.“ Путемъ чте-

[1]) См. напр. Дѣянія III. 159—164. 171—174 179—180. 186—187. 197—198. 209. 360—364 и др.

нія прежнихъ опредѣленій о вѣрѣ, твореній святоотеческихъ и посланія архіеп Римскаго Льва, отцы собора установили норму или образецъ вѣры по разсматриваему вопросу, отложивъ до слѣдующихъ засѣданій окончательную формулировку своего опредѣленія.

Третье засѣданіе, происходившее въ отсутствіе сенаторовъ, открылось чтеніемъ новой аппелляціонной жалобы Евсевія Дорилейскаго на Діоскора – въ защиту себя и умершаго архіеп. Флавіана,– въ которой онъ обвинялъ Діоскора—1) въ единомысліи съ еретикомъ Евтихіемъ и 2) въ нарушеніи узаконеннаго церковію порядка судопроизводства, выразившемся въ томъ, что—а) онъ не позволилъ ему явиться на Ефесскій соборъ и представить свои доказательства, а равно не позволилъ воспользоваться доказательствами своей правоты и архіеп. Флавіану, и b) внесъ въ соборные акты голоса, которые не были высказаны на соборѣ, принудилъ епископовъ учинить рукоприкладство на неписанной бумагѣ.

По прочтеніи аппелляціонной жалобы, Евсевій потребовалъ вызвать въ судъ Діоскора. На это первый нотарій-архидіаконъ Аетій замѣтилъ, что вмѣстѣ съ прочими епископами и Діоскоръ былъ приглашенъ черезъ двухъ діаконовъ къ настоящему судебному засѣданію, но отказался придти на томъ основаніи, будто бы его задерживаетъ стража. По предложенію Пасхазина, отправлены были два пресвитера освѣдомиться, не находится ли Діоскоръ вблизи собора; но такъ такъ его тамъ не оказалось, то соборъ рѣшилъ сдѣлать Діоскору формальный вызовъ чрезъ трехъ епископовъ, которые взяли съ собой нотарія, дабы онъ съ буквальною точностью записалъ отвѣтъ подсудимаго.

Возвратившись посланные донесли: Діоскоръ отказывается явиться на соборъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что его задерживаетъ стража и что на соборѣ нѣтъ знатнѣйшихъ сенаторовъ.

Послѣдовалъ второй вызовъ: три епископа вручили Діоскору пригласительную грамоту, въ которой было сказано, что соборъ, оставляя въ силѣ постановленное о немъ въ прежнемъ засѣданіи, намѣренъ теперь заняться изслѣдованіемъ новыхъ обвиненій, выставленныхъ противъ него епископомъ Евсевіемъ. Однако Діоскоръ и на этотъ разъ отказался прид-

ти, отговариваясь отсутствіемъ на соборѣ сенаторовъ и своимъ нездоровьемъ; при этомъ онъ требовалъ, чтобы ему дана была отсрочка и чтобы и другіе пять епископовъ, вмѣстѣ съ нимъ игравшіе главную роль на Ефесскомъ соборѣ, привлечены были къ отвѣту въ качествѣ подсудимыхъ. Одинъ изъ посланныхъ—еп. Кекропій, убѣждая Діоскора послѣдовать соборному приглашенію, указалъ на неосновательность выставленныхъ имъ предлоговъ: „еписк. Евсевій обвиняетъ только твое благочестіе (и никого больше), а потому нѣтъ нужды въ этомъ сообществѣ (остальныхъ 5 епископовъ); справедливость и канопы требуютъ, чтобы оказано было послушаніе и изслѣдовано каноническое дѣло А при изслѣдованіи каноническихъ дѣлъ не должны присутствовать ни сановники, ни другіе какіе либо міряне, кромѣ только твоей святости, обвиняемой въ собственномъ лицѣ. И такъ, нѣтъ нужды въ медлительности или въ этой отсрочкѣ, если ты хочешь повиноваться Богу и канонамъ, а не усиливать отсрочкою того, что сказано обвинителемъ“.

На это Діоскоръ отвѣтилъ посланнымъ: „я сказалъ, что хотѣлъ; и кромѣ этого ничего сказать не имѣю“.

Когда соборъ выслушалъ донесеніе посольства, обвинитель Евсевій замѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, направляетъ свое обвиненіе только противъ одного Діоскора: „пусть Діоскоръ не ищетъ предлоговъ и не принуждаетъ меня обвинять другихъ, кого я не желаю; потому что, хотя бы я и былъ оскорбленъ другими, мнѣ позволительно было сдѣлать обвиненіе на одного, на кого бы я захотѣлъ [1])“.

Въ это время первый изъ нотаріевъ архидіаконъ Аетій доложилъ собору, что нѣсколько лицъ, явившихся изъ Александріи и выдающихъ себя за Александрійскихъ клириковъ, представили обвинительныя записки противъ Діоскора и что въ данное время эти лица находятся у дверей суда и настойчиво просятъ дозволенія войти. Когда, съ разрѣшенія собора, они были впущены, двое изъ нихъ—пресвитеръ Аѳанасій и діа-

[1]) Несомнѣнно, что разсуждая такимъ образомъ, епископъ Евсевій стоялъ на точкѣ зрѣнія римскаго процессуальнаго права: non oportere compelli accusatorem plures reos facere, Hadrianus rescripsit. — Dig. 48. 2. (de accusat) fr. 19. § 2 Fessler. s. 129. Not 3

конъ Исхиріонъ заявили, что ими отправлены жалобы на Діоскора, какъ императору, такъ и сему святому собору. По предложенію папскихъ легатовъ, прочитаны были всѣ имѣющіяся подъ руками нотаріевъ обвинительныя записки противъ Діоскора, именно: діакона Ѳеодора, діакона Исхиріона, пресвитера Аѳанасія и міряпина Софронія, и всѣ онѣ были внесены въ судебные протоколы. Послѣ прочтенія каждой записки, папскіе легаты, обращаясь къ подателю ея, говорили: если онъ твердо надѣется доказать возводимое на Діоскора обвиненіе, то долженъ заявить объ этомъ собственными устами, ежели не хочетъ, чтобы опредѣленіе каноновъ обратилось противъ него самого. И каждый изъ присутствовавшихъ обвинителей давалъ формальное обѣщаніе доказать обвиненіе [1]).

Затѣмъ, по предложенію еп. Флоренція, рѣшено было — въ третій разъ вызвать Діоскора, какъ этого требуетъ порядокъ церковнаго благочинія. Въ пригласительной грамотѣ соборъ указываетъ на неосновательность прежнихъ отговорокъ Діоскора, называетъ имена новыхъ обвинителей и угрожаетъ, что, въ случаѣ неявки, противъ него будетъ имѣть мѣсто каноническое контумаціальное производство, т. е. послѣдуетъ заочное осужденіе за упорство (in contumaciam).

Посланные настойчиво убѣждали Діоскора внять голосу собора: если ты имѣешь чистую совѣсть, говорили они, благоволи прибыть и отвѣчать святому собору... тебя призываетъ соборъ вселенскій и мы вѣруемъ, что онъ будетъ судить такъ, какъ бы предъ Самимъ Богомъ. И такъ, если кажется и что твоя святость знаетъ, что возможно опровергнуть обвиненія, возводимыя на тебя Евсевіемъ и прибывшими нынѣ подателями записокъ, то явись и освободи отъ пятна святую Божію церковь.

Діоскоръ: каноническая церковь не имѣетъ пятна.

Послы (еп. Іоаннъ): преступленіе священниковъ—позоръ для всѣхъ. Итакъ, если твоя святость знаетъ, что ты претерпѣвашь клевету отъ нѣкоторыхъ, то святый соборъ недалеко— постарайся изобличить ложь.

Діоскоръ: что я сказалъ, то сказалъ; и этого для меня довольно.

---

[1]) Дѣяніе III. 570. 574. 581—582.

Когда посланные передали собору свою бесѣду съ Діоскоромъ, папскій легатъ Пасхазинъ обратился къ собору съ вопросомъ: такъ какъ Діоскоръ, вызванный въ третій разъ къ отвѣту своимъ обвинителямъ, сознавая себя виновнымъ, презрѣлъ приказаніе придти, то пусть ваша святость объявитъ собственными устами, чего достоинъ презирающій такимъ образомъ?—Соборъ отвѣтилъ: осужденія, опредѣленнаго канонами противъ непокорныхъ.

Одинъ изъ членовъ собора—еп. Лукіанъ сказалъ: благочестивѣйшимъ отцемъ нашимъ и архіепископомъ Кирилломъ разбиралось дѣло Несторія на св. соборѣ Ефесскомъ; вникнувши въ него, дайте надлежащее опредѣленіе (т. е. чтобы и противъ Діоскора, какъ противъ Несторія, начатъ былъ формальнный процессъ).

На это еп. Квинтъ замѣтилъ: когда Діоскоръ умертвилъ святаго мужа Флавіана, стража православія, онъ ни каноновъ не приводилъ, ни какимъ-нибудь церковнымъ порядкомъ не руководствовался, но осудилъ его, пользуясь собственною властью. А нынѣ все происходило канонически и потому не должно быть затягиваемо дальнѣйшею отсрочкою.

Тогда еп. Юліанъ выступилъ съ предложеніемъ: святые отцы, выслушайте! Діоскоръ въ Ефесѣ самъ первый изложилъ несправедливый судъ и всѣ, по необходимости, послѣдовали ему. Нынѣ власть принадлежитъ представителямъ архіеп. Льва и всему святому собору... Такъ какъ вамъ (папскимъ легатамъ) вѣдомо все, что несправедливо учинено въ Ефесѣ Діоскоромъ, который теперь, не смотря на троекратное приглашеніе, не хотѣлъ повиноваться собору, то просимъ вашу святость—произнести надъ нимъ приговоръ и опредѣлить наказаніе, положенное канонами. Весь вселенскій соборъ будетъ согласенъ съ приговоромъ вашей святости.

Папскій легатъ Пасхазинъ еще разъ спросилъ соборъ: опять говорю—что угодно вашей святости?

Максимъ, еписк. Антіохійскій отвѣтилъ: что угодно вашей святости, съ тѣмъ и мы будемъ согласны.

Тогда папскіе легаты встали со своихъ мѣстъ и произнесли осужденіе на Діоскора: такъ какъ Діоскоръ самовольно, вопреки канонамъ, принялъ въ общеніе единомышленника своего Евтихія, канонически осужденнаго собственнымъ епископомъ Флавіаномъ, не допустилъ прочитать посланіе

блаженнѣйшаго папы Льва къ архіеп. Флавіану и даже дерзнулъ произнести на него отлученіе, не повиновался троекратному приглашенію собора—то посему святѣйшій архіеп. великаго Рима Левъ, черезъ насъ и черезъ настоящій соборъ, вмѣстѣ съ треблаженнѣйшимъ и всехвальнымъ Апостоломъ Петромъ, который есть камень и основаніе каѳолической церкви и истинной вѣры, лишаетъ его епископства и отчуждаетъ отъ всякаго священническаго сана.

Этотъ приговоръ былъ принятъ и подписанъ всѣми епископами собора, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, былъ утвержденъ императоромъ и папою.

Такъ закончился процессъ по дѣлу Евтихія!

Заключеніе.

Каждая страница исторіи свидѣтельствуетъ о томъ, что церковь изначала осуществляла данную ей судебную власть, но ея судопроизводство въ первые три вѣка не получило и, въ силу тяжелыхъ обстоятельствъ жизни церковной, не могло получить надлежащей устойчивости, раздѣльности и правомѣрности: въ немъ, конечно, мы можемъ усмотрѣть и отмѣтить важнѣйшіе моменты, требуемые существомъ всякаго процесса, но не найдемъ строго опредѣленной, единообразной, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, судебной процедуры. Церковное судопроизводство первыхъ трехъ вѣковъ покоилось болѣе на нравственныхъ, чѣмъ на юридическихъ началахъ: кромѣ двухъ Апостольскихъ правилъ (74 и 75), происхожденіе которыхъ притомъ нельзя обозначить точной хронологической датой, въ историко-каноническихъ памятникахъ этого періода мы не видимъ никакихъ формальныхъ предписаній касательно порядка судопроизводства, а равно и постепеннаго движенія судпаго дѣла по разнымъ инстанціямъ. Все это явилось въ періодъ вселенскихъ соборовъ, какъ результатъ или самобытной правообразующей дѣятельности церкви или заимствованія изъ готоваго источника—римско-византійскаго процессуальнаго права. Что же именно должно быть отнесено на долю заимствованій изъ указаннаго источника?

1) въ положительномъ законодательствѣ: если согласиться съ тѣмъ, что правила вселенскаго законодательства, опредѣляющія качества обвинителя, обвиняемаго и свидѣтелей, были только „соображены съ гражданскими законами того времени“ и что здѣсь церковь пользовалась римскимъ правомъ лишь настолько, „насколько оно представлялось пригоднымъ для точнѣйшей формулировки того, что ей

завѣщано было первооснователями ея права [1])", хотя детальное сопоставленіе ихъ свидѣтельствуетъ о гораздо бо́льшемъ, то во всякомъ случаѣ правила, содержащія въ себѣ права и обязанности заинтересованныхъ въ судѣ сторонъ, несомнѣнно-римскаго происхожденія;

2) **въ церковно-судебной практикѣ:** изъ римскаго процессуальнаго права заимствованы были не только libellus accusatorius, судебные протоколы и нотаріи, какъ утверждаетъ г. Заозерскій [2]), но гораздо болѣе, именно: вся внѣшняя структура предварительнаго производства, юридическія послѣдствія принятія судомъ обвиненія (nominis receptio) для той и другой стороны (reatus), доказательства чрезъ улики (per indicia) и клятву, способъ подробнаго формальнаго допроса свидѣтелей, пріемы дѣйствованія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ судопроизводства (случаи поручительства и обезпеченія), ограниченіе публичности, усиленіе письменности, внесеніе слѣдственнаго элемента, бо́льшее проникновеніе судопроизводства виндикаціоннымъ характеромъ, ограниченіе суднаго дѣла тремя судебными инстанціями—все это явилось въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода, какъ результатъ вліянія римскаго процессуальнаго права.

И что же? Пострадалъ ли отъ этого принципъ независимости церковнаго суда въ подлежащей его компетенціи сферѣ?

Потерпѣлъ ли церковный судъ вообще какое либо умаленіе?

Конечно, нѣтъ. Что удивительнаго въ томъ, что церковь воспользовалась великими плодами изумительной многовѣковой работы римскаго юридическаго генія и потомъ неуклонно послѣдовала узаконенному ею порядку, строго наказывая всякія нарушенія его, если бы эти нарушенія основывались даже, какъ мы видѣли, на повелѣніи императора или уполномоченнаго имъ комиссара (напр. допущенныя Ефесскимъ соборомъ 449 г.). При всѣхъ заимствованіяхъ, церковь не измѣнила своимъ основнымъ началамъ. Пользуясь выработанными римской юриспруденціей процессуальными формами, она вливала

---

[1]) Заозерскій. Церк. судъ.. стр 264 и 340.

[2]) Ibid. стр. 301 и 349.

въ нихъ свой собственный духъ, стараясь согласовать ихъ съ собственными своими цѣлями, по возможности принаровить ихъ къ своему существованію. Церковь не механически, а творчески, какъ живой и саморазвивающійся организмъ, относилась къ предлагаемому ей государствомъ юридическому матеріалу, въ виду сооруженія своего собственнаго зданія, и по своимъ собственнымъ плану и мысли. А потому она съ рѣшительностію отвергла все, что противорѣчило ея основнымъ началамъ, шло въ разрѣзъ съ ея собственными цѣлями. Вотъ почему при всемъ сходствѣ, между церковнымъ и римскимъ процессомъ существуетъ глубокое различіе.

Церковный процессъ, несомнѣнно, отличался гораздо бо́льшею гуманностію, чѣмъ римскій. Въ послѣднемъ имѣло широкое примѣненіе (особенно въ промежутокъ времени между предварительнымъ и главнымъ судопроизводствомъ) такъ называемое—подслѣдственное заключеніе или арестъ, лишающій подсудимаго свободы. Арестъ былъ трехъ видовъ:

1) Custodia libera—домашній арестъ, состоявшій въ томъ, что обвиняемый не заключался въ тюрьму, а просто передавался какому-нибудь важному магистрату или одному изъ сенаторовъ, на котораго можно было положиться, и подъ личною отвѣтственностію послѣдняго, проживалъ въ его собственномъ домѣ.

2) Custodia militaris—онъ введенъ былъ въ началѣ правленія императоровъ для лицъ, обвинявшихся въ болѣе или менѣе тяжкихъ преступленіяхъ и состоялъ въ томъ, что обвиняемый передавался обыкновенно двумъ солдатамъ (въ рѣдкихъ случаяхъ-публичнымъ рабамъ), которые, подъ строгою отвѣтственностію, обязаны были представить арестованнаго въ судъ по первому требованію его. Иногда арестованному давалась значительная свобода, такъ что, подъ присмотромъ солдата, онъ могъ заниматься своими обыденными дѣлами. Но въ большинствѣ случаевъ дѣло обстояло иначе: руки арестованнаго сковывались и притомъ такъ, что правая рука его приковывалась къ лѣвой рукѣ одного солдата, а лѣвая къ правой—другаго.

3) Custodia publica—самый употребительный видъ ареста, такъ что первые два вида представлялись только исключеніями. Онъ состоялъ въ томъ, что подсудимый заключался

въ общественную тюрьму, которая сначала находилась подъ надзоромъ спеціальнаго чиновника. производившаго арестъ,— commentariensis, а со времени Юстиніана—подъ надзоромъ епископовъ.

По римскимъ законамъ арестъ допускался по отношенію ко всѣмъ лицамъ, за исключеніемъ женщинъ и знатныхъ (illustres), во всякое время и всюду—даже ночью и въ собственномъ жилищѣ обвиняемаго; правомъ убѣжища пользовались только храмы и статуи императоровъ.

Только въ исключительныхъ случаяхъ арестъ могъ быть замѣненъ отдачею на поруки, при чемъ поручитель обязывался внести опредѣленное обезпеченіе, котораго лишался въ случаѣ побѣга обвиняемаго, если (по Юстиніанову праву) въ теченіе шестимѣсячнаго срока не представитъ бѣжавшаго въ судъ [1]).

Кромѣ ареста, римскимъ процессуальнымъ правомъ въ широкихъ же размѣрахъ допускалась пытка и не только въ отношеніи къ рабамъ, но и къ свободнымъ (по крайней мѣрѣ — низшаго класса) для подкрѣпленія данныхъ ими свидѣтельскихъ показаній или какъ средство—добиться истины [2]).

Указанныя насильственныя мѣры—арестъ и пытка—не могли, конечно, получить никакого значенія предъ церковнымъ форумомъ: истинно-церковный судъ не знаетъ этихъ мѣръ. Церковь всегда съ высокимъ уваженіемъ относилась къ личности подсудимаго и свидѣтелей: кто бы они ни были, она видѣла въ нихъ прежде всего своихъ членовъ.

Правда, въ церковно-судебной практикѣ вселенскаго періода мы можемъ найти примѣры ареста и примѣненія разныхъ насильственныхъ мѣръ. Такъ, пресвитеръ Макарій, обвинявшійся на Тирскомъ соборѣ (335 г.) вмѣстѣ съ св. Аѳанасіемъ, содержался въ тюрьмѣ, пока производилось слѣдствіе въ Мареотидѣ [3]); св. Кирилъ и Мемнонъ, несправедливо обвиненные отдѣлившимся отъ Ефесскаго собора (431 г.) Іоанномъ Антіохійскимъ, взяты были подъ стражу [4]); дѣянія

---

[1]) Geib. S. 288. 560—569.

[2]) Geib. S. 634—643; Gottschalk. S. 189—191.

[3]) См. у Фесслера. S. 39.

[4]) Дѣянія... I. 809—910. 882. 306.

Тирскаго собора (448 г.) по дѣлу Ивы, еп. Едесскаго, даютъ основанія заключать, что какъ Ива, такъ и его обвинители, до суда находились подъ надзоромъ трибуна Дамаскія [1]); въ обвинительной запискѣ архимандрита Василія и прочихъ монаховъ противъ Несторія говорится: „то, что мы претерпѣли, для многихъ, слышащихъ объ этомъ, можетъ показаться невѣроятнымъ... судейская прислуга подъ ударами отвела насъ въ судилище. Здѣсь, обнаживъ и оковавъ насъ, какъ подлежащихъ наказанію, заклеймили, растянули и били пятами... послѣ этого, предали насъ знатнѣйшему начальнику великоименитаго города (Константинополя) и окованныхъ желѣзомъ отвели въ темницу; потомъ точно также въ оковахъ повели въ преторій; но такъ какъ не было ни одного обвинителя, то опять подъ стражею отвели насъ въ судилище; здѣсь онъ (Несторій) снова мучилъ насъ, бивъ по лицу“ [2])... Мало этого; въ исторіи Прискилліанистовъ мы видимъ примѣръ крайней жестокости, допущенной судомъ, именно: осужденные церковію (въ 384 г.) еретики, *по настоянію нѣкоторыхъ епископовъ* (особенно Итація, Магна и Руфина) были подвергнуты не только всякаго рода истязаніямъ, но даже *смертной казни.* Это—первый въ исторіи церкви примѣръ кроваваго суда надъ еретиками!

Однако церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей строго осуждала всѣ эти мѣры. Великій ревнитель православія Юлій, папа Римскій, оправдавшій св. Аѳанасія, писалъ по поводу дѣяній Тирскаго собора: „Аѳанасій утверждалъ, что Макарій въ Тирѣ былъ подъ воинскою стражею, а обвинитель одинъ пошелъ съ отправлявшимися въ Мареотъ... сему сначала мы не повѣрили, пока не было доказано изъ судебныхъ записей и подивились мы этому; я думаю, дивитесь и вы, возлюбленные... *суды церковные не по Евангелію уже производятся, возлюбленные, но домогаются заключенія и смерти* [3])“... Халкидонскій соборъ, какъ мы видѣли, низложилъ Діоскора за притѣсненія, допущенныя имъ на Ефес-

---

[1]) Дѣянія... IV. 187—188.

[2]) Дѣянія... I. 469—470. Сп. 872. IV. 262—263 и др.

[3]) Защитительное слово противъ аріанъ—въ твор. св. Аѳанасія. 231 и 236 стр.

скомъ соборѣ (449 г.) противъ епископовъ и за то, что онъ производилъ разбирательство дѣла въ присутствіи воинской стражи. Тотъ же соборъ не счелъ нужнымъ даже и отвѣчать на предложеніе обвинителей Діоскора заключить послѣдняго подъ стражу. Св. Мартинъ Турскій, Амвросій Медіоланскій и папа Сириций, глубоко возмущенные приговоромъ Прискилліанистовъ къ смертной казни, выступили съ грознымъ обличеніемъ.

Такимъ образомъ,—къ аресту, къ мѣрамъ насилія и жестокости чаще всего прибѣгали лица, забывшія великую задачу пастырства, зараженныя себялюбивыми желаніями или одержимыя чуждымъ церкви духомъ партійности. Горячій протестъ по этому поводу истинныхъ пастырей церкви свидѣтельствуетъ о томъ, что указанные примѣры не создали и не могли создать общеобязательной церковной нормы (какъ это мы видимъ въ римскомъ процессѣ относительно ареста и пытки), а представляли собою только печальные эксцессы, достойные глубокаго сожалѣнія, но возможные во всякомъ человѣческомъ общежитіи.

Но особенно ярко проявляется высоко-гуманный духъ церковнаго процесса, отличающій его отъ процесса римскаго, въ томъ, что здѣсь обвиняемый имѣетъ полную возможность получить вмѣсто наказанія—прощеніе, это зависитъ отъ его собственной воли: раскайся въ содѣянномъ преступленіи сокрушеннымъ сердцемъ, обновись духомъ правымъ, обратись къ пастырямъ церкви съ мольбою о помилованіи—формальное судопроизводство пріостановлено будетъ и послѣ искуса, доказывающаго искренность твоего раскаянія, ты снова будешь введенъ пастырями во дворъ овчій. Каждая страница актовъ вселенскихъ соборовъ зоветъ обвиняемаго къ такому раскаянію, къ такому обновленію духа; каждая страница дышетъ любовію, съ которою церковь въ лицѣ своихъ предстоятелей готова снова принять къ себѣ раскаявшаго подсудимаго. „Если остается еще надежда, пишетъ папа Целестинъ св. Кириллу, что онъ (Несторій), сознавъ свою вину, исправится, мы хотимъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ". Если онъ (Евтихій), говоритъ папа Левъ архіеп. Флавіану, искренно и нелицемѣрно кается и сознаетъ, хотя бы и поздно, какъ справедливо подвиглась противъ него власть епископская, или если онъ, для полнаго оправданія, осудитъ всѣ свои худыя

мысли и устно, и собственноручною подписью: то милосердіе къ исправившемуся, какъ бы оно ни было велико, не будетъ предосудительно. Ибо Господь нашъ, истинный и добрый пастырь, душу свою полагавшій за своихъ овецъ, и пришедшій спасти души человѣческія, а не погубить, хочетъ, чтобы мы были подражателями Его человѣколюбія, т. е. *чтобы согрѣшающихъ обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердіе* [1]). Еп. Диктиній, зараженный прискилліанскою ересью, былъ возстановленъ въ прежнее достоинство соборомъ Толедскимъ (400 г.), послѣ того какъ обратился къ судьямъ со слѣдующею покаянною рѣчью: „выслушайте меня, милостивые пастыри, и простите за все—вамъ дано право на такое прощеніе, ибо написано: вамъ даны ключи царства небеснаго (Мѳ. XVI. 19); и потому я прошу у васъ открыть для насъ (подсудимыхъ-прискилліанистовъ) это царство, а не врата ада. Все это, если только мы достойны, зависитъ отъ вашего усмотрѣнія. Я упрекаю себя теперь за то, что прежде говорилъ,—будто божество и человѣчество во Христѣ одной природы; прося вашего прощенія, я порицаю и осуждаю свою излишнюю гордость собственными сочиненіями. Богъ-свидѣтель, что я теперь исповѣдую истинную вѣру и если ранѣе согрѣшилъ, простите. Еще разъ повторяю, что все, написанное въ періодъ до своего обращенія, я отвергаю искренно—отъ всего сердца. Все, что говорится противъ Никейской вѣры, предаю анаѳемѣ вмѣстѣ съ лицомъ, говорящимъ это". На томъ же соборѣ приняты были въ церковное общеніе и возстановлены въ прежнее достоинство епископы—Симфозій, Патернъ, Вегетинъ и пресвитеръ Комазій, послѣ того какъ и они, вслѣдъ за Диктиніемъ, раскаялись въ своемъ заблужденію и произнесли анаѳему на Прискилліана и его нечестивое ученіе [2]). Ива, еписк. Едесскій, искренно раскаявшійся въ своемъ заблужденіи и произнесшій анаѳему на Несторія, былъ возстановленъ въ прежнее достоинство и формальное судопроизводство надъ нимъ прекратилось [3]).

---

[1]) Дѣянія I. 369. III. 530—531 и мн. др.

[2]) Подробнѣе о Прискилліанистахъ и отношеніи къ нимъ церковной власти—См. нашу брошюру. «Прискилліанъ и Прискилліанистъ» Казань 1900 г.

[3]) Дѣянія IV. 240—246.

Точно также поступилъ VII вселенскій соборъ со многими епископами-иконоборцами, послѣ того какъ они обратились къ собору съ неоднократнымъ воззваніемъ: „всѣ мы согрѣшили, всѣ просимъ прощенія“ [1]). Самый приговоръ осужденія церковь произносила всегда съ глубокою скорбію, съ душевною болью—„воздыхая и оплакивая совершенную погибель“ осужденнаго [2]).

Такъ ли было въ римскомъ процессѣ?—Какъ бы ни раскаявался подсудимый въ преступленіи, за которое онъ преданъ суду, все равно—магистратъ, сенатъ, делегированный императоромъ чиновникъ etc. могли развѣ только нѣсколько смягчить наказаніе, но не совершенно освободить отъ него [3]). Правда, императоръ могъ выступить съ реституціей или помилованіемъ, которымъ приговоренному къ наказанію возвращались его политическія и гражданскія права, но во 1) какъ бы часто ни практиковалась эта мѣра, все же она была явленіемъ экстраординарнымъ, наблюдавшимся преимущественно при вступленіи на престолъ новаго императора, а 2) эта мѣра ни въ какомъ случаѣ не освобождала помилованнаго отъ инфаміи, а въ большинствѣ случаевъ даже не возвращала ему нѣкоторыхъ семейственныхъ и имущественныхъ правъ [4]).

Въ этомъ различіи между церковнымъ и римскимъ процессомъ и сказалась вѣрность церкви основнымъ началамъ своего судопроизводства. Если теперь въ институтѣ церковнаго суда съ бо́льшею ясностію, чѣмъ въ первые три вѣка, выступаетъ его карательный характеръ, то вѣдь это было неизбѣжнымъ требованіемъ духа времени: христіане послѣдующихъ вѣковъ утратили ту чуткость къ впушеніямъ совѣсти и требованіямъ нравственной жизни, которою отличались первенствующіе христіане, такъ что теперь чаще, чѣмъ прежде, нужно было примѣнять карательныя мѣры.

Г. Заозерскій отмѣчаетъ указанное различіе между церковнымъ аккузаціоннымъ и римскимъ уголовнымъ процессомъ.

---

[1]) Дѣянія VII. 73—112. Сн. 124—126.

[2]) Ibidem III. 291.

[3]) Geib. S. 657—664.

[4]) Geib. S. 673—675.

„Тѣ, говоритъ онъ, которые обращаютъ вниманіе на второстепенное въ древнемъ церковномъ судѣ—формальности его производства, имѣющія дѣйствительно сходныя черты съ римскимъ обвинительнымъ судопроизводствомъ,—забываютъ, или намѣренно опускаютъ изъ вниманія, внутренній характеръ и назначеніе, по которому одно и тоже, по внѣшности, требованіе мотивируется совершенно иначе. Церковный судъ сохранилъ свой основной характеръ дѣла Божія—res Dei и въ V вѣкѣ, когда усвоилъ въ свое производство нѣкоторыя черты римскаго обвинительнаго процесса, сохранилъ и свое назначеніе служить торжеству любви и мира въ отношеніяхъ членовъ церкви. Со всею строгостію и нещадно карая преступленіе и упорныхъ, неисправимыхъ грѣшниковъ, церковный судъ въ тоже время со всего снисходительностію относится къ лицу согрѣшившаго, но показывающаго расположеніе къ обращенію. И если тамъ, гдѣ церковный соблазнъ требуетъ для его пресѣченія строгой кары, судъ церкви отлучаетъ и извергаетъ изъ сана недостойныхъ ея членовъ и служителей: то тамъ, гдѣ есть возможность примирить между собою тяжущихся и враждующихъ сдѣлать друзьями,—онъ съ отеческою ревностью испытываетъ надъ ними предварительно всѣ мѣры увѣщанія, терпѣнія и любви и потомъ уже отлучаетъ“ [1]) Къ сожалѣнію, г. Заозерскій пришелъ къ такому выводу путемъ напрасныхъ и совершенно непонятныхъ усилій стушевать дѣйствительное сходство между тѣмъ и другимъ процессомъ, путемъ замалчиванія тѣхъ услугъ, которыя римская юриспруденція оказала церкви въ дѣлѣ организаціи ея судопроизводства.

Изслѣдователю, интересующемуся дальнѣйшей судьбой церковнаго процесса, придется обратиться главнымъ образомъ на Западъ, гдѣ процессульное право имѣло очень длинную и интересную исторію. Это объясняется исключительнымъ значеніемъ, какое получило римское право въ Западной церкви: въ новыхъ германскихъ государствахъ, основанныхъ послѣ великаго переселенія народовъ, вошло въ силу положеніе, по которому клирики должны были жить согласно римскому праву [2]). Пользуясь римскимъ правомъ, Западная

[1]) Церковный судъ 348—349 стр.

[2]) Savigny Geschichte des Romisch. Rechts. B. I. § 40; Molitor S. 45.

церковь взяла оттуда всю внѣшнюю организацію своего устройства: по образцу абсолютной монархіи римскаго императора тамъ создалась абсолютная монархія папы, какъ намѣстника Христа и потому Западная церковь, замѣчаетъ Готтшалькъ, можетъ быть разсматриваема какъ своего рода продолженіе римской имперіи подъ именемъ „священнаго римскаго государства“ [1]).

Подъ вліяніемъ римскаго права и отчасти германскихъ юридическихъ воззрѣній въ каноническомъ правѣ Западной церкви были выработаны самыя разнообразныя формы процесса, оказавшія значительное вліяніе на свѣтское процессуальное право западно-европейскихъ государствъ [2]).

Изученіе всѣхъ этихъ формъ церковнаго процесса на Западѣ, съ цѣлію надлежащаго уясненія тѣхъ наслоеній и измѣненій, которыя потерпѣли начала вселенскаго судопроизводства подъ вліяніемъ юридическихъ воззрѣній—римскихъ и національныхъ западно-европейскихъ, дастъ канонисту богатый и глубоко-интересный матеріалъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

[1]) Gottschalk цит. соч. s. 3

[2]) München. Цитов. соч. соотв §§; Richter. Lehrbuch . § 126; Schulte-Lehrbuch des Katolisch. Kirchenrechts. 1863. § 95 Суворовъ Курсъ. II § 145.